

РОССИЯ В 1917: ЧТО ПОШЛО НЕ ТАК?

В.А. Никонов
об опыте и уроках
Великой русской
революции

с. 26

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

ПО ПУТИ ЯЗЫКОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

НА УКРАИНЕ ПРИНЯТ ЗАКОН, ЗАПРЕЩАЮЩИЙ ПРЕПОДАВАНИЕ НА русском языке начиная с пятого класса. Через три года обучение на русском языке прекратится полностью. «Это одна из главных реформ, потому что ни от одной другой реформы будущее страны не зависит так, как от образовательной», – написал президент Порошенко «напутственные слова», подписав соответствующий закон. С этим не поспоришь. Другое дело, как это понимать. Также в октябре вступил в силу другой закон об «украинизации»: теперь 75 процентов телевизионного контента должно быть на украинском языке.

Подобная политика целенаправленного выдавливания из страны – причем сугубо по политическим причинам – языка, на котором говорит существенная часть ее населения (а по данным различных исследований, русский в качестве основного языка общения в разных регионах страны, кроме западных, предпочитают использовать от 40 до 90 процентов населения, даже те, кто в официальных переписях называет своим родным языком украинский), имеет мало прецедентов в современном мире. Разве что еще в странах Балтии можно приметить нечто подобное.

Будучи массово применяемыми, скопее, в эпоху Средневековья, в нынешнем мире подобных мер стараются избегать, понимая, к каким пагубным последствиям для такой страны это может привести. Поэтому что вы не можете – особенно в условиях информационной эпохи – заставить тот или иной народ перестать быть самим собой, забыть о своей идентичности (а употребление языка в качестве основного бытового языка общения – один из признаков такой идентичности). Поэтому что действие рождает противодействие. И чем сильнее вы «подавляете» язык и его носителей в одно время, тем сильнее это может вам аукнуться в другое. Один из актуальных примеров – далекая от Украины испанская провинция Каталония. Диктатору Франко, жестоко подавившему движение за независимость провинции в 30–40-х годах прошлого века, запретившему использование каталанского языка повсюду и наказывавшему за это, могло показаться,

что он раз и навсегда «решил каталонский вопрос». Однако после его смерти – во имя общегосударственного примирения – власти пошли на предоставление каталонцам самой широкой автономии, национальный язык стал даже не вторым, а первым в провинции. Однако же «обиды прошлого» оказались столь сильны, что все равно прорезались в виде движения за отделение от Мадрида, которое сейчас привело Испанию к остройшему конституционному кризису за всю послевоенную историю.

Запрещая сегодня русский язык, нынешние власти Украины не укрепляют основы своей государственности, а, наоборот, подкладывают под нее мощную мину замедленного действия. Такими методами общегосударственного согласия не достигнешь. Не говоря уже об «реинтеграции» в состав страны восставшего против националистов Юго-Востока.

Ну что ж, и это пройдет. ¶

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
И. о. ректора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 193 оттенка
русского

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

08 Обелиск,
которого
больше нет

ИНТЕРВЬЮ

12 «Я – сторонник
культурной
экспансии
России»

20 «Я хотела,
чтобы меня
услышала
Литва...»

ИСТОРИЯ

26 1917:
от Февраля
к Октябрю

36 Псы
или рыцари

42 Театр
начинается
с улицы

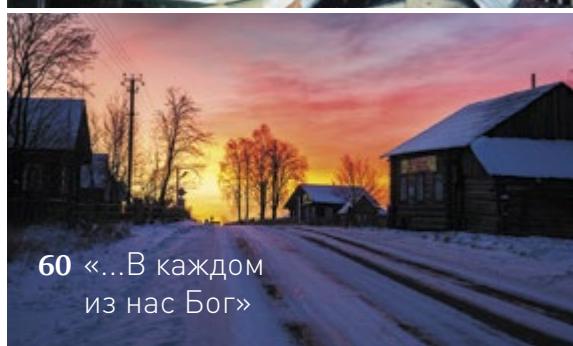
НАСЛЕДИЕ

48 Ощущение
жизни

54 Последний
рыцарь

60 «...В каждом
из нас Бог»

70 Королева
с русской
душой

МУЗЕИ

78 В поисках равновесия

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

86 Южный порт

КУЛЬТУРА

90 Город
antonovskikh
яблок

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Дмитрий РУДНЕВ
Юлия ЭГГЕР

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

193 ОТТЕНКА РУССКОГО

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В РОССИИ ПРОЖИВАЮТ 193 НАРОДА. ПО ДАННЫМ ЮНЕСКО, ЯЗЫКИ 136 ИЗ НИХ ПЕРЕЖИВАЮТ СЕРЬЕЗНЫЙ КРИЗИС. 22 ЯЗЫКА НАХОДЯТСЯ В КРИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ, 29 – В ОПАСНОМ, 49 ГРОЗИТ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ. А УБЫХСКИЙ И АЛЕУТСКИЙ ЯЗЫКИ УЖЕ ВЫМИРАЮТ. ЭТА ИНФОРМАЦИЯ БЫЛА ОЗВУЧЕНА НА ПРОШЕДШЕМ В МОСКВЕ И ФОРУМЕ-ДИАЛОГЕ «ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА».

КАМЧАТСКОЕ СЕЛО Никольское, расположенное на острове Беринга – крупнейшем из Командорских островов, вот уже год живет курсантами по изучению алеутского языка. Его алеутам преподают вахтовым методом ученые Института лингвистических исследований РАН из Санкт-Петербурга. Язык коренного народа Камчатки захотели учить около 500 из 637 обитателей Никольского, хотя алеутов среди них всего-то 301 человек. Тех, кто знает родной язык, и того меньше – 30 человек, а свободно говорят на алеутском всего четыре долгожителя. «Особенно успешно изучение алеутского идет у детей армян, татар, русских и украинцев – беженцев с Донбасса, – говорит Евгений Головко, директор Института лингвистических исследований РАН. – Точнее, с интересом новый для себя язык учат все, но его носители – алеуты – либо робеют, либо чаще других сомневаются: зачем он им нужен? За

советский период, к сожалению, сложилась «традиция» стесняться своего редкого языка. А те, кто частично на нем говорят, первыми обращают внимание на структурные различия между письменной и устной речью. И просят продолжить улучшение синтаксиса, лексики, морфологии».

Почему за освоение алеутского языка взялись не только коренные жители архипелага? Дело в том, что Алеутский район Камчатского края России, точнее, Командорские острова в 2005 году включены в предварительный Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. А это означает, что в случае положительного решения международной организации Никольское получит финансирование ООН и России для сохранения языковой уникальности и развития северного туризма. Поэтому и встал вопрос о системном преподавании алеутского языка местными педагогическими кадрами, что пока – нерешенная проблема.

МОДЕЛЬ МНОГОЯЗЫЧИЯ

Большинство языков, на которых говорят коренные народы Севера и Сибири, имеет довольно короткую историю письменности. Она оформилась в основном в 30–50-е годы XX века в период всеобщей ликвидации неграмотности в СССР и создания письменности малых народов на основе русского языка. С тех пор такие языки тяготеют либо к монолингвизму (языковая обособленность, тормозящая их развитие), либо к глобализму (явление, при котором под воздействием русификации и англизмов язык переживает кризисные явления, утрачивая самобытность и носителей). Как, например, осетинский, карельский, бурятский и цахурский языки, которые попали в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО.

К сожалению, далеко не все языки смогли выдержать реформу 1930–1950-х годов. Например, у нивхов – коренных жителей Сахалина и Дальнего Востока – на первом этапе она фактически провалилась.

Предполагается, что до 1931 года нивхи не имели письменности. Однако вплоть до 80-х годов XX века письменность у нивхов по большей части была формальной, поскольку малочисленный народ предпочитал писать по-русски. Ситуацию начиная с 60-х годов постепенно смогли переломить писатель, основоположник нивхской литературы Владимир Санги и составитель русско-нивхского и нивхско-русского словарей Чунер Таксами. На основе кириллицы и традиций русской литературы Санги и Таксами смогли «перевести» нивхский фольклор в письменность, которая зажила литературной и школьной жизнью. Вслед за изучением нивхского языка в школах появилась плеяды национальных писателей и филологов, пишущих на родном и русском языках – Евгений Гудан, Галина Отаина, Надежда Бессонова.

Эту относительно успешную практику вживления нивхского языка в структуру русского многоязычия на основе русского как государственного и языка межнационального общения | форум-диалог «Языковая политика: общероссийская экспертиза» рассматривает как модель сохранения и развития других языков народов России.

«Время системных мер диктует сохранение языкового многообразия как духовного богатства страны, – говорит руководитель Федерального агентства по делам национальностей Игорь Баринов. – Ведь за сто последних лет в России не исчез ни один из 193 языков ее народов. Поэтому приоритетом мер по сохранению и развитию родных языков остается формирование российской идентичности на основе укрепления русского языка как языка государственного и языка – основы создания письменности более чем 70 языков народов страны».

Но вопрос: как сохранять языки? Эксперты считают, что тут на первый план выходят две проблемы. Первая – поиск баланса между изучением русского, иностранного, языков национальных республик России и родных языков малых народов. Вторая – проблема реформирования орфографий языков народов России. Социальные изменения в обществе и глобальные перемены в мире поставили проблему остро: нужна новая реформа орфографий для некоторых языков, особенно коренных малочисленных народов Севера и Сибири.

ПОИСК БАЛАНСА

Пока эксперты призывают сосредоточиться на поиске баланса сил. Председатель думского комитета по делам национальностей Ильдар Гильмутдинов в ряду неотложных мер по выравниванию языковой политики выделил совершенствование законодательства, разработку и принятие «Концепции сохранения и развития национальных языков», подготовку педагогических кадров для детских садов, начальных и средних национальных школ. «Наша цель – поиск баланса в сочетании интересов и приоритетов, – говорит Ильдар Гильмутдинов. – Дело в том, что в 2022 году ожидается введение ЕГЭ по иностранному языку. А по данным разных опросов, старшеклассники школ уже сегодня предпочтение отдают изучению иностранного, как правило – английского. Следующий в системе ценностей – русский язык. И лишь затем до 40 процентов школьников, как правило, факультативно соглашаются учить родной национальный язык». Другая проблема – инициатива Татарстана сделать татарский язык

Руководитель
Федерального
агентства
по делам
национальностей
Игорь Баринов

обязательным для изучения в школах, а затем и вузах республики. 1536 родителей из 92 татарстанских школ написали отказ от обязательного преподавания татарского языка для их детей. Вскоре и президент России Владимир Путин заявил о недопустимости принудительного изучения в субъектах Федерации языков, не являющихся родными. «Это проблема не только Татарстана, – считает президент Фонда развития институтов гражданского общества «Народная дипломатия» Алексей Кочетков. – Если мы исходим из того, что у нас социальное государство, как это записано в Конституции, то оно должно заботиться не только о росте уровня жизни, но и о росте уровня развития граждан. Изнание государственного языка тут играет важную роль. Посмотрите, что произошло в русскоязычной части Украины. Когда началось вытеснение русского языка из всех уровней образования, украинский язык так и не поднялся на более высокий уровень. В итоге значительная часть молодых украинцев не только родного, но и русского языка толком не знает. Схожие процессы или их опасность есть в тех национальных республиках России, где в ущерб русскому языку навязывается обязательное изучение языков титульных этносов. Парадигма все же иная: русский язык – основа не только русской, но и общероссийской национальной культуры. Русский – язык межнационального общения не только России, но и постсоветского пространства. Он дает возможность внутри русской культуры успешно развиваться не только русским, но и всем народам.

Если же мы будем законодательно навязывать как государственный в одном из регионов России какой-то иной язык, результаты могут получиться как на Украине».

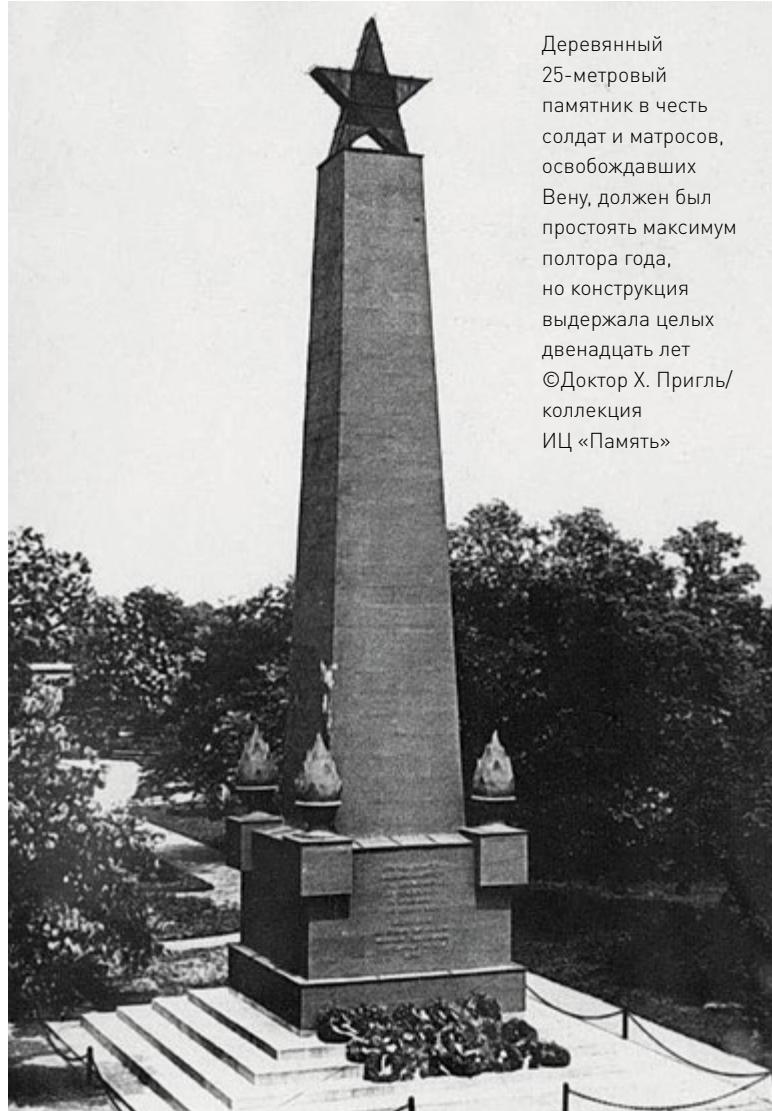
Эксперты форума согласились с тем, что проблему обязательности изучения национальных языков нельзя политизировать.

БЕЗ ЯЗЫКА НЕТ НАРОДА

По данным Министерства образования и науки РФ, из 193 языков России 24 преподаются в школах на регулярной основе, 73 изучаются факультативно, остальные 96 не изучаются вообще. Однако и Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН), и ученые Института языкоznания РАН предупреждают чиновников на местах о неэффективности обязательного или принудительного – через систему местного законодательства – изучения национальных языков в школах.

«Разрабатывая систему мер, мы должны определиться с приоритетами: каким языкам дать государственную поддержку, каким – точечную, а каким – правде надо смотреть в глаза – дать умереть, – считает директор Института языкоznания РАН Андрей Кибрик. – Тенденция к вымиранию части языков, надо признать, мировая. Например, у нас не осталось носителей ливского языка, почти нет носителей убыхского и айнского языков. Впрочем, айны – по разным данным, от 109 до 1000 человек – по факту живут в России. Еще от 200 до 1000 человек живут на острове Хоккайдо в Японии. Что делать? Усилиями двух стран сохранять язык? Для этого нужны воля и культура. Поэтому нам надо действительно искать баланс: не политизировать, например, проблему изучения родных языков в национальных республиках, а совершенствовать закон так, чтобы он держал баланс межнационального мира. Что и позволит сохранять языковое многообразие, но не любой ценой и не ради галочки, а в каждом отдельном случае – программно».

Рекомендации I форума-диалога «Языковая политика: общероссийская экспертиза» лягут в основу «Концепции сохранения и развития национальных языков», которую поручено разрабатывать ФАДН. ●

Деревянный 25-метровый памятник в честь солдат и матросов, освобождавших Вену, должен был простоять максимум полтора года, но конструкция выдержала целых двенадцать лет
© Доктор Х. Пригль/
коллекция
ИЦ «Память»

И

МПЕРСКИЙ МОСТ, соединивший старый и новый город, появился в 1872 году.

С тех пор он пережил три капитальные переделки, одно обрушение и четыре переименования.

Если ехать по Имперскому мосту из Вены, захватывает дух от столичных небоскребов, а на обратном пути нельзя не заметить небольшую церковь Франциска Ассизского с островерхими башенками, построенную по поводу 50-летия вступления на престол императора Франца-Иосифа.

С 1945 по 1957 год рядом с мостом располагался гигантский 25-метровый памятник советским солдатам и краснофлотцам, построенный из... дерева. Через полтора года после установки на его месте должен был появиться мраморный монумент, но деревянный предшественник задержался у Имперского моста на целых двенадцать лет, а новый памятник так и не поставили.

«ОБЪЕКТ 56»

В советских военных документах Имперский мост назывался «Объект 56». В начале апреля 1945 года Гитлер приказал уничтожить главные переправы через Дунай и через городские каналы. И только Имперский мост должен был держаться до последнего. Его планировали взорвать после того, как немецкие части покинут по нему город. «В боях за Вену сложнейшей задачей для нас стал захват Рейхсбрюкке – Имперского моста. Разрушив четыре моста, гитлеровцы цепко держались за этот последний, связывающий берега реки в самом центре города. По нему они перебрасывали резервы, технику. На случай отхода враг заминировал красивейший Имперский мост, национальную гордость австрийцев. Взрыв Рейхсбрюкке сильно затруднил бы наступление войск», – напишет потом в книге воспоминаний

ОБЕЛИСК, КОТОРОГО БОЛЬШЕ НЕТ

АВТОР

ЮЛИЯ ЭГГЕР

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД, В НОЯБРЕ 1957 ГОДА, ВЕНА ЛИШИЛАСЬ УНИКАЛЬНОГО МОНУМЕНТА, КОТОРЫЙ РАССКАЗЫВАЛ О МУЖЕСТВЕ СОВЕТСКИХ ДЕСАНТИКОВ И МОРЯКОВ И ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ИМПЕРСКОГО МОСТА – САМОГО ЗНАМЕНИТОГО МОСТА АВСТРИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ. ТЕПЕРЬ О СОБЫТИЯХ АПРЕЛЯ 1945-ГО НАПОМИНАЕТ ЛИШЬ ТАБЛИЧКА НА ОДНОЙ ИЗ ЕГО ОПОР.

Имперский мост 20 сентября 1957 года, за два месяца до сноса обелиска
©Архив Вены/ коллекция ИЦ «Память»

«Воплощение замысла» капитан 1-го ранга Аркадий Свердлов, руководивший в апреле 1945 года штабом Дунайской военной флотилии.

Первая попытка взять мост была предпринята советскими войсками 9 апреля 1945 года, но оказалась неудачной. Тогда «командир 2-й бригады речных кораблей капитан 2-го ранга Аржакин, ознакомившись с обстановкой, предложил захватить мост, высадив одновременно на правый и левый берега Дуная у подступов к мосту десант. Перед десантом ставилась задача удержать мост до подхода наших частей. Этот план был утвержден командующим флотилией», – описывает операцию по захвату переправы ее участник краснофлотец Отар Асланович Чхеидзе, автор легендарной книги «Записки дунайского разведчика». Бой за Имперский мост с ночи 12 до утра 13 апреля стал одним из значимых в Венской наступательной операции. «Объект 56» был спасен.

ГЕРОИ-КРАСНОФЛОТЦЫ

Операция по взятию Имперского моста была исключительно дерзкой, решительной и очень опасной. О ней до сих пор ходит множество легенд. Но фактом остается то, что за

Лейтенант Вадим Георгиевич Глазунов был похоронен у одного из военно-полевых госпиталей в Вене. Затем его останки перенесли на Центральное кладбище столицы
©Юлия Эггер

разминирование и спасение Имперского моста шесть воинов получили звание Героя Советского Союза. Многим солдатам, офицерам и краснофлотцам были вручены ордена и медали. В числе участников операции по взятию моста в литературе упоминаются и два известных в СССР имени: знаменитый советский ученый-генетик Иосиф Абрамович Рапопорт и актер Георгий Александрович Юматов. Гвардии капитану Рапопорту в апреле 1945-го было 33 года, краснофлотцу Юматову едва исполнилось 19 лет.

Лейтенант-краснофлотец Вадим Глазунов был представлен к ордену Отечественной войны I степени посмертно. Бронекатер, которым командовал москвич Глазунов, должен был прикрывать огнем десантников, которые высаживались у моста. Командир высадки десанта Семен Клоповский так рассказывал о штурме в своих воспоминаниях: «Морякам победа далаась нелегко. Заметив, что после высадки десанта мы уходим, немцы осмелели. Из-за дамбы Кайзермюлле стали выползать танки и самоходки и прямой наводкой

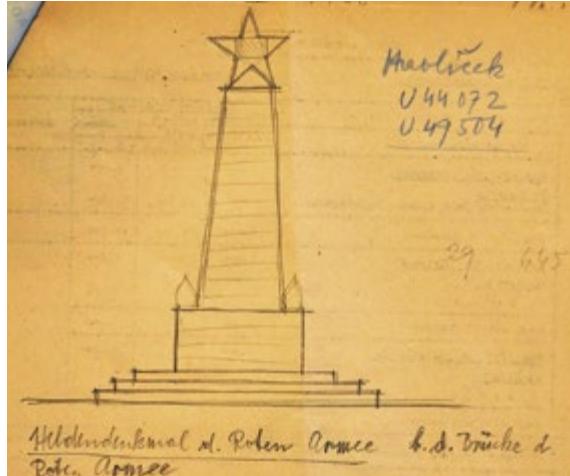
Вадим Глазунов. Это последняя фотография, которая осталась у сестры краснофлотца, живущей сейчас в Москве. Фото было сделано во время учебы Вадима в Высшем военном училище имени Фрунзе с 1942 по 1943 год
©Фото предоставлено семьей погибшего

бить по бронекатерам. В бронекатер В. Глазунова попал термитно-зажигательный снаряд, и возник пожар на корме. Другой разорвался возле рубки, и Глазунов был смертельно ранен осколками». Глазунов и несколько его товарищей умерли от ран 12 апреля, за сутки до взятия Имперского моста и освобождения Вены. Приказ о награждении краснофлотца вышел только 28 мая 1945 года. В представлении к награде подвиг 23-летнего лейтенанта описывается так: «Огнем своего оружия и пулеметов товарищ Глазунов уничтожил 200 солдат и офицеров, одно орудие, 8 огневых точек, одно самоходное оружие и автомашину. Несмотря на тяжелое ранение, полученное в этом бою, и на то, что катер имел повреждения от снарядов и пожар в машинном и ходотсеках, товарищ Глазунов привел свой катер к нашему берегу»...

12 июля 1945 года имена героя-десантников и краснофлотцев были присвоены бронекатерам Дунайской флотилии: «...в память о героях-дунайцах погибших в боях командира 4-го Тульчинского ордена Александра Невского дивизиона бронекатеров капитан-лейтенанта Николая Валериановича Савицкого и командира бронекатера БК-3 4-го ТДнБКА лейтенанта Вадима Петровича Глазунова бронекатерам присвоить наименования: БК-243 – «капитан-лейтенант Савицкий», БК-3 – «лейтенант Глазунов».

Лейтенант Глазунов был перезахоронен на Центральном кладбище Вены.

В 1945 году у Имперского моста, который к первой годовщине взятия Вены стал называться мостом Красной армии, а в октябре 1956-го снова Имперским, установили обелиск. «Доблестным гвардейцам-десантникам и матросам в благодарность за освобождение Вены», – гласила надпись на русском и немецком языках, размещенная на основании памятника.

Эскиз памятника у моста Красной армии в Вене
©Архив Вены/
коллекция
ИЦ «Память»

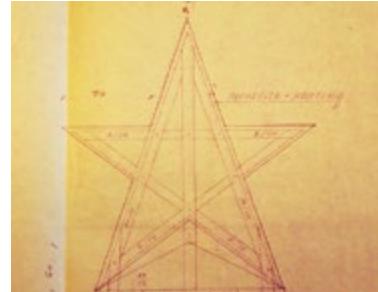
ТРИ ТАЙНЫ ПАМЯТНИКА У МОСТА

Несмотря на то, что военные и послевоенные архивы открыты, документы российских и австрийских хранилищ пока не позволяют разгадать несколько тайн памятника у моста. Например, до сих пор неизвестно, кто конкретно стал инициатором установки монумента, но зато есть подробности возведения и сноса обелиска.

Заказ на строительство временного памятника венская деревообрабатывающая фирма «Франц Хавличек» получила от старшего советника по строительству администрации города Вены в 1945 году.

Скоро в самом пострадавшем во время боев за город втором районе Вены у Имперского моста появилась полая внутри, но

Памятник снесли в ноябре 1957 года
©Коллекция
ИЦ «Память»

Высота деревянной звезды со вставками из красного стекла составляла 3,5 метра
©Архив Вены/
коллекция
ИЦ «Память»

огромная стела, высотой 25 метров. Монумент памяти советских десантников и краснофлотцев венчала пятиконечная звезда высотой 3,5 метра. И сама колонна, и звезда были выполнены из... дерева и фибролитовых плит.

Фирма установила обелиск, выставила счет за работу и материалы, но при этом поставила странное условие: после разборки памятника древесина должна быть возвращена владельцу. Тот, в свою очередь, обязуется вывезти материал за несколько дней, если бесплатно получит в свое распоряжение грузовой транспорт.

Вторая тайна заключается в том, что об открытии деревянного обелиска не сообщила ни одна газета Вены: ни коммунистическая, в которой каждый день печаталось много всего, как правило, положительного, часто даже незначительного о Красной армии, красноармейцах и Советском Союзе, ни какая-либо другая. Можно предположить, что послевоенные СМИ увлеклись сообщениями о строительстве главного советского памятника Вены на Шварценбергплац, который был открыт в августе 1945 года. Временный деревянный памятник у моста хотя и был огромным, но не шел ни в какое сравнение с монументальным солдатом в самом центре города. Обелиск у моста должен был простоять полтора года, а потом планировалось заменить его на мраморный. Но через три года

Франц Хавличек напомнит советнику по строительству, что стела со звездой до сих пор стоит. Хозяин фирмы в письме в мэрию пишет, что деревянная конструкция повреждена дождем, снегом и ветром и требует ремонта. В городской администрации делают вывод: при сильном ветре памятник может рухнуть. После короткой переписки обелиск решают укрепить, покрасить и оставить на месте на неопределенный срок.

Уже через год, в 1949 году, строитель дает заключение: «Памятник простоит еще два года». Следующие шесть лет его чинили, латали, красили, укрепляли, а 13 апреля – в день освобождения Вены – и дни других праздников советской воинской славы к памятнику возлагали венки и цветы.

В 1955 году после подписания государственного договора о восстановлении независимости Австрии армии СССР, США, Великобритании и Франции покинули страну. А деревянный памятник остался. Поскольку обелиск все время с момента установки числился временным, он не попал ни в один из документов, по которым на Австрию возлагалась ответственность за сохранение военных мемориалов армий-союзниц. Со временем он стал часто попадать в газетные хроники: конструкция заметно обветшала,

краска облезла. «Русский памятник теряет кожу» – так подписали фотографию монумента в одной из австрийских газет в октябре 1956 года. Но только в ноябре 1957 года обелиск с разрешения посольства СССР в Австрии отправили в утиль. Этот момент был заснят на видеопленку. Сюжет о сносе вышел в телевизионной программе «Еженедельное обозрение», которую видели жители Германии и Австрии. Оказалось, что потерявший вид снаружи деревянный обелиск был еще относительно крепким – его

Сейчас эта памятная доска располагается на правой опоре Имперского моста, со стороны церкви Франциска Ассизского
©Юлия Эgger

рушили несколько дней. От него не осталось ничего, что можно было бы снова использовать в строительстве.

До сих пор не раскрыта и третья тайна памятника – пока не найдены документы, которые могут объяснить, почему деревянный памятник не был заменен на мраморный, как это планировалось в момент его возведения. И все же память о героических событиях апреля 1945 года у Имперского моста удалось сохранить. После сноса монумента прямо на мосту установили бронзовую табличку, напоминающую о сражении за Имперский мост.

В 1976 году случилась трагедия: ранним утром 1 августа мост рухнул. Табличку удалось сохранить – ее отправили в музей соседнего района, но после открытия моста не вернули на место. Однако Министерство культуры СССР добилось того, чтобы на мосту был памятный знак в честь советских десантников и матросов, погибших в бою за освобождение Вены.

В начале июня 1982 года на одной из опор, в незаметном для прохожих месте, разместили табличку с надписью на русском и немецком: «Доблестным советским гвардейцам, воздушным десантникам благодарные жители Вены». О ней сейчас мало кто знает, но 13 апреля и 9 мая туда все-таки приносят цветы. ●

Имперский мост,
с 1946 по 1956 год
называвшийся
мостом Красной
армии, – самый
легендарный мост
Вены и один из
самых красивых
©Архив Вены/
коллекция
ИЦ «Память»

**«Я – СТОРОННИК
КУЛЬТУРНОЙ
ЭКСПАНСИИ
РОССИИ»**

БЕСЕДОВАЛА

ФОТО

АРИНА АБРОСИМОВА

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МИХАИЛ ШЕМЯКИН – ЧЕЛОВЕК СЛОЖНОЙ СУДЬБЫ И ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ. ГРОТЕСК В ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА, НО КАК БОГАТО ПРОРОСЛО ЭТО СЛОЖНОЕ ЯВЛЕНИЕ В РАБОТАХ МАСТЕРА, СКОЛЬКО НЕВЕРОЯТНЫХ ОБРАЗОВ ПРИНЕС ОН В НАШ МИР! ТЕМЫ ЕГО РАБОТ-ИССЛЕДОВАНИЙ ФИЛОСОФИЧНЫ, НЕОДНОЗНАЧНЫ, БОЛЕЗНЕННЫ. ВЕДЬ ВЫБОР ЗАВИСИТ ОТ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ХУДОЖНИКА – ЧУТКОГО НЕРАВНОДУШИЯ И ДОБРОТЫ. ОН ВСЕ ПРИНИМАЕТ ОЧЕНЬ БЛИЗКО К СЕРДЦУ...

— **М**ИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ, ВЫ – приверженец авангарда. Но это название было присвоено искусству сто лет назад, перечеркнув для последующих поколений возможность «быть первыми». Как в этой связи вы воспринимаете себя и свое поколение?

– Постараюсь ответить на этот сложный и важный вопрос. Действительно, для последующих поколений возможности «быть первыми» в многогранном и разнообразном мире западного и американского искусства не было никакой. Отрезанное от искусства Запада, от информации, какие изменения и метаморфозы с ним происходят, советское изобразительное искусство было приостановлено в своем развитии. Оно стало идти «своим путем». Но этот путь был разделен советской идеологией, борьбой за власть и блага, с нею приобретаемые. Таким образом, было официальное искусство, служившее марксистско-ленинской пропагандистской машине, и так называемое «левое», «нонконформистское», «подпольное» искусство, к которому принадлежали художники и скульпторы. Я принадлежал к пути последних. Путь этот был чреват многими опасностями. Чуя в нонконформистах, занятых экспериментами в своих бедных подвальных мастерских и вызывающих интерес со стороны интеллигенции, нарастающую угрозу своему благополучию, Союзы художников яростно боролись с «леваками». Бороться с нами было не трудно. Нас обвиняли в формализме, декадентстве, западничестве, идеологической диверсии, антисоветчине. Доносы обычно посыпались в 5-й отдел КГБ, занимающийся охраной идеологического фронта. И в борьбе с нами использовались: обыски и аресты, закрытия скромных квартирных выставок, а в 1960-е к борьбе с «леваками» подключилась «карательная медицина». В картинах и поведении «левого» художника врачи усматривали явное проявление симптома «вялотекущей шизофрении»... И вот уже «левак» года на три может быть насилино помещен в психбольницу. Думаю, о последствиях этих «лечений» говорить не приходится. И что же, мы, дети и внуки русского революционного аван-

гарда, явили культурному миру сто лет спустя? Отвечу без пафоса и квасного патриотизма, захлестнувшего сегодняшнюю Россию, – много!!!

«Художественный официоз», исповедующий принцип соцреализма и чаще всего состоящий из многочисленной рати приспособленцев, бездарей, карьеристов, доносчиков, дал миру большую группу серьезнейших мастеров живописи, скульптуры, графики, достигших в своем творчестве высот мирового уровня. Многие из них одновременно являлись превосходными педагогами и профессорами, воспитавшими десятки, если не сотни, больших профессионалов изобразительного искусства. Книжная графика пестрит именами грандиозных мастеров: Лебедев, Фаворский, Конашевич, Митрохин, Кравченко, Киблик, Кабаков. И многие из них подняли советскую книжную графику на мировой уровень. Живопись того периода дала миру немало замечательных мастеров пейзажа, портрета, натюрморта, композиций: Тышлер, Лабас, Фальк, Дейнека, Петров-Водкин, Пименов, Кончаловский, Мыльников, Моисеенко. Скульптура – блестящих мастеров реалистического портрета и композиций: Голубкина, Мухина, Конёнков, Манизер, Аникушин, Кербель, Томский. «Нонконформистское движение» дало миру мастеров, заслуживших мировое признание – Илья Кабаков, Эрик Булатов, Олег Васильев, Оскар Рабин, Владимир Вейсберг, Эрнст Неизвестный, Вадим Сидур, Олег Целков, – и менее известных мастеров, которые медленно, но верно вписываются в мировое искусство, пополняют своими произведениями собрания крупнейших музеев Запада и Америки.

Я твердо убежден, именно Русскому искусству суждено сыграть три решающие роли на арене мирового искусства. Две из них уже с блеском исполнены. Первая – это непревзойденный взлет духовно-литургического знака – Русская Икона. Вторая – Русский Авангард, рожденный революцией, явившейся переломным моментом в истории человечества, и являющейся таким же переломным моментом в истории искусства. А третья роль... Думаю, именно Россия удостоится высохшей миссии «собирания камней», разбро-

санных в последнее столетие, и создания новых духовных маяков на грядущих путях мира искусства. Я – сторонник культурной экспансии России в мировом пространстве, поэтому, наверное, и живу вне ее.

– Вы до 13 лет жили в Германии. И «европейскость» не могла в вас не влиться, может быть, и в 1970-е вам это помогло интегрироваться в западную жизнь. Но вы декларируете, что вы – русский художник. В чем ваша «русскость», если большая часть жизни прожита вне России?

– Понятие «русский художник» я обозначу как мастера, прочно внедряющего свое творчество в пространство мировой интернациональной культуры и одновременно бережно сохраняющего неповторимую самобытность образного языка своей страны, ее истоков и народа. И именно в этом важно видеть свое служение своей стране. Моя жизнь и мое творчество всегда проходят в русле данной идеи.

Вот уже двадцать лет, как я живу среди галлов. Десять лет прожил в Париже с 1971 года, затем тридцать лет – в Америке и вот еще десять лет – во французской деревне. У меня есть чувство, что я обитаю на красивейшем кладбище. Да, прекрасные музеи, архитектура, но вокруг – опустошенные зомбированные существа, которых трудно обозначить людьми! Где эти искрометные французы, потомки Д'Артаньяна? Пусто. Умер великий шансон. Нет мастеров живописи, скульптуры. Мы живем рядом с городом, где проживают 70 тысяч человек, но нет ни одной галереи искусства. Ни одной! В Америке рядом с нами – городок с 8-тысячным населением, там несколько десятков интереснейших галерей. Разница есть. Россия – бурлящий котел! Не все гладко, но жизнь ощущаешь всюду! Множество, великое множество талантов! Надо дать им возможность проявиться! Конечно, бывают «досадные проявления», к примеру не нужно было делать явно провокационную афишу к «Тангейзеру» – это не просто «оскорбление чувств верующих», это оскорбление человеческого достоинства. Ты можешь в Него не верить, но должен понимать, что для многих и многих Христос – воплощение нравственной чистоты и любви к людям. Поэт Демьян Бедный в антирелигиозное время написал похабные стихи, высмеивающие Христа, которые были опубликованы в «Правде». И Сергей Есенин заявлявший о себе: «Я не из тех, кто признаёт попов, // Кто без отчёта верит в Бога...», пишет гневную отповедь Демьяну Бедному: «И все-таки, когда я в «Правде» прочитал // Неправду о Христе блудливого Демьяна – // Мне стало стыдно, будто я попал // В блевотину, извергнутую спянью».

– Я вспомнила ваше письмо Бродскому: будь достоин своей поэзии. Ваше творчество каким-то образом сдерживает вас, формирует ваше поведение и отношения с людьми?

– Для меня не искусство первично, а первично – быть человеком, и, что еще важнее – человеком чести. Эти понятия воспитали во мне мои родители, и прежде всего мой отец – человек чести и долга. Наверное, мое понятие чести и долга заставило меня вместе с моей супругой, бесстрашной Сарой, отправиться в Афghanistan – спасать советских пленных солдат, которых правители СССР забыли упомянуть на женевских переговорах. До 1958 года я жил в Германии, сначала в Кёнигсберге – когда он еще не был Калининградом, потом мой отец служил комендантом многих немецких городов. При опале маршала Жукова отец остался преданным ему. Моя мать сказала: «Но ты же понимаешь, что твоей карьере – конец?» – «Я не имею права поступить иначе...». Он вместе с Жуковым воевал в Гражданскую войну! Родителей отца, он кабардинец, расстреляли большевики, бродяжничал, его усыновил белый офицер Петр Шемякин, через два года расстрелянный красными. Отец мой, потеряв из-за красных двух своих отцов, стал «сыном полка»: «Красноармеец Михаил Петрович Шемякин-Карданов, 9-ти лет от роду, кавалерист такой-то дивизии». В 13 лет он командовал взводом, получил первых два ордена Боевого Красного Знамени. Будучи сам раненым, он дважды спасал раненого комбрига Жукова, вынося его из-под огня с поля боя на крупе своего коня. Комбриг – во Второй мировой войне он был уже маршалом Георгием Константиновичем Жуковым – и мой отец, уже не комвзводом, а в чине гвардии полковника, служили вместе с генералами Доватором и Плиевым. И после войны, награжденный восемью орденами Боевого Красного Знамени и множеством других орденов и медалей, он отправился на заслуженный отды в Краснодар, «под крыло» генерала Плиева, собравшего вокруг себя бойцов-кавалеристов из своей дивизии. Там отец и поконится – в Аллее Героев, среди могил своих боевых друзей. И хоть сегодня модно осуждать и проклинать революцию 1917 года, а следовательно, и Гражданскую войну, я горжусь моим отцом – бесстрашным красным конником.

– В вашем роду – дворяне...

– И меня многие пытаются на этом «поймать»: вот я буду к знаменательной дате ругать революцию, ведь у меня в роду – белые расстрелянные... Конечно, трагедия, перелом в истории! Но я сторонник революции. Мы сегодня совершенно не понимаем, что, наряду с кровью и болью, она принесла много светлого и необходимого. Представьте, 80 процентов населения безграмотно, на бабах пахали! У меня есть немая дореволюционная кинопленка: ползет баба, а мужик сзади держит плуг. Ведь бабе плуг не удержать! Такая вот страна была. Черчилль сказал: Сталин принял страну с плугом, а оставил с атомной бомбой.

– Не поспоришь, но Россия корчилась от ударов и потерь...

– Да, было очень много жертв и крови – и там, и там... Со стороны матери моя русская линия – белая гвардия, у которой были постоянные стычки с моим отцом. Мой дед – белый офицер, дворянин Предтеченский, вступил в партию большевиков в 1916 году в Кронштадте, а два брата его – казачьи офицеры, в Петербурге расстреляны. Когда мы приезжали в Ленинград на похороны родственников, помню, после третьего стакана водки раздавались вопли: «белогвардейская гнида», «красная сволочь», начиналась драка. В моей семье идеологическая неприязнь и ненависть укоренились надолго... А сколько таких семей по России! И когда мне говорят, что зверствами красных превышены зверства белых, я задаю ответный вопрос: «А что и кто породил этого зверя или, вернее, разбудил зверя в русском мужике?» Иван – голодранец, безграмотный, озверевший, мстящий за свои унижения, нищету, – получил безграничную власть, да еще под лозунгом: «Грабь награбленное»...

Ну чего же иного надо было ожидать? А затем «чрезвычайка» – для обуздания беспредельщиков, выпущенных из тюрем большевиками, для расправы над дворянами и буржуинами, а главное – для защиты награбленного, объявленного народным достоянием. Иван безродный надевал кожанку и опять мстил, зверствовал, мучил, убивал. Но создала это жестокое, озлобленное существо не ленинская власть, а столетиями стоявшие над Иваном – Салтычихи, Троекуровы, Аракчеевы. Ленинская идеология лишь формировала новый вид человека, которого впоследствии окрестили «Хомо Советикус». Но этот обновленный Иван, этот Хомо Советикус, вскоре создает действительно новый строй, новый, ни на что не похожий мир. Он полон жестокости, несправедливости, но полон и романтики, энергии, невиданного энтузиазма. И возникает великолепное советское киноискусство, театр, наука, армия. Сегодня тенденция – перечеркнуть прошлое, переписать его. Вместе с плохим, ужасным вычеркнуть и все то героическое и прекрасное, которое, несмотря ни на что, было!

— Такой вы видите современную Россию?

— Мне кажется, чиновничья верхушка пытается создать такую карикатурную модель царского строя. Эти намерения уже просачиваются в прессу. Недавно в газете «Культура» президент РФ на полном серьезе был обозначен царем и противопоставлялся Николаю II, не в пользу последнего. Итак, наверху — некоронованный царь-батюшка и вокруг министры-капиталисты, их окучивают ладаном попы, а в самом низу — народ, часть которого лишена больниц, медикаментов, нормальных дорог, нормального жилья и проживает за чертой бедности. Чем не дореволюционная антицарская карикатура на правящий класс? Правда, иногда делаются показательные процессы, аресты. Вот ministra за взятки ведут в наручниках. И все же необузданное обворовывание страны и народа не прекращается! Коммунисты, по сравнению с сегодняшним ворьем из отряда чиновников высшей категории, — просто монахи-бенедиктинцы! Ну, баночка икры, ну, поездка в Карловы Вары — подлечить больные почки или печень, сорванные выпивонами с Брежневым, — и все! Невозможно себе вообразить, чтобы советский чиновник приобрел на Западе какую-либо недвижимость. А сегодня не стесняются демонстрировать роскошные яхты от 100 миллионов долларов, необъятные виллы на Лазурном Берегу, самолеты, машины стоимостью в миллионы. При этом народ постоянно информируют, на какое количество в России увеличивается число долларовых миллиардеров. Весело! Фурцеву несчастную довели до самоубийства за какую-то дачку под Москвой. Она была интересная женщина. Но меня травила...

— Вы с ней общались?

— Нет, ей дали фильм о моей выставке, устроенной в Эрмитаже, после чего срочно сняли директора Эрмитажа Артамонова, и его место занял Борис Пиотровский. И — вуала! — царская традиция — в нецарском мире. По наследству вручаются кресло и должность: Бондарчук-старший — Бондарчук-младший, Пиотровский-старший — Пиотровский-младший. При коммунистах такого не наблюдалось... Служивый люд содержался под строгим контролем. А уж о нас, людях подполья, и говорить не приходилось. Расправлялись с инакомыслящими просто — психушка, электрошок — и уже никаких мыслей вообще! Меня ни за что скрутили и бухнули на три года принудления в психиатрическую больницу.

— Разве не полгода?

— Маме сказали: раньше, чем через три года, не ждите вашего сына. Но она увидела, что они сделали со мной через шесть месяцев... Поскольку она воевала — актриса, ушла на фронт добровольцем, тоже кавалерист, как и отец, два с половиной года служила в его дивизии, — через адвокатов взяла меня «на поруки», как инвалида. Каждый день

неизвестно чем колют – психотропные препараты, специализированная клиника под руководством Осипова, которого мы называли палачом. Оттуда автоматически уезжали в Кащенко! Сегодня это образцовая больница, у меня там друзья споткнувшиеся, которым я помогаю. А в то время в Кащенко свозили безнадежных, где они умирали. Это называлось «карательная медицина». И я бы мог быть обозленным, да? Арестован, доведен до инвалидности, выслан, даже запрещено было попрощаться с матерью и отцом, сообщить им! Это условие КГБ. Мне сказали: «В руках – ничего. Вот вам 50 долларов – начинайте свою жизнь»... С нуля – ни языка, ни дома... Казалось бы, я должен быть озлоблен! А моя первая выставка там называлась «Карнавалы Санкт-Петербурга». Ну какая может быть обозленность, если я не пошел в лагерь! (Смеется.) Я – человек благодарный.

– Вы пошли в горы и в монастырь – самостоятельно реабилитироваться после «лечения»...

– Этого я никогда не забуду. Монахи, необычайно духовные люди, интересные, два дня меня в горы по тайным тропам вели, жил в скитах. Но прилетали вертолеты, и несчастных монахов-одиночек арестовывали на шесть месяцев за то, что жили без прописки, стригли наголо, издавались, а потом они, обритые, снова ползли в Сванетию, опять строили хибарки в укромных местах. Есть такое выражение – «Злой, как сван». В их шипящем, странном языке слова состоят из шести-семи согласных подряд. Сванам разрешалось носить в аулах оружие – очень свободолюбивые. И монахов не трогали, оберегали.

– Монахи помогли вам не обозлиться, простить?

– Я вообще не злой человек. Позлился и успокоился. Нельзя затаивать... К примеру, Барышников: «Я никогда не поеду в Россию!» Хотя в СССР-то к нему никогда не относились так, как ко мне! Танцевал главные партии в Мариинке. В Париже вот уже свыше сорока лет живет замечательный русский писатель Владимир Марамзин, куда он прибыл после заключения. И твердо знает и говорит мне, что в Россию ни ногой. В Америке недавно умер Константин Кузьминский, известный поэт, буйн, издатель знаменитой «Голубой Лагуны» – многотомного собрания левых поэтов СССР. Он прожил свыше сорока лет в Штатах и не пожелал приехать в постперестроенную Россию, ссылаясь на то, что не хочет видеть своих друзей и дев состарившимися, пусть в его памяти они останутся навсегда такими, какими он их видел в последний раз, – молодыми и красивыми. Мне же мои друзья в России милы и интересны и с сединами...

– Барышников вас привлекал к оформлению своих спектаклей?

– Нет, когда он стал руководителем балета Метрополитен, замечательная балерина Лена Черны-

шова работала репетитором – с Барышниковым, Годуновым, Макаровой. Приезжала и сюда работать со студентами, выпустила в Америке великолепную книгу, а совсем недавно умерла. Барышников ставил «Щелкунчика», она сказала: «Мишка Шемякин может так изумительно оформить спектакль!» Он ей ответил: «Никогда! Не хочу, чтобы меня обвиняли в том, что я создаю вокруг себя русскую группировку!»...

– Но «Щелкунчику» нужен был Шемякин!

– Прошли годы. Однажды Валерий Гергиев позвонил мне с гастроляй: «Я сейчас дирижировал «Фантастической симфонией» Берлиоза и все время думал о тебе, представлял твои работы». Через год после того звонка он приглашает меня делать новую версию «Щелкунчика» – для всех времен года. Обычно эту гениальную музыку, одно из предсмертных произведений Чайковского, которая является феноменальной симфонией, исполняли дети вагановские только на Новый год. Гергиев сказал: «Убери елку, сделай что-нибудь новое! А кого возьмем в хореографы? Может, Барышникова пригласим?» Я говорю: «Барышникова мы не пригласим. Или я, или он». Но не потому, что хотел за прошлое «отомстить». Барышников – уникальный танцов, великолепный театральный актер, но никудышный хореограф.

– Совсем другая профессия.

– Да, искусство одно, а профессии разные. Нуриев был гениальным танцором и одновременно великколепным хореографом. Гениальнейший человек – странный, тяжелый, но гениальный. С ним я тоже не работал, потому что я вообще не театральный человек. И Гергиеву сразу предложил пять-шесть хороших театральных художников, а сам отказался. Но он сказал: «Мне нужен именно ты с твоими работами!» Он бывал в моей американской деревне и правильно рассчитал: я же вырос в Германии, воспитывался на немецких романтиках, мне близок Гофман. И на мои отказы сказал: «Ну вдумайся: ты, наверное, уже тридцать лет работаешь над «Щелкунчиком! И послушай мою интерпретацию – только что вышла пластинка... Я музыку даже не узнал – настолько могучее, мощное звучание! Она всегда воспринималась только как балетная, делаются растяжки, ведь под столь быстрый темп танцевать невозможно. За два года я написал либретто и создал эскизы костюмов и декораций, и скоро семнадцать лет, как идет шемякинский «Щелкунчик» с аншлагом.

– Программы об искусстве на канале «Культура», книги, обучение студентов – вы масштабно занимаетесь образованием, низкий вам поклон! Но это – вынужденный шаг, не можете видеть упадка российского образования, должны вмешаться и хотя бы на своем уровне что-то исправить?

– С нашими скромными силами мы ничего исправить не можем, просто вносим свой неболь-

шой вклад в строительство духовного мира России – он должен набрать сил и возрождаться. А в России сегодня очень сложная и тревожная ситуация. Если внимательно присмотреться, то увидим настоящий геноцид русского народа. Он стоит в уничтожении культуры и образования. Я – сторонник многих пророссийских линий, потому что почти всю жизнь живу за границей. К Путину хорошо отношуясь, знаю его со времен Собчака, с которым дружил. И все, что у меня есть в России, – благодаря Путину: он мне подарил 600 квадратных метров, два этажа отреставрированного здания, чтобы я мог приезжать и работать. Но я видел, в каком вопиющем состоянии находится образование, и отдал здание Фонду – проводим выставки, научные конференции, мне важнее заниматься просветительской программой. Мы сегодня настолько обеднены в нашем языке! Недавно умер писатель Виктор Астафьев, а в 1970-е в своих книгах он свободно пользовался словами, значения которых мы уже не знаем. Молодежь не знает, что такое «голик»! Много лет занимаюсь двумя проектами: «Русские загадки» и «Русские говоры». Детские загадки иллюстрировали и раньше, но я работаю по книге Садовникова – 2 тысячи загадок для взрослых и детей! Она 1901 года издания, кто-то из старых эмигрантов привез, я купил ее более сорока лет назад. Загадки показывают и раскрывают уникальность мышления русского «простого и глупого» мужика, которым баре презировали. А зря! Этот мужик сумел в загадках «пройти по лезвию ножа», балансируя между жестокой, четкой крестьянской реальностью и абсурдизмом. И с таким абсурдизмом мышления, каковое «обэриутам» и не снилось! Можно иногда заплакать из-за невозможности понять «логику» русского мужика! Я пользуюсь этим обэриутским текстом, делая абсурдный рисунок и запутывая читателя еще больше! Возникают фантастические образы, а перевернешь страницу на разгадку – стул или горшок. Уже есть около 700 рисунков. Сделаем с заводом Ломоносова тарелочки с отгадкой на оборотной стороне. Часто не понимаю, что означает слово разгадки, ищем в Интернете. В те же годы я купил словари русских народных говоров, сейчас у меня их 44 – прорабатываю, делая раскладки: характер, быт, природа, рисунки. Сколько мы дадим синонимов слову «растяпя»? Ну, пять-шесть. А их 250! Жвака, шмыга – батальон своеобразных людей, а это одно слово! Как заменить слово «ослепнуть»? Потерять зрение, плохо видеть, погрузиться в темноту... А русский мужик одним словом говорит: окротеть... – крот! Мы в детстве воспитывались на «Азбуке с картинками»: А – арбуз, В – волк... У меня в азбуке: О – оберюхтя! Это разиня. Получаются словари для детей и взрослых, связанные, допустим, только с бытом, вилами, снопами, горшками и прочее. Таким образом через зрительный образ идет «воскрешение» несправедливо забытого могучего русского народного языка.

– Ваша вера в ренессанс вдохновляет...

– Мы живем в очень сложное для России время, и для нее все времена были сложными! Если мы думаем о спасении России, то нужно понимать, что с ней происходит! Хорошего мало.

– *Спасти можно? Как спасать, конкретно что делать?*

– Спасти нужно! Прежде всего прекратить воровать. Как в кино: «Вор должен сидеть в тюрьме!», а не на Гавайях и Мальдивах.

– *Владимир Семенович сказал.*

– Да, мой ближайший друг! Государство больше думает о спорте, физкультура пущено Uno. А культура отодвигается на задний план, начинает некоторым даже мешать: это можно допустить, а этого нельзя допускать. Происходит печальная метаморфоза: 90 процентов – те, кто обладает большими деньгами, – жадные безмозглые обормоты, не думающие ни о природе, ни о своей родине. А те, кто понимает – в меньшинстве, и они не имеют денег. Это очень печально. В силу безумной ненасытности «новых русских» народ кормится фактически отбросами – или западными ГМО-продуктами, или сами создаем. Я видел научный фильм: крысы и хомяков кормили такой кукурузой, и через поколение их волосы стали расти вовнутрь! Показали полость рта, а волосы – там... Генетические игры страшнее атомных и водородных!

– *Но это не вчера началось, а закончить, наверное, уже не получится...*

– В 1974-м, когда эта наука активно развивалась, на международном съезде генетиков прозвучало: если мы хотим, чтобы человечество на Земле осталось, мы должны прекратить все исследования. Мы же ничего не знаем! Есть книга «Ожившие химеры», написанная генетиками в 80–90-е годы, где для неискусленного читателя раскрывается опасность: в генетической лаборатории в Неваде на случай аварии существует еще и воздушное заграждение! «Если авария случится, то взрыв от ста водородных бомб покажется хлопком из игрушечного пистолета!» – пишет серьезный учений. Я давно этим занимаюсь. И понимаю, что эта программа – факт истребления людей, в том числе – и русского народа. А с медициной что делается – просто страшно! Меня поразила история двух генералов, больных раком, один из которых повесился, второй застрелился – не могли выносить эту боль. В предсмертных записках они написали проклятие медикам. Их жены вымаливали болеутоляющие – не дали! На Западе в таких случаях дают лекарства бесплатно. Моя первая супруга недавно скончалась от рака легких в Греции, мы ее навещали: она умирала спокойно, потому что поддерживалась обезболивающими уколами, а ведь боли бывают там страшные – люди так кричат, сутками не переставая..

— По-вашему, это не «частные случаи», а «системный подход»?

— Да, и сюда же я приписываю церковь. Без попов сейчас — никуда: танки освящают! Я был послушником в Псково-Печерском монастыре, и сказано: не убий! Надо заниматься своим делом: молиться, чтобы войны не было, но благословлять танки — не священническое дело. На недавнем съезде российских врачей заявили: только 22 процента тяжелобольных раком получают морфий! А остальные умирают в страшных мучениях... Встал священник: людям не нужны болеутоляющие, потому что Богу угодно, чтобы христианская душа перед смертью в муках очищалась... Он же бывал в кабинете у Господа, и, оказывается, это злобный и не очень умный старик с бородой — исходя из «ихних» понятий! Тогда давайте вообще мучить людей, а не лечить! Косвенно это задевает существование нации! Идет оглушение страшное! Нельзя же впадать в XXI веке в глухое средневековье! Отвлекают народ от важных дел и собственных несчастий — привозится пояс Богородицы, стоят несчастные женщины под проливным дождем — а вдруг Бого-

родица поможет, медицина-то не помогает! Цены растут, денег нет, жизнь все сложнее — к кому обратиться? Ну, естественно, к поясу Богородицы! Кто знает, что Богородица его носила, что вообще с поясом ходила?.. А завтра «святые отцы» привезут трусы Марии Магдалины, и мы будем благоговейно лобызать их? Люди прут из Сибири, трятят последние деньги! И вчера Россия была атеистической? Я-то сидел в сумасшедшем доме за то, что храмы посещал! Разговор с врачом в военной форме под халатом в клинике по принудлечению при КГБ, я говорю: «Но у нас же свобода вероисповедания...» — «Знаете, в советской медицине каждый верующий считается душевнобольным». — «Почему?» — «А вы во что верите? В то, чего нету. Это на уровне психических отклонений, и вы сейчас будете лечиться!»

— И вас вылечили от веры? Ведь не вылечили!

— Конечно нет. Сегодня чиновники глядят в церкви друг на друга, не зная, с какой стороны накладывать крест! Но это не публичный жанр! Вера — внутри, рано или поздно она к вам приходит.

«Я ХОТЕЛА, ЧТОБЫ МЕНЯ УСЛЫШАЛА ЛИТВА...»

БЕСЕДОВАЛА

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ДО ВЫХОДА КНИГИ «НАШИ» ОНА БЫЛА В ЛИТВЕ МОДНОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ, АВТОРОМ ПОПУЛЯРНЫХ СТАТЕЙ И КНИГ. ЧИТАТЕЛИ ЕЕ ЛЮБИЛИ, КРИТИКИ ХВАЛИЛИ, ДРУЗЬЯ ГОРДИЛИСЬ. ДВА ГОДА НАЗАД ВСЕ ИЗМЕНИЛОСЬ. РУТА ВАНАГАЙТЕ ИЗ ПОПУЛЯРНОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ СТАЛА «ПРЕДАТЕЛЕМ РОДИНЫ», «АГЕНТОМ КРЕМЛЯ», «ПАВЛИКОМ МОРОЗОВЫМ» И ДАЖЕ... «КУРИЦЕЙ С ГОЛОВОЙ САЛАКИ». ПРАВДА, НЕ ДЛЯ ВСЕХ...

А НАЧАЛОСЬ ВСЕ С ПРОСТОЙ СПРАВКИ, которая понадобилась ее дочке, гражданке Финляндии, для получения литовского гражданства...

Рута Ванагайте – театрковед, организатор международных театральных фестивалей, работала советником по культуре и коммуникациям премьер-министра Литвы и основала свое агентство по связям с общественностью. Ее первая книга была посвящена собственному опыту ухода за пожилыми больными родителями. Затем Рута написала еще одну книгу – про женщин за 50, про любовь, про детей... В Литве, где тираж 5 тысяч – это уже успех, было продано более 40 тысяч экземпляров. И тут писательнице понадобилась та самая справка о том, что она – из семьи политрепрессированных. Она знала, что ее дедушка пострадал от сталинских репрессий и погиб в далеком Карлаге. С детства он был ее героям. Первое неприятное потрясение ожидало внучку «врага народа» в литовском архиве КГБ. Изучив дело по обвинению деда, осужденного за сотрудничество с фашистами и сопротивление Красной армии, она узнала, что в годы немецкой оккупации он входил в специальную комиссию и составлял список советских активистов своего города. Таких оказалось 11 человек, и, похоже, все они были евреями. Через два дня все были расстреляны литовскими волонтерами...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

И тогда Рута решила разобраться: что в Литве во время немецкой оккупации случилось с евреями на самом деле?

Она побывала на лекции литовского историка, послушала его рассказ о Холокосте, в ходе которого в ее родной стране за первые три месяца войны были уничтожены 96 процентов граждан Литвы еврейского происхождения. Их здесь когда-то называли литваками. Литваки, как правило, были врачами, учителями, музыкантами, ювелирами, сапожниками, портными, но были среди них и ученые, и известные адвокаты, и мирового уровня хирурги... Практически все они были уничтожены летом и осенью 1941 года – 200 тысяч евреев, взрослых и детей. Спаслись лишь те, кто сумел уехать из страны до прихода немцев, да еще депортированные чекистами накануне войны еврейские граждане, высланные вместе с литовскими «врагами народа» в Сибирь. Там был не сахар, конечно, но почти все остались в живых. Вернувшись, они не обнаружили в своих городах и деревнях ни одного живого родственника. Ни одного... Их дома были заняты другими людьми. К стыду своему, Рута Ванагайте этого не знала, как, впрочем, и большинство ее сограждан. Но главный ужас она испытала потом, когда узнала, что самое активное участие в убийствах своих еврейских земляков принимали сами литовцы. В ее стране на эту тему говорить не принято. А зачем? Кому надо – прочтут, благо книг о Холокосте за годы независимости вышло не так уж мало,

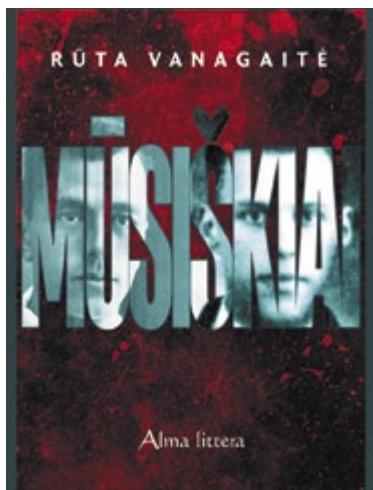

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Директор Иерусалимского отделения Центра Симона Визенталя Эфраим Зурофф периодически бывает в странах Балтии, чтобы принять участие в протестах против маршей бывших легионеров Ваффен СС или неонацистов

приличия соблюdenы – забудьте! Но почему же тогда даже образованные люди старшего поколения не знают ничего об этом и, главное, не хотят знать, не хотят говорить, не хотят понять, как такое вообще на их литовской земле могло случиться? Почему 20 тысяч адекватных литовских мужчин оказались причастны к убийствам евреев? Рута Ванагайте решила найти ответы на мучившие ее вопросы. Проштудировала изданные в Литве книги о трагедии литовских евреев, почти полгода провела в архивах, изучая дела осужденных за преступления литовцев. Пообщалась с историками, которые признавали, что они могут писать всю правду – все равно их научные изыскания никто читать не будет. «Что ж, – подумала автор бестселлера о женщинах, – значит, я должна написать так, чтобы прочли...». Для этого надо самой проверить, что правда, а что – советская пропаганда. Но одной справиться было сложно, нужен был помощник. Историки предупредили Руту, чтобы она ни в коем случае не обращалась к израильскому «охотнику за нацистами» Эфраиму Зуроффу, он – всем известный враг Литвы, занимается клеветой и очернением литовского народа. Но надо было знать Руту, прежде чем ей это говорить! Как

Обложка книги «Наши». Рута Ванагайте: «Человек слева дважды представлял Литву на довоенных Олимпийских играх. Значит, он был «достаточно хорошо» для нас, чтобы Литву представлять, но недостаточно хороший, чтобы жить. А человек справа руководил карательным батальоном, на его совести около 70 тысяч жизней. Выглядят как два брата. Но люди говорят: это не наш, потому что он еврей, и это не наш, потому что он убийца. А правда в том, что оба – наши»

только Зурофф появился в Вильнюсе, чтобы посмотреть на марш неонацистов, она встретилась с ним. И спросила: не работает ли израильский «охотник» на Путина? Он на миг опешил, а потом поинтересовался у Руты: не занимается ли она еврейскими проектами в расчете на большой куш?.. Эти двое нашли друг друга. Рута предложила Зуроффу отправиться вместе на ее машине по местам расстрелов евреев, пообщаться с населением, может, кто-то из очевидцев еще жив и сможет рассказать, что здесь творилось летом 1941-го. В июле 2015 года они поехали в литовскую глубинку. Всего в Литве известно 227 мест, где захоронены жертвы геноцида. Да какой там – захоронены! На окраинах деревень или в лесах в огромных рвах или ямах покоятся останки расстрелянных литваков – женщин, детей, стариков. В тех местах, где проводились раскопки, детские черепа и кости попадались часто вообще без пулевых отверстий. Значит, закапывали живьем. Или били головой о ближайшее дерево – пули экономили...

Где-то здесь нашли смерть и предки Эфраима Зуроффа, поэтому первым делом они с Рутой решили направиться в деревню, откуда его дед был родом. Два врага в одной машине – еврейский «охотник за палачами» и та, чей дед когда-то составлял расстрельные списки... И подзаголовок книги Руты сделает соответствующим: «Путешествие с врагом». А Зурофф... Когда этот бесстрашный мужчина, гроза нацистов и их пособников подошел к яме, где лежали убитые односельчане его деда, то... заплакал. Он плакал потом у каждого захоронения, где они побывали с Рутой. И читал еврейскую поминальную молитву, от которой и у нее щемило сердце. Она очищала от грязи и мха надписи на камне, указывающие, сколько здесь было захоронено жертв нацизма: где-то – 200 человек, где-то – тысяча, где-то и 8 тысяч... Но видела не цифры, а раздетых догола, испуганных женщин, держащих в руках плачущих детей, беспомощных и растерянных стариков, отцов, прикрывающих от пуль сыновей своими телами. Она и потом видела в своих ночных кошмарах этих захороненных живьем детей, изо рта которых сыпался и сыпался песок. Да и сейчас они все еще не отпускают ее. И, наверное, не отпустят уже никогда... Человек, побывавший в четырех лагерях смерти в Польше, не раз посещавший Бабий Яр, Румбулу и Освенцим, признался, что поездка по Литве стала для него настоящим путешествием в ад. И Рута на Зуроффа взглянула другими глазами, она увидела не врага, а человека, который может остро чувствовать боль своего народа. Ее попутчик тоже признался, что впервые встретил в Литве человека, который решил искать покаяния. Они побывали в 40 mestechkakh в Литве и Белоруссии, опросили 40–50 очевидцев преступлений. Старики помнили, что творили в их деревне соседи, служившие у немцев. Как избивали, грабили, как уводили на расстрел несчастных евреев, как потом приносили домой снятые с них вещи, золотые

украшения и детские ботиночки. В основном все они были обычными деревенскими парнями. Им сказали – надо охранять, они охраняли. Потом вели конвоировать в лес «обреченных» (так в протоколах допросов называли свои жертвы бойцы из расстрельных команд. – Прим. авт.) – они это делали. Потом сказали – стрелять, значит, надо стрелять. Нет, их никто не заставлял. Если командир видел, что кто-то нервничает, то сам отстранял слабаков – а то еще вдруг пальнет по своим! В основном все делалось добровольно. За «работу» платили или деньгами, или вещами убитых. Чего ж отказываться? Это же евреи, коммунисты-чекисты, они литовцев в Сибирь ссылали. Да и не грех вовсе – евреев убивать, они же не наши, не литовцы...

Очевидцы просили Руту диктофон не включать и их не снимать – боялись. Боялись, что придут дети убийц или внуки и расправятся с ними... И вот этот страх ее поразил больше всего. Прошло 75 лет, а люди еще боятся говорить правду! Более того, за все эти годы никто ни разу не пришел к ним и не спросил, как это все было. А миру говорили – свидетелей нет. Они есть! Евреев нет, убийц нет. А свидетели еще живы и все помнят. Но уже лет через пять и их не будет...

После поездки Рута подробно описала все, о чем ей поведали свидетели – литовцы и белорусы. Дело в том, что бравые литовские парни так хорошо проявили себя в борьбе с еврейскими согражданами, что их потом даже отправили на зачистку к соседям в Белоруссию. Книгу свою она назвала – «Наши». Потому что «нашими» были и убийцы, и их жертвы, в этом – правда.

Ее издатель пришел в недоумение, узнав, что Ванагайте предлагает ему издать книгу о Холокосте. Он-то ждал от нее новый бестселлер – о мужчинах. Она обещала, но только после выхода «Наших». Шантаж сработал. Книга вышла. Первый тираж в 2 тысячи экземпляров разлетелся за 48 часов. Это была бомба! Почти год Рута отбивалась от российских журналистов, просивших ее об интервью, она заверяла, что писала книгу для литовцев, которые должны сами разобраться со своим прошлым. Она хотела, чтобы они прочли и заплакали. Чтобы ужаснулись от содеянного их предками и пожалели невинно загубленные ими жизни. 200 тысяч убитых литовских евреев – это 200 тысяч убийств. Литва прочла. Заплакала и содрогнулась, не вся, но содрогнулась. Но на автора обрушился гнев недовольных сограждан, от нее отвернулись друзья и даже родственники. Она стала литовским Павликом Морозовым...

И вот новость, о которой пока мало кто знает – в одном из российских издательств готовится выход книги Руты Ванагайте, переведенной на русский язык. А автор наконец согласилась на встречу с корреспондентом журнала «Русский мир.ru». Четыре часа на машине из Риги до Вильнюса, и вот мы встречаемся в одном из вильнюсских кафе...

Рута извиняется за свои испачканные землей туфли – она только что приехала с Марша памяти жертв еврейского геноцида. В прошлом году на ее

призыв в соцсетях прийти к местам еврейских захоронений откликнулись несколько молодых литовцев. В этом году, в день нашей с ней встречи, к «расстрельной яме» недалеко от Вильнюса вместе с ней пришли 200 учащихся старших классов вильнюсской гимназии «Лайсве», чтобы почтить память убитых в этом месте 1159 евреев из Шумскаса, Кены, Вильнюса и других городов. 200 школьников в сопровождении учителей и полиции прошли 5 километров скорбного пути, которые в сентябре 1941 года стали последними для обреченных на смерть людей. Каждый гимназист нес с собой один камушек, на котором было написано еврейское имя одного из покоящихся в этой яме людей – Соня, Меер, Лев, Абрахамс, Лея, Зяма... Дети по очереди бережно укладывали камешки на могильные плиты, громко читали имена убитых, а потом еще долго стояли в сторонке. И слушали шокирующую правду от литовской писательницы...

– Рута, вы говорили, что своей книгой хотели добиться трех целей: чтобы снесли памятники, поставленные убийцам евреев, ставшим сегодня национальными героями-освободителями. Чтобы переименовали улицы, названные в их честь. И чтобы в школах ввели нормальные уроки по Холокосту. Хоть что-то исполнилось?

– Нет, ничего не исполнилось. И не только потому, что мало времени прошло. Нужна критическая масса людей, которые нормально относятся к прошлому своего народа. Пока же Литва разделилась на две части, одни думают, что литовцы – герои или жерт-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Обвиняемый
Адомас Лууниус
показывает
место резни
евреев
в деревне
Даваришки
в районе
Швянчёниса.
1960 год
(из материалов
уголовного дела)

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

По призыву
литовской
писательницы
200 гимназистов
из Вильнюса
вместе с ней
приняли
участие в акции
памяти «Здесь
похоронены
наши...».
Осень 2017 года

вы либо то и другое вместе. Другие же осознают, что в нашей истории не все было так однозначно. Тема Холокоста пока воспринимается болезненно, тем не менее ситуация меняется. Когда в 1995 году тогдашний президент страны Альгирдас Бразаускас в Израиле принес извинения за участие литовцев в убийствах евреев, его чуть с поста не смели! А когда моя книга только появилась в продаже, в Интернете было примерно 90 процентов негативных оценок, 10 процентов – позитивных. Сейчас в ответ на мой призыв пройти к местам захоронений евреев положительных откликов было 50 процентов. Так что не все столь плохо!

– Можно ли сказать, что после вашей книги в стране вырос интерес к теме Холокоста?

– Да, это так. Особенно среди молодежи. Потому что ультрапатриоты – а это в основном люди малообразованные и темные – начали кричать на всех углах о том, что евреи получили то, что они заслужили. «Они работали в НКВД, они виновны в депортациях литовцев в Сибирь»... Но на самом деле в органах перед войной работало 16 процентов евреев, 16 процентов русских, а остальные были литовцами. Молодежь отнеслась иначе, она сочла эти разговоры мракобесием и почувствовала потребность дистанцироваться от этого. Они начали сопереживать евреям, даже решили заботиться о могилах, как это делают европейцы. А литовцы-то теперь тоже европейцы. Тема Холокоста стала модной среди молодых людей – пусть будет. Это хорошо.

– Рута, была ли минута слабости, когда вы пожалели, что взялись за это расследование?

– Была, особенно вначале, когда я стала получать угрозы и оскорблении в свой адрес. Говорят, не боятся только те, у кого нет воображения. А я испугалась, конечно. Я-то думала, эту книгу никто

и читать не будет. До меня же многие писали о Холокосте – и что? Да ничего! Лежат книги в магазинах, ими редко кто интересуется. А сейчас вдруг такой скандал разразился!.. Я живу у леса, когда поздно возвращалась домой на машине, то включала огни дальнего света и внимательно всматривалась, не прячется ли кто в зарослях. И только после этого выходила из авто. Это и была, пожалуй, моя самая страшная минута слабости.

– Историки обвиняли вас в непрофессиональном подходе?

– А эту книгу и должен был написать дилетант. В чем ее сила? В том, что я сразу признала, что я ничего не знаю, что я – обычная женщина с улицы и пишу для тех читателей, которые тоже ничего толком не знают о трагедии литовских евреев. И они как бы идут со мной по этой дороге, и мы вместе открываем глаза. Если бы я проповедовала как академик, меня бы, скорее всего, никто не слушал. Но я подчеркиваю, что я – дура, я что-то вижу, узнаю, ужасаюсь, но иду дальше по этой дорожке незнающего человека. Для историка это плохо, а для простого читателя как раз нормально – он идет со мной.

– Литовское общество уже успокоилось? Или вы все еще – «враг литовского народа»?

– Как там пел Высоцкий – я не друг и не враг, а так? Не знаю... Официальная Литва другом меня не считает, это уж точно. Меня никуда не приглашают, и имени моего стараются нигде не упоминать. Когда в литовские зарубежные посольства обращаются разные общественные организации, выражая желание пригласить меня для участия в каком-то семинаре или конгрессе, то им обычно отвечают: «Ну почему именно Ванагайте? У нас есть другие писатели...»

– Я читала, что литовские спецслужбы объявили ваш труд чуть ли не угрозой национальной безопасности Литвы...

– Ну, был такой момент, но потом мне позвонили из американского посольства, мы встретились в кафе, поговорили. После этого, как я поняла, они позвонили в спецслужбы, успокоили их. Меня оставили в покое. Нет, преследования со стороны органов никакого не было. У меня очень выигрышное положение – я пишу книги, издаю и этим живу. Дети взрослые, дочь живет за границей. Они, кстати, книгу мою не читали, но сказали, что гордятся мною – это для меня было очень важно... Да, еще немаловажно, что помимо некоторых патриотических изданий меня поддержали практически все авторитетные литовские СМИ. Там работают молодые журналисты, редакторы – им по 30–40 лет. Они высказались в том духе, что Литва уже вполне созрела, чтобы узнать правду о самой себе. Один портал опубликовал несколько интервью со мной и шесть глав из моей книги, выдавая каждую неделю по одному разделу. Это, конечно, была зримая поддержка!

Правда, политики уверены, что я им всем за это заплатила, так как получила кучу денег от Путина или от евреев.

– На какие языки книга была переведена?

— Недавно вышло издание на польском языке. Хотя подозреваю, что поляки ее издали, чтобы показать, что литовцы были еще хуже их. Сейчас готовится выход книги на иврите. Я была с лекцией в Израиле, в зале собралось примерно 500 человек. Они встретили меня большим плакатом «Спасибо, Рута!». Но это были в основном родственники наших литваков, я думаю. Они мне долго аплодировали стоя. Было приятно. Выступала с лекциями в Белоруссии, Латвии, Германии, Великобритании, Польше, скоро поеду в Гарвард. В Нью-Йорке была по приглашению Центра Симона Визенталя, мне вручили медаль «За смелость», которую ежегодно эта организация вручает одному человеку.

– Вас это порадовало?

— Меня радовала реакция людей во всех странах, где я выступала. Они были взволнованы, многие плакали, слушая мой рассказ. Очень тепло меня принимали. Медаль от американцев... Мне было бы гораздо приятнее, если бы меня хоть как-то оценила Литва. Но этого точно не будет. Разве что после моей смерти...

– А оскорбления в ваш адрес вас расстраивали?

— Ой, ну кому ж это было бы приятно? Сейчас, слава богу, есть Интернет, там можно любого поливать грязью. На улице в меня камнями не кидали. Пару раз с ругательствами подходили — люди старые или очень пьяные. Так что не страшно. Однажды меня в Интернете кто-то назвал курицей с головой салаки! Я подошла к зеркалу, посмотрела на себя, немножко поплакала… Думаю, хуже уже никто ничего про меня сказать не может. И успокоилась. А сейчас вот написала свою автобиографию и именно так ее и назвала: «Курица с головой салаки». На обложке — эта самая мифическая птица с рыбьей головой. Обещаю — на презентации книги будет много кур, а сами мы будем есть копченую салаку и пить шампанское!

– Рута, а вы католичка? Церковники-то вас не поддержали...

— Нет, я атеистка. Как церковь меня могла поддержать, если она тоже должна нести ответственность за те убийства? Кто, как не церковь, мог удержать малограмотных парней от убийства своих сограждан? А многие ксендзы, наоборот, поощряли, оправдывали их, благословляя на новые «подвиги». А потом отпускали им грехи... А что делали иерархи католической церкви? За все время немецкой оккупации они один раз созвали собор. И как вы думаете, какая была тема? Что делать с имуществом крещеных евреев! То есть об имуществе некрещеных даже речи не было — все забрать и поделить. А вот с крещеными-то как поступить? Евреи некоторые

ПРЕПОСТАВЛЕНІ АВТОРОМ

крестились, чтобы их не убили, но их все равно всех уничтожили. Я сама читала речи ксендзов, выступающих за то, чтобы еврейское имущество отшло в первую очередь к борцам с евреями.

- До войны среди литовцев сильны были анти-семитские настроения?

— Антисемитизм носил в основном бытовой характер, еврейских погромов у нас до того не было. Многие литовцы, с кем я говорила, вспоминали, что евреи были хорошими соседями, в долг давали, детей угощали сладостями... Как заметил замечательный немецкий историк Дикман, написавший книгу на немецком языке о Холокосте в Литве, люди, которые до войны нормально относились к евреям, после того как завладели ве-щами убитых, стали антисемитами. Для того, чтобы оправдать себя. А иначе — как надевать своим малышам ботиночки убитых еврейских детей?.. У меня есть один раздел в книге, где я говорю о тех, кто помогал евреям, хотя и боялся, что свои же литовцы донесут. Кто-то одежду давал, кто-то хлеб, кто-то прятал. Таких смельчаков была лишь пара тысяч. А в убийствах прямо или косвенно участвовало почти 20 тысяч! Литовцы были уверены, что немцы пришли навсегда, значит, надо выслужиться, чтобы занять какое-то положение у них. То же самое было и с приходом советской власти. Литовцы стремились выжить, и выжить хорошо.

– Рута, ну вот вы написали редкую по уровню откровения книгу о самых темных страницах истории своего народа, написали о том, что вас мучило. На душе стало легче?

— Легче не стало. Эта тема меня до сих пор не отпускает. Вот представьте, я приезжаю в Израиль, иду по улицам, смотрю на лица людей... И в этот момент думаю: вот этого светловолосого парнишку можно было бы спасти, выдав его за литовца, а вот эту женщину, увы.. Ее бы вмиг выдали характерные черты лица. Или иду по своим родным улочкам, вижу молодых литовцев и думаю: «А-а-а, вот этот парень наверняка мог бы стрелять в людей,

Под Вильнюсом
на заброшенном
месте
захоронения
евреев
появилась
маленькая
гора из камней
с именами
расстрелянных
здесь литваков

На книжной ярмарке в Вильнюсе к автору скандальной книги об участии литовцев в геноциде евреев на всякий случай приставили охрану

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

взгляд у него неприятный, тупой и колючий...» А этот, может быть, и не согласился бы... Я никогда не зайду внутрь антикварного магазина, потому что совершенно точно знаю, что там выставлены на продажу еврейские вещи! Они были взяты из домов убитых евреев. Многие старинные антикварные вещи, которые хранятся в литовских семьях, вполне могли раньше принадлежать местным евреям. Даже антикварная мебель моей бабушки из Паневежиса, которая сейчас хранится у меня, ведь я не знаю, откуда она у нее...

– Но вы же обо всем этом уже написали, почему тема вас не отпускает?

– А как она меня отпустит, если почти каждый день я получаю новые письма или звонки. Сегодня, например, мне сказали, что в маленьком городке одну из площадей назвали в честь литовского национального партизана, который в 1941 году убивал местных евреев. И многие старожилы об этом знают. В родном городке моего отца 23 сентября, когда Литва официально отмечает День памяти жертв Холокоста, о евреях даже не вспоминали – чествовали национальных литовских партизан. Люди прислали мне эту информацию, так как, видимо, я в их глазах человек, который как-то может противостоять этому явлению. Но я-то что могу сделать?

– Хотя бы как журналист – обнародовать этот факт! Но, с другой стороны, Рута, вы же несколько сот юных литовцев все-таки подвигли на благое дело – они возложили цветы и поминальные камни у расстрельных ям. Но я вот, к примеру, не понимаю – как это согласуется с ежегодными маршами вашей молодежи по главной улице Вильнюса с криками «Литва должна быть литовской»?

– Ой, боже мой! Да какие там марши? Это всего лишь жалкая кучка маргиналов. Большинство моих соотечественников так на них и смотрят. У вас в Латвии, знаю, все немного по-другому, там правят бал ультрапатриоты, в основном люди старой закалки...

– Не совсем так, молодежи, увы, на похожих маршах в Латвии довольно много, и это не может не тревожить. Как вы думаете, в наши дни Холокост может повториться?

– Теоретически – да. Хотя, конечно, для этого потребуется определенное стечание самых разных несчастных обстоятельств – приказ сверху, необразованность масс, какие-то прошлые обиды, желание реванша, вера в собственную непогрешимость...

– Я бы сюда добавила – постоянное натравливание одной общины на другую, рост русофобии в мире... Вы же понимаете, что следующий Холокост на этой земле, не приведи господи, уже будет не против евреев. Против русских. Это я вам говорю как человек, принадлежащий Русскому миру и выросший на русской культуре. Но во мне течет половина европейской и половина немецкой крови, угрозу геноцида я ощущаю чуть ли не на генетическом уровне...

– Все может быть... Но в Литве мало русских, они ведут себя очень тихо. Нет, вы знаете, в Литве не будет никакого геноцида! Потому что литовцы все разъехались по миру. Евреи справедливо нас упрекали, что Литва разбогатела, присвоив еврейские дома и имущество. А теперь в этих домах уже некому жить, потому что из 3 с половиной миллионов в стране осталось в лучшем случае 2 с половиной миллиона жителей – литовцев, поляков и чуть более 5 процентов русских. Наверное, это расплата за прошлые грехи...

– Но русских-то литовцы не любят?

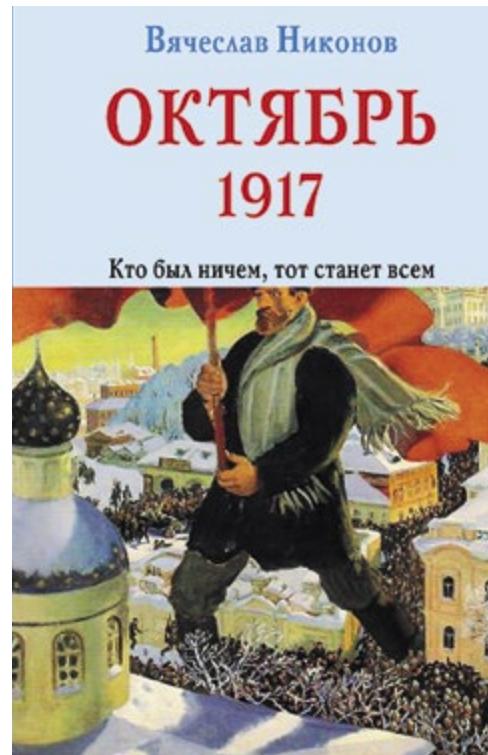
– Не любят. Но мы и поляков не любим, и евреев, и мусульман, и геев. Любим только себя – литовцев. Мы ведь герои и жертвы истории.

– Значит, вы эту тему не бросаете? Будет продолжение?

– Я обязательно напишу вторую книгу. О том, как сложилась судьба палачей – тех, кто участвовал в убийствах литовских евреев. Название уже есть – «Убийство и тишина». Нет, тишина – это не только безнаказанность. Это молчание народа, нежелание правительства признать правду. И эта тишина гудит. Такой жуткий гул из-под земли... Мне говорят, что моя правда служит «путинской пропаганде». Но, как мне сказал наш замечательный писатель Томас Венцлова, правда никогда никому не служит. А вот ложь – служит. Это очень трудный материал, но он приходит ко мне, уже многое собрано. Литва должна знать всю правду о себе, какой бы горькой она ни была.

1917: ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

В НОЯБРЕ НЫНЕШНЕГО ГОДА, К СТОЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЭКСМО» ВЫХОДИТ В СВЕТ НОВАЯ КНИГА ИЗВЕСТНОГО РОССИЙСКОГО ПОЛИТИКА, ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ВЯЧЕСЛАВА АЛЕКСЕЕВИЧА НИКОНОВА, «ОКТЯБРЬ 1917». МОНОГРАФИЯ СТАНЕТ ПРОДОЛЖЕНИЕМ КНИГИ «КРУШЕНИЕ РОССИИ. 1917», ВЫШЕДШЕЙ В 2011 ГОДУ И НЕОДНОКРАТНО ПЕРЕИЗДАВАВШЕЙСЯ. ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ОКТЯБРЬ 1917» ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА.

МЫ ВСЕ ВЫШЛИ ОТтуда. Хотя никто из ныне живущих не участвовал в революции 1917 года, мы все, так или иначе, ее дети. И каждый до сих пор чувствует множество ее отголосков. Мы только приходим в себя от той революции. Только восстанавливаем те чудом устоявшие усадьбы, дворцы, дома, церкви, монастыри, которые начали разрушать сто лет назад. Мы только сейчас обретаем способность более или менее спокойно и трезво оценивать то, что тогда случилось с нашими прародителями, с Россией.

Революция – крупнейшее событие новейшей истории, во многом определившее судьбы мира. В течение нескольких месяцев на развалинах великой евразийской державы, находившейся под властью династии Романовых, возникло государство Советов, которым руководила партия большевиков, еще недавно маргинальная, но предложившая альтернативную всей предыдущей истории модель общественного устройства. Модель, которая в течение 74 лет будет вдохновлять или приводить в ярость остальное человечество. Трагедии и взлеты порожденной революцией советской эпохи до сих пор в огромной степени влияют на нашу повседневность. Споры о революции, которые заметно ожиwiлись в связи с ее столетием, выявили разногласия, проходящие по самым актуальным линиям современного политического противостояния. Мы еще во многом живем в той эпохе, пользуемся ее языком, черпаем из нее опыт.

Революции 1917 года и громыхавшую до 1921 года Гражданскую войну принято в последнее время объединять в один исторический акт, называемый Великой русской революцией. Событие действительно одно. Только в нем не было ничего великого, кроме трагедии страны и ее народа. Это была одна из самых драматических стра-

Заседание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в апреле 1917 года.
Фото Я.В. Штейнберга

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

После Февраля Россию поразила эпидемия слов, шествий, слов, празднований

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ниц отечественной истории. «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непрекращающийся морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий», – напишет в 1918 году Петр Струве.

За пять лет «Великой революции» экономика была отброшена на полстолетия назад. Страна понесла огромные территориальные потери в результате проигранной мировой войны. Последовавшая Гражданская война унесла 8 миллионов жизней. Погибла или была

вынуждена покинуть страну значительная часть ее интеллектуальной, творческой, военной, предпринимательской элиты. Главная революция 1917 года произошла в феврале. Именно тогда потерпела крушение многовековая российская государственность, существовавшая в форме Российской империи Романовых. Было много празднеств по поводу свержения «проклятого царизма». Пришедшее к власти правительство либеральной мечты сняло все ограничения гражданских прав, гарантировало свободу собраний и создания общественных организаций, отменило смертную казнь, разрешило неограниченное местное самоуправление. Однако уже через несколько месяцев этого правительства не станет, у него не окажется защитников, к власти придет ультраправая маргинальная партия, которая установит безраздельную диктатуру.

Вопрос вполне уместен. Действительно, что пошло не так? «Какого дьявола» большевики столь стремительно и малой кровью смогли завоевать власть? Конечно, дело не в мифических марксистских объективных предпосылках революций, приводящих производственные отношения в соответствие с уровнем развития производительных сил. Октябрь 1917 года полностью противоречил марксизму. Ведь согласно этому учению пролетарская революция

должна была стать конечным итогом индустриализации, а не наоборот, произойти прежде всего в высокоразвитых промышленных странах и только затем – в среднеразвитых, как Россия. Причины в другом.

Февральскую революцию подготовила и осуществила группа элиты – олигархической и интеллигентской, – воспользовавшаяся трудностями войны для установления собственной власти, при этом не понимавшая природы власти и той страны, которой намеревалась управлять. Отцы революции не вполне отдавали себе отчет в возможных последствиях разрушения государства и выпуска на волю раскрепощенной энергии масс, да еще в условиях тяжелейшей войны. В течение нескольких дней февраля–марта 1917 года исчезнет российская государственность, а с ней и великая страна.

Октябрьская революция стала результатом в первую очередь нежизнеспособности Временного правительства и его фантастических провалов. «Когда они прежде воображали себя правительством – то за каменной оградой монархии... – спрашивал Александр Исаевич Солженицын. – Все протоколы этого правительства, если смерить их с порой, – почти на уровне анекдота». Ученые, земские деятели, юристы, промышленники, они неплохо разбирались в общеполитических вопросах и парламентской практике, но никто из членов кабинета не обладал ни малейшим опытом административной или государственной работы.

Важный фактор слабости февральской власти – сомнительность ее легитимности. Временное правительство отказалось выводить преемственность своей власти как от императорской, так и от власти Государственной думы, считая ее осколком старого режима. Обладая лишь революционной легитимностью, новая власть не спешила с обеспечением собственной леги-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Февральская революция. Солдаты и матросы, перешедшие на сторону восставших, в Екатерининском зале Таврического дворца. В центре – Михаил Родзянко, который возглавил Временный комитет Государственной думы. Петроград. Март 1917 года

тилизации, как будто ей была отпущена вечность. Только в конце марта Временное правительство создало «особое совещание» для выработки лучшего в мире избирательного закона, которое приступило к работе в мае. Когда до него дойдет дело, у власти будут уже большевики. Вместе с тем стране, привыкшей на протяжении предшествовавшего тысячелетия к централизованной системе власти, была предложена крайняя форма политического либерализма. В политическом плане в 1917 году Россия стала – и это признавал даже Ленин – самой свободной в мире.

Что же касается настоящих институтов представительной демократии, то они либо разрушались, либо создавались исключительно медленно. Масса населения связывала реализацию своих представлений о

народоправстве с теми политическими формами, которые им были близки, понятны и апробированы на собственном опыте. С этой точки зрения им ближе были Советы. Советская организация власти оказалась более понятной массовому (во многом все еще общинному) сознанию, нежели парламентская, которая к тому же ассоциировалась со столько лет критиковавшейся царской Думой. Действуя в твердом убеждении, что представители прежней власти по определению являются некомпетентными, антисоциальными и склонными к предательству элементами, Временное правительство самостоятельно ликвидировало весь государственный аппарат России, оставив потом большевиков с их идеей слома старой государственной машины практически без работы. Причем следует подчеркнуть, что программа разрушения администрации и правоохранительных структур осуществлялась вовсе не под давлением Советов. Это и была программа российского либерализма, претворенная в жизнь.

Временное правительство полностью уничтожило российскую правоохранительную систему. Двери тюрем распахнулись. Одновременно были упразднены не только полиция, но особые гражданские суды, охранные отделения, отдельный корпус жандармов, включая и железнодорожную

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

1917 год.
Дни революции.
Милиция проверяет проездной билет.
Фото
Я.В. Штейнberга

Военный парад перед Киевской городской думой. Март 1917 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

полицию. На места были разосланы инструкции о создании отрядов народной милиции под командованием армейских офицеров, выбранных земствами и Советами. Дееспособность такой милиции была нулевой, тем более что в нее в массовом порядке стали записываться криминальные авторитеты, выпущенные на волю в рамках всеобщей политической и уголовной амнистии.

Исчезла вертикаль исполнительной власти. 5 марта премьер Львов сделал телеграфное распоряжение о повсеместном устранении от должностей губернаторов и вице-губернаторов и замене их временно председателями губернских земских управ, о возложении на председателей уездных земских управ обязанностей уездных комиссаров Временного правительства.

В регионах в результате остались главы земств, которые в прошлом умели только распределить получаемые из центра деньги на небольшие социальные и образовательные программы. Одновременно повсеместно возникли комитеты общественных организаций, куда входили все кому не

лень и Советы, создавая ситуацию «многовластия» на местах, что тождественно безвластию. Можно было восторгаться гением народа, возрождением стародавних вечевых традиций, но машина местной администрации в России перестала функционировать.

Вразнос пошла страна. Финляндия провозгласила автономию и требовала вывода русских войск со своей территории. Украинская Рада заявила о независимости, приступила к формированию собственной армии. Национальные движения бурным потоком разлились по всем окраинам государства.

Учебная команда Волынского полка – первая воинская часть, отказавшаяся выполнять приказы правительства по пресечению народного недовольства в Петрограде в феврале 1917 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Временное правительство, провозгласив принцип свободы вероисповедания для всех, разорвало связь российской власти с православной церковью. Впервые со времен крещения Руси в стране установилась власть, которая не только не опиралась на РПЦ и не обладала сакральностью, но и видела в церкви серьезную преграду на пути общественного прогресса. При этом успехи атеизма и ослабление столпов веры сопровождались очевидным подрывом моральных устоев российского общества. Временное правительство лишило себя возможности опереться на авторитет церкви.

Армия была доведена до состояния небоеспособности и прогрессирующего разложения и Временным правительством, открыто выражавшим недоверие старому генералитету и офицерскому корпусу, и Советом, который выпустил «Приказ №1», отменявший дисциплину в армии, и неоднократно заявлял об общности интереса народов всех воевавших стран к прекращению захватнической политики собственных правительств.

Солдатская масса была сознательно противопоставлена офицерству как классово чуждой силе.

Армия сыграла решающую роль во всех революционных событиях. Солдаты запасных батальонов были главной силой во время уличных выступлений в столице и в феврале, и в октябре; разложившиеся и большевизированные тыловые гарнизоны были основным фактором быстрого установления Советской власти в большинстве российских городов.

У Временного правительства не оказалось никакой экономической программы. Большую инициативу проявлял Совет, тяготевший к перераспределению национального богатства и усилинию государственного регулирования в ущерб рыночным принципам. Однако регулирование на практике оказа-

лось невозможным из-за слома государственных институтов, способных его осуществлять. Аграрная реформа понималась исключительно как конфискация земель у помещиков, что дезорганизовало производство стремительно таявших крупных хозяйств. Правительство установило де-факто государственную монополию на торговлю хлебом, предписав крестьянам сдавать зерно по твердым ценам и введя карточную систему на основные продукты питания. Крестьяне хлеб придерживали еще больше, на железных дорогах и водных путях шли грабежи транспортов с продуктами. К осени в стране был голод, шли голодные бунты.

Не в силах собирать налоги, власть прибегла к печатному станку, резко провоцируя инфляцию. В расстройство пришла вся финансовая система. Деньги обесценились настолько, что рабочие переставали трудиться, убегая в деревню, производительность резко падала. К осени покупательная способность рубля упала до 6–7 довоенных копеек.

Внешнеполитический контекст революции определялся продолжавшейся Первой мировой войной. К 1917 году все ведущие воевавшие страны были уже максимально истощены – экономически, демографически, – причем Россия в наименьшей степени. Антанта, безусловно, ставила на победу, тем более что на ее стороне в войну вступала первая экономика мира – Соединенные Штаты.

Февральская революция обрадовала всех. Союзники были счастливы избавиться от Николая II, которого вслед за российской оппозицией считали реакционером и сторонником сепаратного мира с Германией. Противники были счастливы избавиться от самого страшного врага – российского императора.

Западные союзники хотели от России в первую очередь активного продолжения военных действий против Германии. Западные правительства видели

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В полковом резерве. Апрель 1917 года. Солдаты запасных батальонов были главной силой во время уличных выступлений в столице и в феврале, и в октябре

Государственный кредитный билет достоинством 1000 рублей образца 1917 года. В народе их называли «думскими билетами» или «думками»

в России необъятный резерв армии людской пушечной массы, рассматривая россиян как людей в лучшем случае второго сорта. От Временного правительства требовали мер по дисциплинированию армии для перехода в наступление, что предполагало полное неприятие проводимых им мер по «демократизации» вооруженных сил.

Союзники были настроены добить Германию и ее союзников, получить территориальные приращения в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке, значительные reparations. Поэтому идеи российской «демократии» о «мире без аннексий и контрибуций» шли категорически вразрез с устремлениями западных столиц. Как не могли они допустить даже мысли о возможности односторонне-

го или совместного с союзниками выхода России из войны, к чему все сильнее стремилось российское общество.

От нашей страны также ожидали следования западной модели развития, усиленной пропаганды либеральных ценностей, что предполагало избавление от социалистов и Советов (их западные правительства и посольства старались не замечать как несуществующие), а также физическое уничтожение большевиков или хотя бы их руководителей. Разочарование во Временном правительстве со стороны Запада выражалось в сокращении военной помощи и поставок, в ставке на «сильную руку» Корнилова, а затем и в растущем равнодушии к судьбе Керенского и его правительства.

Западные страны, навязывая России свои модели развития, а российская власть – стремясь слепо им следовать, внесли свой вклад в успех большевиков. И многие понимали это уже тогда. В донесении в Государственный департамент 20 октября 1917 года американский консул в Москве Саммерс объяснял, почему демократический эксперимент в России закончился провалом.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Американцы, уверенные в превосходстве собственной модели, склонны «видеть события так, как нам хотелось бы их видеть, и верить, что они могут произойти и развиваться только так, как мы того пожелаем... Нам нравится республиканская идея, и мы посчитали, что это как раз то, что нужно для России. Нам не следовало бы навязывать народу того, что ему не нужно, или того, что он не хотел... Этот эксперимент почти развалил державу, фактически привел к проигрышу ими войны, вызвал анархию в стране, увеличил пропасть между социально-политическими партиями до почти непроходимых

размеров и подготовил почву для скорой реакции». Для центральных держав, из последних сил выдерживавших тяготы войны, революция в России была даром небес: самый их сильный противник выходил из строя. Берлин, боясь вслугнуть удачу, прекратил военные действия на Восточном фронте, подталкивая дальнейшее разложение России призывами к миру, братаниям, поддержкой пацифистских сил, включая большевиков, пропагандой, возвращением в Россию радикальных революционеров, стимулированием национальных движений, прежде всего на Украине и в Закав-

Похороны офицеров-казаков, убитых во время июльских событий.
А.Ф. Керенский на Невском проспекте.
Июль 1917 года.
Фото В.К. Буллы

казье. Ограниченные военные удары Германии имели, скорее, психологический характер, ставя целью спровоцировать внутриполитические осложнения для российской власти, вызвать панику населения и усилив стремление армии к миру. После июльского кризиса во главе государственной машины оказался энергичный человек – Александр Керенский, который искренне пытался привести Россию к торжеству демократии, как он сам ее понимал, но не обладал ни качествами стратега или аналитика, ни железной волей или хитростью диктатора.

Проседали одна за другой ведущие политические партии. Скорость их падения определялась сначала степенью их близости к империи, а затем – степенью сопротивления немедленным чаяниям масс. Когда большевики приходили к власти, они имели дело не с функционирующей государственной системой, разрушенной Временным правительством, а с анархией.

Революция перевернула все классы традиционного российского социума, взорвала нравственные и духовные столпы общества, вывернула на поверхность глубинные пласти народного бессознательного с его бунтарским и анархическим началом. Страна оказалась во власти взбудораженного революцией народа, который почувствовал неограниченную свободу, понимаемую как отказ от самоограничения, и уставшего от войны. Революционные идеи всегда сильнее всего резонируют в молодежной среде. Российскую революцию делали молодые люди, многие – в романтическом порыве к справедливости, многие – из-за самовыражения и ухода от серых будней.

После Февраля Россию поразила эпидемия слов, шествий, празднований, отражавших несбыточные фантазии о прорыве в царство справедливости во всемирном масштабе, в ко-

Митинг на фронте.
Лето 1917 года

торых потонули реальные проблемы. Возник новый язык, в котором центральное место заняли понятия свободы, народа, революции и контрреволюции, «демократии» как социализма и «буржуазии» как всего несоциалистического и не рабоче-крестьянского. Но из этого языка выпали понятия России, Отечества, Родины, веры, долга, чести.

Стремительно исчезли понятия об авторитете власти, рефлексы повиновения, растворялись морально-правовые и религиозные нормы. Мораль войны перешла на все отношения в обществе, сделав насилие основным способом действия. Убийства, зверские расправы и самосуды стали нормой поведения. Исчезало понятие собственности, преступность приняла небывалые прежде масштабы. Страна переставала работать – рабочие добивались повышения заработной платы с помощью протестной активности, а крестьяне и за меньшее количество своей продукции получали все больше денег, на которые все равно нечего было купить. Появилась совершенно не характерная для традиционной России половая распущенность, аллегория революции как «гулящей девки на шальной солдатской груди» не была преувеличением.

Революционный год был отмечен бездельем и опрощением. Их символом стала шелуха от семечек, которой заросли улицы всех российских городов в 1917 году. Из воспоминаний всех современников – это была революция семечек.

Революция сломала традиционные общественные рамки, сделав общество всесословным, но одновременно максимально поляризовало его на «трудящиеся массы», понимавшиеся как рабочий класс и крестьянство, и всех остальных, отнесенных к категории «буржуазии». Поляризация эта вызвала скачок классовой ненависти, предопределила успех большевистской агитации за «экспроприа-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С августа 1917-го по апрель 1918 года царская семья находилась в Тобольске. На снимке: Николай II с детьми наслаждаются скучными лучами сибирского солнца на крыше теплицы

цию экспроприаторов», задала основной сюжетный стержень Гражданской войны.

При этом у всех социальных слоев были основания для разочарования новой властью. Имущие классы быстро переставали быть таковыми, а неимущие были недовольны темпами перемен в их пользу. И все одинаково остро чувствовали экономический хаос, разгул анархии и тяготы войны.

Русская революция, как любая другая, стала «кладбищем аристократий». Дворянская элита не смогла ни защитить себя, ни убедить людей в нужности своего существования. Тысячи

были просто уничтожены кровавым колесом репрессий, как и царская семья, и многие члены императорской фамилии. Настоящая трагедия ждала дом Романовых. В конце апреля 1918-го Николая, Александру Федоровну и Марию Николаевну посадили на телеги, довезли до Тюмени и оттуда на поезде отправили в Екатеринбург, где разместили в здании на Вознесенском проспекте, реквизированном у инженера Ипатьева. Дети воссоединились с семьей только через месяц. В ночь с 16 на 17 июля в подвале того же здания вся царская семья – Николай II, Александра Федоровна, цесаревич Алексей, великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия – была расстреляна.

Николай II, его супруга и дети причислены к лику святых.

В январе 1918 года в ответ на «злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта» расстреляют в Петропавловской крепости трех внуков Николая I – великих князей Дмитрия Константиновича, Николая Михайловича, Георгия Михайловича, а с ними и великого князя Павла Александровича, бывшего командующего гвардией. Брат императора Михаил Александрович, не принявший престола, в ночь с 12 на 13 июня 1918 года был расстрелян в лесу в 5 верстах от Мотовилихи. Великая княгиня Елизавета Федоровна – стар-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дом Ипатьева, где была без суда расстреляна семья императора Николая II

Выступление
Ленина
в Таврическом
дворце
17 апреля
1917 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

шая сестра императрицы Александры, великий князь Сергей Михайлович – внук Николая I, князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи – молодые правнуки Николая I, а также князь Владимир Павлович Палей в ночь на 18 июля 1918 года были расстреляны и сброшены в шахты недалеко от Алапаевска. Елизавета Федоровна причислена к лику святых.

Революция была в огромной степени творением интеллигенции. Она готовила ее интеллектуально, она была в первых рядах борцов с царским самодержавием, она поставляла кадры самых пылких революционеров и руководителей всех без исключения политических партий, она составляла Временное правительство.

Аriadна Тыркова напишет: «За то, что в феврале 1917 года в России произошла революция, несет ответственность не русский народ, не низы, не так называемые массы, а верхи, интеллигенция, грамотные люди всех градаций: профессора, адвокаты, писатели, артисты, юристы, даже генералы. Все они жаждали перемены, твердили, что дальше так жить

нельзя. Но они не поняли необходимости, не сумели сразу образовать сильное правительство, способное вести войну и управлять страной, отдавая приказы, заставлять себя слушаться. Они обязаны были не допустить перерыва власти. С этой обязанностью русская интеллигенция не справилась. И не в наказание ли за это история превратила ее в пыль».

А любитель ярких образов Троцкий писал: «Бесшумно передвигалась социальная почва, точно вращающаяся сцена, выдвигая народные массы на передний план и унося вчерашних господ в преисподнюю».

Троцкий, Ленин,
Каменев – вожди
революции

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Рабочие – особенно столичные – действительно сыграли большую роль в Октябре. Давид Мандель подчеркивает, что «в тот период большевистская партия объединяла в своих рядах наиболее сознательную и решительную часть рабочего класса. Ту часть, которая могла представить себя стоящей во главе государства и даже без активной поддержки интеллигенции. Если Октябрьской революции не случилось бы без руководства партии, то без давления «снизу», со стороны рядовых рабочих-большевиков, на колеблющиеся «верхи» партии не было бы руководящей роли партии».

Крестьянство повсеместно восприняло революцию прежде всего как начало реализации мечты о «черном переделе», ожидая только сигнала сверху на захват чужой земли. Не дождавшись, мужик сам начал решать аграрный вопрос. Причем наиболее активную роль в революции сыграли крестьяне в солдатских шинелях.

Усталость от безделья власти, от голодухи и преступности к октябрю была всеобщей. «Народ возненавидел все», – записал в дневник Бунин.

Октябрьскую революцию невозможно объяснить без Ленина и той самой организации революционеров, с помощью которой еще в 1902 году он собирался перевернуть Россию.

Фактор Ленина был огромным. Зиновьев считал: «Октябрьская революция и роль в ней нашей партии есть на десятьдесятых дело рук товарища Ленина... не только своего главного политического вождя, практика, организатора, пламенного пропагандиста, певца и поэта, но и своего главного теоретика, своего Карла Маркса». Как говорил Молотов, «никто не верил, какая социалистическая революция может быть в России, а вот Ильич поверил и повел, и дисциплина оказалась, и преданность оказалась, и сила оказалась, и мозгов хватило. А другие не смог-

ли. И всех покорил, всех расшиб... Выдержка колоссальная, а какая внутренняя сила!» И порой Молотов наизусть декламировал отрывки из поэмы Пастернака «Высокая болезнь», которая, как ему казалось, наиболее ярко отражала масштаб фигуры вождя:

Чем мне закончить мой отрывок?
Я помню, говорок его
Пронзил мне искрами загривок,
Как шорох молны шаровой.
Все встали с мест, глазами втуне
Обшаривая крайний стол,
Как вдруг он вырос на трибуне
И вырос раньше, чем вошел.
Он прокользнул неуследимо
Сквозь строй препятствий и подмоg,
Как этот, в комнату без дыма
Грозы влетающей комок.

<...>
Он был как выпад на ратире,
Гонясь за высказанным вслед,
Он гнул свое, пиджак топтыря
И пяля передки штиблет.

<...>
Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей
И только потому – страной.
Тогда его увидев въяве,
Я думал, думал без конца
Об авторстве его и праве
Дерзать от первого лица.
Из ряда многих поколений
Выходит кто-нибудь вперед.

Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.
Полагаю, без Ленина Октябрьской революции действительно могло бы и не случиться. Это он всех торопил, гнал, вел на бой, понимая, что победное для России завершение мировой войны означало бы конец его надеждам на захват власти. Он обладал мощнейшей волей к власти, которая превосходила волю всех его оппонентов.

Под стать вождю была и его партия, которая «напоминала скорее тайный орден, нежели партию в общепринятом смысле этого слова». Их было немного. Но никто другой не располагал большей организованностью и готовностью к самопожертвованию, что отмечали многие современники, вовсе им не симпатизировавшие.

Всероссийский съезд представителей Советов рабочих и солдатских депутатов.
Апрель 1917 года.

В первом ряду:
Ю.М. Стеклов,
Б.О. Богданов,
М.Н. Скобелев,
Г.В. Плеханов,
Н.С. Чхеидзе,
И.Г. Церетели

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Большевики переиграли всех остальных идеологически. Ленин моментально по возвращении в Россию понял, что людям в массе совершенно безразлична политика, их гораздо больше волнует собственное материальное положение и они безумно устали от войны. «С свойственным ему разительным революционным чутьем, Ленин сейчас же учел это положение, когда совершенно снял лозунг «демократической республики», сделал главным лозунгом агитации среди рабочих – «рабочий контроль», среди крестьян – конфискацию всей помещичьей земли, среди солдат – немедленное заключение мира, а лозунгом своей кампании против Временного правительства – «Долой министров-капиталистов!», и когда выдвинул требование

«Вся власть Советам!», которое и рабочие, и крестьяне, и солдаты понимали одинаково не как гарантию осуществления их политических прав, а как гарантию «неурезанного» осуществления их экономических и социальных надежд и чаяний», – подчеркивал Дан.

Большевизм не имел бы успеха, если бы не был созвучен общественным настроениям, ожиданиям, корневым стереотипам массового российского сознания, в котором столь большое место занимал государственно-патерналистский комплекс в сочетании с общинно-демократическими представлениями (в которые весьма естественно укладывались идеи Советов).

Каждая революция – следствие несбывшихся ожиданий. И наибольшие шансы на победу получают те, кто дает новую надежду. Желание изменить жизнь к лучшему, приблизить «настоящий день» – было всеобщим. Людям были безразличны либерализм, демократия или социализм. Но большевики породили надежду на мир и землю, что дало им ту лестницу, по которой они вскарабкались к власти – армию.

Исключительно плодотворной оказалась идея Советов как новой формы государственной власти. Действительно, захват большевиками власти не выглядел как чистый произвол. Вопреки многоократным настоjиям Ленина, большевики

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Первые декреты советской власти на первой странице газеты «Известия»

Металлисты-
красногвардейцы
у Смольного
в октябре
1917 года

Ленин поймет невозможность управлять Россией в одиночку и призовет их к кормилу. Вследствие этого они ограничивали свою оппозиционность мирной агитацией, а порой – даже защищали большевиков от «происков буржуазной реакции».

Оппозиция большевикам оказалась относительно слаба. На первых порах с правительством Ленина почти некому было бороться. Да и никто не спешил бороться, поскольку существовала стойкая уверенность, что большевики – калифы на час и продержатся максимум до Учредительного собрания. Продержались 74 года.

Но вместе с тем очевидно, что метод насилиственной революции во имя диктатуры меньшинства привел к серьезной родовой травме нового режима, усилив предпосылки для создания привычек к деспотизму. Миллионы людей, находившихся по разные стороны баррикад, у каждого из которых была своя правда, не переживут революционную эпоху, многие герои 1917 года стинут в жерновах репрессий.

И только ценой колоссальных жертв большевикам удалось вновь собрать страну, восстановить разрушенное, запустить промышленный рост, вернуть уже Советскому Союзу статус великой державы, победить нацизм, проложить человечеству дорогу в космос. Чтобы затем опять разбриться о революцию 1991 года.

«Революция в своей фатальной диалектике пожирает своих отцов и детей, – справедливо замечал Бердяев. – Стихийная революция не знает благодарности, она никогда не воздает по заслугам. Эту последнюю миссию берет на себя история и историки».

Дай бог, чтобы российские революции остались исключительно предметом исторических исследований.

Потому что еще одной революции наша страна может не пережить. ⚡

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

синхронизировали его со съездом Советов, тем самым придав своей власти видимость легитимности. Ведь во все времена двоевластия народ вполне привык к тому, что Совет выступал против правительства или исправлял его решения.

Большевики оказались сильнее остальных организационно. «Нельзя не считаться с тем, что наша партия добилась октябряской победы главным образом благодаря тому, что гибкость ее тактики опиралась на предшествующую основательную подготовку к немирным путям революции: боевые дружины вооруженных рабочих; нелегальные партийные организации, которым принадлежала руководящая роль; нелегальная большевистская печать, включая издание руководящих органов печати за рубежом; нелегальные большевистские организации в армии и в военно-морском флоте и др.», – утверждал Молотов.

К осени у большевиков окажется большинство в Советах, опираясь на которые Ленин объявит себя верховной властью после стремительной операции собственных вооруженных отрядов.

Большевизм воплотил и широко разлившуюся после целого года хаоса потребность

в порядке, которая существовала не только в низах, но и – может быть, еще сильнее – в состоятельных и консервативных слоях, презиравших эсероменьшевистскую интеллигенцию ничуть не меньше Ленина. В большевиках почувствовали людей, способных создать сильную власть.

Демократия в 1917 году противостояла не диктатуре, а царизму и привилегированным классам, и «демократический лагерь» охватывал все трудящиеся массы и все левые партии, включая большевиков. В терминах 1917 года в октябре власть брала демократическая сила.

Идеологические братья большевиков, эсеры и меньшевики долго не расставались с убеждением, что рано или поздно

Бюро
при Военной
организации
при ЦК РСДРП(б).
Сидят слева
направо:

К.Н. Орлов,
К.А. Мехонюшин,
В.И. Невский,
Н.И. Подвойский,
П.В. Дашкевич;
стоят:

Б.М. Занько,
М.С. Кедров,
В.Л. Панюшкин,
А.И. Тарасов-
Родионов.
Петроград.
1917 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР
МИХАИЛ БЫКОВ

ЕСТЬ В ЦЕНТРЕ ВЕНЫ
ТИХИЙ ПЕРЕУЛОК.
НАЗЫВАЕТСЯ
SINGERSTRASSE.
ДОМОВ ТУТ – ПО ПАЛЬЦАМ
РУК. ВСЕ БОЛЬШЕ
ИМПЕРСКОГО
И БУРЖУАЗНОГО СТИЛЯ.
В ОДНОМ ИЗ НИХ,
ПОД НОМЕРОМ 7,
РАСПОЛАГАЕТСЯ
РЕЗИДЕНЦИЯ
ГОХМЕЙСТЕРА
ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА.
ТОГО САМОГО ОРДЕНА –
ДУХОВНО-РЫЦАРСКОГО.

НЫНЧЕ, ПРАВДА, ОН ВО-
все не рыцарский, а рели-
гиозно-благотворитель-
ный. Насчитывает более
70 братьев и свыше 320... сестер.
Да-да! Эмансипация, она, знаете ли,
повсюду. Ну а если серьезно, то ос-
новная сегодняшняя миссия орде-
на – это исцеление больных и уход
за ними. А тут уж без женских рук
никак. Когда Тевтонский орден воз-
ник, его девизом стали слова: «По-
могать – защищать – исцелять». Бо-
лее восьми веков минуло, а девиз
в действии, как когда-то в Палести-
не и Сирии. Хотя по меньшей мере
первые триста лет рыцари-тевтоны
не слишком ему следовали. Ско-
рее, наоборот. О чем Россия, осо-
бенно северо-западные ее земли,
а также Латвия, Эстония, Литва,
Польша помнят до сих пор. Правда,
у нас это скорее память сердца, чем
знание, так как взаимоотношения
ордена со славянскими и прибал-
тийскими народами укладываются
в один, максимум два стереотипа:
победа князя Александра Невского
на Чудском озере в 1242 году и фи-
аско тевтонов под польской дере-
вушкой Грюнвальд в 1410-м. Реалии
же куда более богаты событиями и
нюансами, которые проецируют-
ся на жизнь сегодняшнюю, а то и
завтрашнюю.

Щит и шлем рыцаря
Тевтонского ордена

Одеяния
рыцарей
Тевтонского
ордена
разных эпох

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Но прежде попробуем разобраться в терминологии. Так повелось, что у нас в России этот военно-религиозный орден называют Тевтонским, по имени одного из древних германских племен, вторгшихся в континентальную Европу в II веке до Рождества Христова с побережья Ютландского полуострова. Проще говоря, из южной Балтики. Если кто-то когда-то и был с нами солидарен в этом плане, так это римские папы, давшие ордену жизнь и пестовавшие его впоследствии. На латыни орден неизменно назывался простенько: *Fratrum Theutonicorum ecclesiae S.Mariae Hierosolymitani*. *Theutonicorum* – это есть «Тевтонский». Сами же рыцари и их более внятные партнеры называли организацию *Der Deutsche Orden*, трактуя этническую принадлежность личного состава значительно шире.

Уже упомянутая должность «гохмайстер» – это аналог более привычного нашему уху словосочетания «великий магистр». Имелись в иерархии тевтонов «ландмайстры» – управляющие отдельными территориями, принадлежавшими ордену, «комтуры» – менеджеры самых маленьких административных единиц, «коменды» – эти самые единицы. Чтобы не отягощать память мудреными германскими словами, структуру ордена обсудим в русских терминах. Высшая ступень – братья-воины, то есть рыцари. Далее – братья-священники. Им воевать не полагалось, равно как не полагалось иметь руководящих должно-

стей в опасных регионах, будь то Святая земля или Пруссия. Еще ниже – просто братья. Оруженосцы и помощники, которые участвовали в боях вместе с рыцарями. Вокруг каждого рыцаря таких набиралось не менее десятка. Потом шли «полубратья», занимавшиеся в основном хозяйственными вопросами. У тевтонов их было легко отличить от членов ордена более высокого ранга. Они носили не синие, а серые плащи, на которых был нашит так называемый на профессиональном сленге геральдистов «костьль». Крест с отрезанной верхней вертикальной направляющей. Где-то «сбоку» от ордена обретались «фамилии», не входившие в орден, но сочувствующие ему. Это были, как правило, очень небедные люди, которые по соображениям благочестия или каким другим помогали ордену материально, не будучи внутри корпорации. А стало быть, не обремененные теми требованиями, которые предъявлялись к брату ордена и особенно – к рыцарю.

Инtronизация-
ное кольцо
магистров
Тевтонского
ордена

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Кстати, о феминизме, суфражистках и прочей эмансипации. Движение за равноправие женщин в исполнении самих женщин началось в XVII веке. Его родина вроде как США. У тевтонов сестры и «полусестры» (по аналогии с «полубратьями») появились еще в XIV столетии. Их задача была четкой и ясной: ухаживать за больными и ранеными. Так что давний спор на тему, «кого считать первой сестрой милосердия» – англичанку Флоренс Найтингейл или русскую Екатерину Хитрово, можно бы и прекратить.

ОРДЕН ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ

Как-то так получилось, что в масовом сознании появлению мрачных парней с ведрами на головах у границы псковских и новгородских земель Руси мы обязаны космосу. Пришельцы, однако! Не было, не было – и на тебе. На деле Немецкий орден прибыл на север вовсе не из далекой галактики, а из Святой земли с промежуточными остановками в Италии, Венгрии и Румынии. Не говоря уже об «alma mater» – Германии. Влияние молодого, но быстро растущего рыцарского организма ощущалось во Франции, Нидерландах, Словении, Чехии, на Сицилии... А началось все в 30-х годах XII века. В палестинских краях паломники из Германии (тогда – конгломерата разнообразных владений, составлявших Священную Римскую империю. – Прим. авт.) основали госпиталь для участников крестовых походов. Больница проработала лет шестьдесят, но после капитуляции крестоносцев в Иерусалиме в 1187 году, само собой, прекратила существование. Однако ненадолго. Прянул Третий крестовый поход, в котором приняло участие довольно большое число выходцев из немецких земель, в частности герцог Фридрих Швабский, более известный нам как император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса. Кстати, в этом же походе участвовали английский и французский короли – Ричард Львиное Сердце и Филипп II Август. Больница возродилась в качестве по-

левого лазарета, а после взятия крестоносцами сирийской крепости Акры разместилась на ее территории. Шел 1190 год. Тогда то персонал клиники и приобрел статус духовного ордена. Больницу надо было защищать. А раз она германская, то желательно мечами германских рыцарей. В 1196 году в храме Акры духовный орден был преобразован в военно-религиозный. А чтоб завистники не вздумали шутить, Фридрих Барбаросса специально организовал приезд 40 рыцарей. В 1199 году рождение нового ордена подтвердил буллой создатель инквизиции папа Иннокентий III, не преминув подчинить тевтонов напрямую Святому престолу. Чем умерил острое желание ветеранов крестовых походов – тамплиеров, лазаритов и госпитальеров, ревностно относившихся к своему орденскому первородству в Палестине, – сократить едва народившегося конкурента. Хотя, конечно, говорить о полноценной конкуренции между, к примеру, тамплиерами и тевтонами по меньшей мере опрометчиво. Первые превосходили вторых по всем показателям многократно. Чтобы тевтонов не затоптали, до поры до времени их сделали филиалом ордена госпитальеров, более известного нам сегодня под названием «Мальтийский орден».

Но «дитя» росло быстро. Окончательную самостоятельность тевтоны обрели спустя пятнадцать лет. А еще через три года папа Гонорий III посчитал, что пора навести католический порядок на северо-востоке Европы, в землях языческих прусских племен. Крестовый поход без всяких натяжек. И не первый в этом направлении, между прочим. Еще в середине XII века саксонские феодалы под тем же предлогом захватили земли полабских славян – лютичей и поморян. В конце того же века с благословения папы Целестина III начался Ливонский крестовый поход (Ливонией в Средние века называли земли Латвии и Эстонии. – Прим. авт.). Так что тевтоны могли ощущать себя в Северо-Восточной Европе кем угодно, но только не дебютантами.

Балиан д'Ибелин
выходит
на переговоры
с Саладином
о сдаче
Иерусалима
в 1187 году.
Миниатюра
XV века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БРАТСТВО ВОИНОВ ХРИСТА

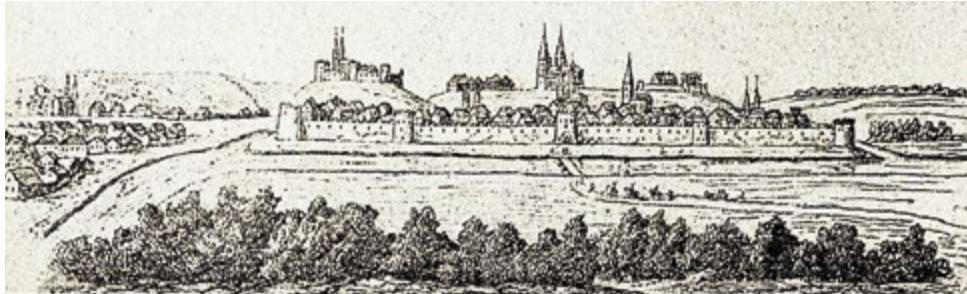
Это название мало кому что говорит. Иное дело – орден меченосцев. И понятнее, и привычнее, и красивее. История этой краине дружелюбной рыцарской организации коротка, но насыщенна. На призыв папы Целестина III охотно отклинулись германские и датские рыцари. Но первыми немецкими гостями в Ливонии были вовсе не воины, а купцы и миссионеры. С середины XII века торговцы Ганзы медленно, но верно налаживали тут свое хозяйство, а с 1184 года послы Ватикана так же медленно и верно проповедовали среди язычников. Темп процесса не устраивал первого ливонского епископа, Мейнарда, он-то и обратился к папе с просьбой прислать «спецназ» для придания делу необходимого ускорения. Сам епископ прибытия группы помощников не дождался, ушел в мир иной, но дело его продол-

Мерри-Жозеф
Блондель.
Акра капитули-
рует перед
Филиппом II
Августом
и Ричардом
Львиное Сердце
в 1191 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

жил следующий назначенец Рима – Бертгольд. Среди прочих штампов, связанных с коренным населением Прибалтики, распространен и такой: местные племена – пруссы, курши, же-майты, земгалы, сельы, латгалы, литва, ятвяги, ливы, эсты, водь – идентично близки индейцам Южной Америки. Будучи дикими и языческими, они радостно встречали несомые из Западной Европы блага цивилизации и безропотно склоняли головы под новое ярмо. На самом деле все эти ребята «ботаниками» не являлись. Драться любили и умели, так как поднаторели в этом деле в бесконечных «междусобойчиках». О гуманизме в отношении врагов, в том числе пленных, представления имели слабые. Например, в традициях ливов было четвертование всех воинов врага, попавших в плен. Жемайты тоже пленных не баловали. В 1230 году к ним в плен попал рыцарь-тевтон Герхард Руде. Его принесли в жертву богам. Сожгли живьем, привязав к собственному боевому коню. Так что пока аборигены видели только купцов, они оставались благожелательными, но когда увидели вооруженных парней в железных доспехах, стали вести себя иначе. Что далеко ходить за примером? Епископ Бертгольд в 1198 году тоже умер не своей смертью. Третий епископ, Альберт фон Буксгевден, оказался искусным дипломатом, отношения с мест-

Всеволода Большое Гнездо, переславский князь Ярослав, привел под Юрьев/Дерпт солидное войско. Не дав рыцарям опомниться, атаковал с ходу и загнал значительную часть «ливонцев» на лед реки Эмбах, она же Эмайиги. Лед, как водится, не выдержал, и крестоносцы утопли. Ничего не напоминает? К слову, вместе с отцом наблюдал за этой тяжелой картиной 14-летний княжич Александр Ярославич.

Дальше – больше. В Эстонии меченосцы несколько успокоились, второй, и последний, магистр ордена, Фольквин фон Винтерштеттен, заключил с Ярославом Все-володовичем унизительный для рыцарей мир, по которому Дерпт обязался платить дань Новгороду. Этот мирный договор соблюдался всего четыре года, но по меркам 900-летней давности это довольно приличное время. Сообразив, что на этом направлении перспективы исчезли, орден приступил к контртеррористической операции в Жемайтии, области в береговой Литве. Смысл был. Земли ордена меченосцев и Тевтонского ордена узким коридором разделяли территории, контролируемые аборигенами племени жмудь. В сентябре 1236 года меченосцы, усиленные отрядами добровольцев из ливов и эстов, а также... двумя сотнями псковичей и неизвестным числом воинов из Новгорода, встретились, предположительно, под Шяуляем с войском жемайтов. Преимущество литовцев оказалось в том, что атака была для рыцарей неожиданной, и в том, что в болотистой местности тяжелой коннице разворачиваться крайне трудно. Вот и не развернулись. Погибли 48 рыцарей, включая великого магистра Винтерштеттена.

После двух серьезных поражений орден был настолько обескровлен, что ради спасения всего «нажитого непосильным трудом» был вынужден виться в состав более мощного Тевтонского ордена. С плащей исчез красный крест с красным же мечом, опущенным острием клинка вниз. И появился крест черный.

ными отстроил и в знак наступившей дружбы основал... город-крепость Ригу. Почти сразу бригада рыцарей была реорганизована в военно-духовный орден меченосцев. Объяснение названию простое: всюду, где было положено, располагался графический символ ордена – крест и меч под ним.

Меченосцам раскачиваться долго не пришлось. Получив в качестве аванса от Альберта треть земель Рижского епископства, они уже в 1203 году столкнулись с русскими. «На зуб» их попробовал полоцкий князь Владимир. Уж больно не понравилась ему история с отказом ливов платить ему привычную дань. Догадаться о том, куда эта дань делась, было нетрудно. Большой драки не вышло, но «ливонцы» сообразили, что в русских землях равнодушно смотреть на нового соседа не собираются. Не менее внимательно наблюдали за пришлыми из Европы и в другой части Ливонии – на северо-востоке, в kraю эстов, где еще Ярославом Мудрым была устроена пограничная крепость Юрьев, сменившая со временем название на Дерпт, а ныне – Тарту.

Наблюдать-то наблюдали, да видеть не все высмотрели. Меченосцы захватывали Юрьев дважды: в 1215 и в 1224 годах. После второго захвата крепость и превратилась в Дорпрат (Дерпт), на целых два века став центром местного католического епископства. Подробно расписывать все стычки, походы и осады, в которых мерились силой или расходились миром русичи и «ливонцы», необходимости нет. Довольно сказать, что за те тридцать с мелочью лет, когда орден меченосцев существовал незави-

симо, со стороны Руси было организовано 11 походов, из которых реализовалось восемь. Два – с юга, из Полоцкого княжества, остальные – с востока, из Новгородской и Псковской земли. Так что ощущение, что в 1242 году на Чудском озере случилось что-то неожиданное, из ряда вон выходящее в отношениях рыцарей и князей, весьма обманчиво. Отношения к тому времени были давними и плотными.

Кроме того, основу «великой свиньи», как называли боевую тактику тяжелой рыцарской конницы, в битве с дружиинниками и ополченцами Невского составили бойцы вовсе не ордена меченосцев, а совершенно другого «юридического лица». И вот почему.

В 1234 году у меченосцев случилось несчастье. Двумя годами ранее очередной папа, Григорий IX, спровоцировал своих «псов» на атаку. Сетовал в беседах с кардиналами наместник Бога на то, что меченосцы недостаточно усердны в порученном деле, а новгородцы, того и гляди, подомнут под себя языческий восток страны Суоми. Все это прописал в соответствующей булле. И «ливонцы» зашевелились. А зря. Сын

Дерпт
в 1553 году.
Гравюра

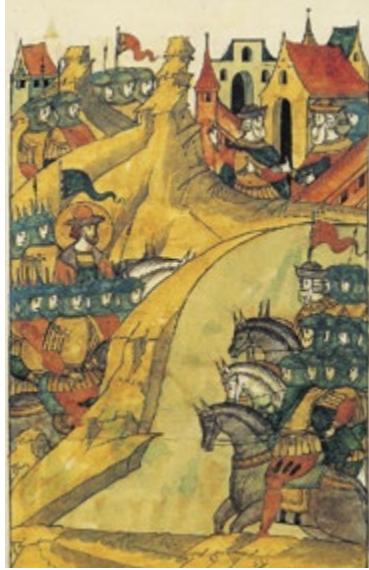
Папа римский дарует Тевтонскому ордену черный крест на первоначально белый стяг ордена

НА ЧУДСКОМ ОЗЕРЕ И ПОСЛЕ

Юридически альянс выглядел так. В составе Тевтонского ордена появилось новое ландмейстерство. Область, по-нашему. Так и называлось – Ливонское. Не всем оставшимся в живых меченосцам такая метаморфоза пришлась по душе. Через несколько поколений это скажется, когда ландмейстерство начнут разрывать внутренние распри между тевтонофилами и тевтоnofобами. Победили вторые, и, формально оставаясь под рукой «старшего брата», бывшие меченосцы вновь обрели самостоятельность. Формально самостоятельность они вернули себе в 1524–1525 годах, когда гохмейстер Альбрехт фон Гогенцоллерн вынужден был согласиться с тем, что Тевтонский орден прекращает свое существование в качестве государства, сохранив за собой некоторые ландмейстерства, но уже в качестве духовной организации. Некоторые – но не Пруссии. Сам Альбрехт перешел в лютеранство и принес присягу польскому королю Сигизмунду I Старому, получив в обмен титул герцога Пруссского.

Ливонский орден возродился. Правда, ненадолго. В 1558 году по воле московского царя Ивана IV Грозного грянула Ливонская война. К этому времени бывшие меченосцы с трудом контролировали некоторые куски своей бывшей территории. В этой войне они были обречены. И в 1561 году Ливонский орден был секуляризирован. Магистр ордена Кетглэр сохранил за собой земли Курляндии, также превратившись в герцога. Необычный эксперимент, в результате которого в Европе было создано рыцарское государство, просуществовавшее три века, завершился. Но вернемся в середину XIII века на берега Чудского озера. Перипетии сражения между рыцарской армией и войском Александра Невского, состоявшегося вовсе не на льду, а на суще, сейчас нет смысла обсуждать. Равно как и число воинов с обеих сторон, размер потерь и прочая.

Миниатюра из Жития Александра Невского, входящего в Лицевой летописный свод (XVI век). Встреча русского и немецкого войск на Чудском озере

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ских племен. Но парадокс в том, что рыцарей-тевтонов там не было. Ну то есть совсем. А роль ударной силы выполняли там рыцари того самого Ливонского ландмейстерства, которые, как уже выяснилось, после 1237 года обязаны были носить «тевтонские» знаки различия, но по сути оставались меченосцами. И растягированная фраза о том, что на Чудском озере русские победили собственно Тевтонский орден, нелепа. Так же нелепо звучат утверждения о том, что в последней битве с орденской «свиньей» в 1268 году под эстонским городом Раковором (ныне – Раквере) псковские и новгородские дружины сражались с тевтонами как таковыми. Там нам противостояли все те же экс-меченосцы. Пусть и в черных крестах. А тевтонам в то время хватало проблем в Пруссии. Броде бы поработленные дикари ни в какую не хотели сдаваться окончательно. Одно восстание следовало за другим. А на юге начинала накачивать бицепсы Польша, на востоке – Литва.

Сказанное вовсе не умаляет значения обеих битв. Оба акта этой драмы окончательно привели магистров Ливонского ландмейстерства к пониманию: более соваться на восток от их территории им не стоит. Что они и исполняли после неудачной десятидневной осады Пскова в 1269 году и до самой смерти ордена. Теперь – о датских рыцарях, которых на Чудском озере и под Раковором было, вероятно, не меньше, чем «ливонцев». Если не больше. Этот момент по неведомой причине обсуждается крайне редко, а уж в учебниках вообще отсутствует. В то время как достаточно взглянуть на карту XIII века. Север Эстонии, включая Ревель, то бишь Таллин, с 1238 года был оккупирован датчанами. Их территория упиралась юго-восточным флангом в Чудское озеро, а на самом востоке отделяла Псковскую землю от побережья Финского залива, у Нарвы. И город Раковор находился в так называемой Датской Эстонии.

Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского. Фреска церкви Спаса на Нередице близ Великого Новгорода. Середина XIII века

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

СИЛА И СЛАБОСТЬ

Каким образом на землях средневековой Прибалтики возникли рыцарские государства, вроде бы ясно. Колонизация новых земель, захват чужих торговых путей, обретение сотен тысяч рабочих рук для полурабского труда. И все это под вполне легальным предлогом: цивилизацию и истинную веру – в массы! Но вот почему эти государства исчезли? Банальная сентенция, но верная: почти всякое государство когда-нибудь исчезает или ринкарирует. Будь то империя или национальная конструкция, конфедерация или тоталитарный монстр.

По поводу Тевтонского и Ливонского орденов имелись и конкретные причины. Прежде всего ушла идея. Там, куда дотянулись руки, обращать лицом к Ватикану стало неко-

го. А на Руси – просто дали по рукам. Вместе с религиозной идеей ушла и идея рыцарская. Точнее, орденская. В военно-духовных орденах братья-рыцари давали обет безбрачия. Стало быть, пополнение элиты могло осуществляться только за счет внешнего притока свежей крови. А пополнение было необходимо постоянно. Ведь в боях и при охране завоеванного в чужих землях братья-рыцари гибли. Поначалу приток был весьма значителен. За счет тех, кто возвращался из Святой земли, утерянной под натиском сарацин. За счет преисполненных наивной отваги сыновей германских дворянских родов, не имевших шансов продвинуться дома. За счет фанатиков. Но постепенно в Пруссию и Ливонию стали стремиться другие люди. Происхождение давало им право на это, но многие уже

Церковь Святой Елизаветы Венгерской – покровительницы рыцарей-тевтонов. Находится в штаб-квартире Немецкого (Тевтонского) ордена в Вене

вовсе не рвались спать на деревянных нарах в общей зале, есть крестьянскую пищу и лишать себя всяческих удовольствий, которые в их понимании попросту должны были сопутствовать хозяевам жизни в новых землях.

В середине XIV века Тевтонский орден достиг вершины могущества, и это стало началом его конца. Как обычно бывает. Рыцарей в городах-замках еще хватало. Но все чаще проигрывались стычки и битвы. Что в условиях средневековой войны означало для большинства сражавшихся на побежденной стороне неминуемую и жестокую смерть. Отточенные поколениями на тренировках во дворах родовых замков воинские навыки все реже и реже приводили к успеху в бою. Латы и закрытые шлемы уже не спасали от пушечных ядер и аркебуз. Равно как не гарантировали защиты могучие стены замков, которыми еще в XIII веке северные крестоносцы уставили перекрестки прусских и ливонских дорог. Дикие ливы и пруссы, вооруженные примитивными копьями и луками, боялись этих стен, но вполне обученные польские, литовские и русские воины уже научились разрушать их до фундамента. Тактическая изобретательность, равнозначенное вооружение, численное преимущество, резервы противника – все это привело Тевтонский орден к ключевому поражению в Грюнвальдской битве в 1410 году, после которого в военном плане он уже не смог восстановиться.

С легкой руки анонимного переводчика трудов Карла Маркса за братьями Тевтонского ордена закрепилась не самая лестная оценка: «псы-рыцари». На самом деле выражение Reitershunde переводится не совсем так, но тоже звучит не самым приятным образом. Так, может, оно к лучшему, что в доме номер 7 по Звездному переулку австрийской столицы обосновались ну если и не рыцари, так уж точно не псы.

Ян Матейко.
Грюнвальдская
битва. 1878 год

Отцы-
основатели.
Константин
Станиславский
и Владимир
Немирович-
Данченко
на Камергерском

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С УЛИЦЫ

АВТОР

**МИХАИЛ
БЫКОВ**

ФОТО

**АЛЕКСАНДРА
БУРОГО**

НИГДЕ НЕ НАЙТИ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ТОМУ, ЧТО КОНСТАНТИН СТАНИСЛАВСКИЙ КОГДА-ЛИБО ПРОИЗНОСИЛ ПРИПИСЫВАЕМУЮ ЕМУ ФРАЗУ: «ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С ВЕШАЛКИ». В ПИСЬМЕ ОСНОВАТЕЛЯ МХТ ОТ 23 ЯНВАРЯ 1933 ГОДА В АДРЕС УВАЖАЕМЫХ ТЕАТРАЛЬНЫХ ГАРДЕРОБЩИКОВ ЕСТЬ ТАКИЕ СТРОКИ: «НАШ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ МНОГИХ ДРУГИХ ТЕАТРОВ ТЕМ, ЧТО В НЕМ СПЕКТАКЛЬ НАЧИНАЕТСЯ С МОМЕНТА ВХОДА В ЗДАНИЕ ТЕАТРА...» А ВХОД, ОН, КАК ВОДИТСЯ, НА УЛИЦЕ.

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ с улицы и в прямом, и в переносном смысле. В эллинских и римских амфитеатрах гардеробов и, соответственно, гардеробщиков не было в принципе. Трагедиям Эсхила и Сенеки, комедиям Аристофана и Плавта зрители внимали под открытым небом. Русское скоморошество, итальянское дель арте, французские «гистрионы», уличные мистерии и фарсы, распространенные не только на континенте, но и на Британских островах, – все эти действия происходили на рыночных площадях, во дворах замков и дворцов. Вспомним Гамлета, пригласившего актеров бродячей труппы в королевский замок Эльсинор... Правда, датский принц-продюсер предложил к уличной постановке не примитивную мистерию, а полноценную трагедию «Убийство Гонзаго», что с трудом вяжется с площадным театром Средневе-

ковья. Но это вопрос к Шекспиру. А мы вернемся в Москву. В 1671 году великого государя ближний боярин Артамон Матвеев основал первый в России театр – придворный. Тогда же во дворе другого боярина, Ильи Милославского, в специально оборудованном помещении состоялась премьера спектакля «Артаксерково действие». Постановка понравилась царю Алексею Михайловичу, и на следующий год в его резиденции Преображенское построили здание, предназначеннное для придворного театра, – Комедийную хоромину. В 1673 году была обустроена зимняя сцена в Кремле. Театр просуществовал пять лет, вплоть до смерти Алексея Тишайшего. Заботиться о труппе стало некому, так как опальный Матвеев был сослан за полярный круг, в не существующий более городок Пустозерск. Но – лиха беда начало! И в Европах – где раньше, где позже – грянул великий переход. Обозначилось повсеместное театральное триединство. Пьеса – труппа – здание со сценой и зрительным залом. У каждой постановки есть своя история, у каждого театрального коллектива – тоже есть. Есть она и у каждой театральной крыши.

ВОКРУГ САДА «АКВАРИУМ»

«Ну что, куда пойдем?» С этого вопроса, заданного друг другу около монументальной бронзовой фигуры Владимира Маяковского на Триумфальной площади Москвы, мы с моим бессменным товарищем фотографом Александром Бурым и начали поход. Точнее, не поход, а съемку объекта под названием «Театр сатиры». Вот он, в ста метрах. Если бы поставили архитектурную задачу-парadox по созданию проекта для театра смеха, то лучшего креатива не пожелать. Если мысленно убрать размашистую надпись на фасаде и поглядеть глазами равнодушного к театральному искусству человека на вотчину народного артиста РСФСР Александра Ширвиндта, в голову может прийти все, что угодно. Закрытый военно-исследовательский институт, архив, элитный гараж, храм сайентологов, но только не театр. По разным источникам, в Москве более 170 театральных коллективов, включая всякую экзотику вроде Театра кошек, Эротического театра пластической драмы и театра «Без вывески». Понятно, что далеко не все имеют собственные здания или хотя бы помещения. Некоторые снимают случайные залы и подвалы, другие ются при всяческих культурных и общественных конторах, трети пребывают ареной чужих сцен под антрепризу. Короче говоря, стационарных театров значительно меньше. Академических – 14. Известных – от силы 30. Театр сатиры – и известный, и академический. Несмотря на

это, архитекторы постарались. Но лучше погрузимся ненадолго в историю места. Жили-были три брата Никитиных – Дмитрий, Аким и Петр. Атлет, клоун и жонглер. В 1873 году они открыли первый русский стационарный цирк – в Пензе. Затем в Саратове, Нижнем Новгороде и далее. Добрались до Москвы. В 1911 году для их цирка было построено специальное здание с полукруглым залом и широким куполом. Никитины продержались тут до 1924 года, после чего были лишены госфинансирования и удалились в куда более скромное помещение в знаменитом небоскребе в Большом Гнездниковском переулке рядом с Пушкинской площадью. Там же начинала труппа будущего Театра сатиры. Волею судьбы спустя сорок лет, в 1965 году, именно «Сатира» получила прописку в полностью реконструированном цирке братьев Никитиных, от которого узнаваемым остался лишь купол, который сейчас на гигантской плоской крыше можно разглядеть только издали. А внутри – внушительный зал на 1250 мест, четвер-

театр сатиры.
Цирк, да и только

тый по величине среди всех драматических сцен столицы.

За бункером Театра сатиры – крохотный, но очень уютный парк – сад «Аквариум». История сада не менее интересна, чем история стоящего в его глубине Театра имени Моссовета. Но это как-нибудь в другой раз. Нынешнее театральное здание было построено в 1959 году. Строили с размахом. Основная сцена – 1300 зрительских мест. Долго строили. Начали в 1940-м, предварительно изничтожив здание театра «Буфф», которое воздвиг король антрепризы Шарль Омон в самом конце XIX века. Кто тут только не выступал! Иван Поддубный, Леонид Собинов, Вера Комиссаржевская, Леонид Утесов...

Омон полностью оправдывал свою фамилию. Был энергичным, целеустремленным и упрямым. Захотел сделать одно из самых популярных увеселительных мест в Москве – и сделал. Помимо театра «Буфф» построил летнюю сцену – «Олимпию». Фонтанчики, искусственная речка с мостиком, фейерверки, выставки, чемпионаты по французской борьбе – чего тут только не было! Уже в 70-е годы XX века это уютное местечко облюбовали фарцовщики. В дальнем углу у глухого забора наскоро мерили «пиленные» джинсы желающие приобщиться к суровой американской культуре потребления. Тут же лохматые меломаны, уже являющиеся обладателями протертых штанов, внимательно рассматривали чистоту дорожек на виниловых дисках всяческих Deep Purple и Uriah Heep. Милиционеры крайне редко заглядывали в эту природную цитадель культуры. К слову, именно в этом месте находилась некогда... «Как ни торопился Варенуха, неодолимое желание потянуло его забежать на секунду в летнюю уборную, чтобы на ходу проверить, одел ли монтер в сетку лампу». Михаил Булгаков жил совсем рядом. И все уголки сада и театра «Буфф» знал досконально.

Стоит заметить, что место это... неоднозначное. «Вчера в 6 час. утра рухнул летний театр в «Аквариуме» – «Олимпия», – писали

Сатир у Театра
Моссовета

московские газеты в 1907 году. Мы с Александром Бурым даже не пытаемся изыскать место, где это случилось. Потому как аккурат в канун нашего посещения в саду дотла сгорела популярная закусочная американского питания «Старлайт», возникшая тут в бурные годы дикого капитализма. Вместе с нами на жертву пожара с хитрым прищуром взирает бронзовый Сатир из фонтана. Он тут не зря посажен недавно. Вместе с бронзовым Аполлоном из соседнего водохранилища заманивает гуляющую публику в Театр Моссовета...

Если дворами сталинских многоэтажек мимо задней стены театра прорваться на Тверскую, то вынесет прямо к Драматическому театру Станиславского. С недавнего времени он называется мудрено: «Электротеатр Станиславский». Причину понять можно. С самого рождения в 1948 году театр мучается с тем, что неподалеку, на Дмитровке, работает Театр Станиславского и Немировича-Данченко. Он хоть и музыкальный, в смысле оперы и балета, но академический, в отличие от электрического. И вообще, куда более известный. Уж так вышло. Вот просто «станиславцы» стараются «отгрости» подальше. Чтоб не было сомнений, можно процитировать кусочек программного заявления нынешнего худрука: «Новопроцессуальный вектор развития театра, который подразумевает активное сотрудничество с новейшими композиторами, радикальными художниками...» Довольно? Когда-то в эпоху расцвета театра сюда, на Тверскую, 23, ходил на работу Михаил Яншин. Тоже – худрук. С 1950-го по 1963-й. Интересно, как бы он прокомментировал «новопроцессуальный вектор»?

А здание театра – диковинное. Таких, сохранивших черты московского модерна, на Тверской раздва и обчелся. После Великой Отечественной войны их подменили сталинские монстры, увешанные памятными досками. Да и этот дом 1890 года рождения, соседствующий со знаменитым Английским клубом (Музей современной исто-

Электротеатр
Станиславский

рии России) и открывающий дорогу в старинный московский райончик Палаши, попытались изувечить, сняв четырех каменных львов, украшавших крышу. Ни о каком театральном будущем первый владелец дома, Иван Шаблыкин, не помышлял. Богач, старшина Английского клуба разместил в доме магазины, гостиницу, парадные апартаменты. В храм искусства здание превратил другой владелец – граф Капнист. В начале XX века он сдал часть помещений в аренду под синематограф «Арс». Видно, переделка помещений под просмотровый зал на 800 мест потребовала значительных усилий, раз синематограф открылся только в 1915-м. Известные события 1917 года и после привели к тому, что здание перешло в категорию аварийных. В 1921-м усилиями театрального деятеля Мориса Шлуглейта были найдены средства, и в течение четырех месяцев дом привели в порядок. Помимо «1-го кинотеатра

МХАТ имени
Горького.
Очевидная мону-
ментальность

Госкино» здесь разместился Московский театр для детей Натальи Сац. А в 1936-м сюда въехала Государственная оперно-драматическая студия Станиславского под руководством Станиславского же, которую «располовинили» на драму и музыку, как уже сказано, в 1948-м.

В 1941 году здание перенесло стресс. В смысле – переезд. Находясь на красной линии Тверской улицы, оно мешало ее расширению. И дом передвинули вглубь. Имелись технологии, однако.

НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ И РЯДОМ

Здание МХАТ имени Горького – одно из самых молодых театральных пристанищ. Появилось в 1973 году. Разве же возраст? Иное дело, что строили тут долго, чем нас не удивить. Во многих благожелательных путеводителях можно прочитать, что «здание монументально по архитектуре». Что есть, то есть. Но не отпускает ощущение, что перед тобой элемент братства колец: Садового и Бульварного. От Театра сатиры до МХАТа по прямой чуть более 900 метров. Расстояние между постройками во времени – восемь лет. Первая – бетонного серого цвета, вторая – мрачного темно-коричневого. В остальном – братья-близнецы. Трудно поверить, что Станиславскому, равно как и Немировичу-Данченко, такой архитектурный взгляд на их полное жизни и движения детище понравился бы. Да еще на «Твербуле», всегда полном той самой жизни и движения. Конфликт, гранивший во МХАТе в 80-е годы прошлого века и вызвавший в итоге его разделение на два театра, – порождение разных причин. Одна из них – огромная труппа, разросшаяся до 150 штатных актеров. Но монстр рукотворный не мог не породить монстра кадрового. В таком доме полк поместится. Бурый мечется от центральной аллеи бульвара к тяжелым ступеньям, ведущим ко входу в театр. Но коричневая глыба упорно не желает помещаться в объектив. Когда-то почти на этом самом ме-

сте стоял особняк героя Наполеоновских войн генерала Андрея Кологривова. По преданию, в гостях у генерала встречались Пушкин и Наталья Николаевна. Может быть, поэтому почти напротив располагается театр, носящий имя Александра Сергеевича. Здание, не в пример гиганту имени Горького, сохранило всю прелест московской старины. Хотя от особняка конца XVIII века веет только впечатлением, не более. Усадьба князя Вяземского многократно меняла владельцев и перестраивалась. И даже фасад вовсе не таков, каким видели его Пушкин, Гончарова, тот же Кологривов, выглядывая в окна своего особняка. Да что там Кологривов. Таким его не видел и режиссер Александр Таиров, въехавший сюда с Камерным театром в 1914 году. При нем изменили только нутро. Таиров писал: «Ломать их грешно. Но есть возможность пристроить к ним небольшой зрительный зал и сцену. Само здание просто создано для театра! Лицевую пластическую операцию осуществили уже в 30-е годы XX века. Тем не менее душа особняка жива и поныне. Там, где в бульвар вливается Малая Бронная, находится театр с соответствующим названием. Сам театр и его нынешнее место обитания встретились не сразу. Московский драматический театр, созданный в 1946 году, обретался недалеко от Елоховской площади. Дом по Малой Бронной, 4 ни в чем выдающемся до

встречи с труппой замечен не был. Обычный доходный дом, построенный в 1902 году. Первые жильцы его, правда, отличались особой бытовой активностью. Ну, оно и должно так быть. Как никак подопечные «Общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского Университета». Дом и труппа встретились в 1962 году. С тех пор неразлучны.

«Твербуль» упирается в Пушкинскую площадь. Это не новость, что памятник поэту стоял на бульваре, а напротив находился женский Страстной монастырь. Его уничтожили не сразу. Казнь растянули до 1961 года, когда снесли последние хозяйственные постройки на том месте, где сейчас раскинулся кинотеатр «Пушкинский», до 1997 года – «Россия». Виноват, трудно привыкнуть к этой мысли, но с 2012 года кинотеатр переозвучен в театр. Музикальный. Опять-таки «Россия» называется. Проще говоря, за спиной у Пушкина ныне мюзиклы употребляют. Вот в прошлом сезо-

театральная
касса должна
быть скромной.
Театр на Малой
Бронной

Купеческий клуб
Ленинского
комсомола.
Короче, Ленком

не употребляли «Преступление и наказание». Чудным анонсом предвосхитил постановку экс-министр культуры РФ Михаил Швыдкой: «Это будет жесткий спектакль о цене жизни и о победительной силе любви. Любви и к Богу, и человека к человеку». Не отстал в самооценке автор либретто (к Достоевскому!) поэт Юрий Ряшенцев: «Достоевский, как никакой другой русский классик, дает повод для современной музыкальной экспрессии». Отвлекся...

Если смотреть с Пушкинской площади, стоя лицом к театру «Россия», левее, за храмом Рождества Пресвятой Богородицы в Путинках, с XVII века выступает здание клуба Московского купеческого собрания. Именно что выступает! Дом построен в 1909 году под заказ. То есть тематически выдержаный. Потому в нем есть все: колонны, башня, парапеты, балконы, эркеры, окна маленькие и огромные... Видать, чтобы все гильдии были довольны, сообразно вкусу и образованию членов клуба. Хотя по-своему веселенький такой дом. Отсюда и история. Поначалу здесь собирались купцы Первой столицы. По разным поводам. От культурных до гастрономических. После переворота 1917 года поселились анархисты. Собрание так и называлось – «Дом анархии». Эти парни в красной России надолго не задержались, их сменили комсомольцы. Деятели ВЛКСМ в России задержались, но из дома съехали быстро, успев провести III съезд своей организации. Далее в купеческой резиденции крутили всяческие буржуазные фильмы и играли джаз, пока не организовали молодежный театр. Любительский, который, по словам одного режиссера из фильма «Берегись автомобиля», должен был вытеснить театр профессиональный. Вышло иначе. Театр рабочей молодежи превратился в Театр имени Ленинского комсомола, то бишь Ленком. Эта сцена познакомилась с такими «любителями», как Инна Чурикова, Евгений Леонов, Олег Янковский, Александр Збруев...

МЕЖ ПЕТРОВКОЙ И ТВЕРСКОЙ

Нынешнем внутрь Бульварного кольца. На Большой Дмитровке – впечатительное здание Московского академического Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Но впечатительное – это оно сейчас. После двух пожаров, 2003 и 2005 годов. Если точнее, после 1940 года, когда после фундаментальной перестройки здание подняли, расширили, укрупнили и так далее. Пожар 2003 года спалил театр дотла. Но после восстановления он приобрел нынешний вид и является одним из самых современных в техническом отношении сценических центров страны. А когда-то на этом месте стоял двухэтажный особняк в стиле ампир, принадлежавший семье графов Салтыковых. Эта семья владела не только особняком, но и землями вокруг – от Дмитровки до Тверской. В 1839 году особняк перешел в распоряжение Московского купеческого клуба, где он и находился до того момента, когда построил убежище, принадлежащее ныне Ленкому. Московские купцы традиционно благоволили искусству. Довольно сказать, что в доме выступали Лев Толстой и Ференц Лист. Как только купцы съехали, особняк заняло популярнейшее в начале XX века кабаре «Максим». Революция на этом безобразии поставила крест. Вплоть до постановки здания на реконструкцию в 40-е тут размещались экспериментальные музыкальные студии Станиславского и Немировича-Данченко. Вот и ответ, почему музыкальный театр носит имя родоначальников современного русского драматургического театрального искусства.

Большая Дмитровка – улица музыкальная. Ниже по течению – Театр оперетты. Этой землей и постройками на ней владели сплошь княжеские роды – Прозоровские, Щербатовы, Шаховские. Но в середине XIX века все скопом выкупил владелец Пассажа на Кузнецком Мосту мульти-

Музыкальный ампир Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко

Корш – он и в России Корш. Театр наций в Петровском переулке

миллионер Гаврила Соловникова. Этот персонаж был известен всей Москве невероятной пружинистостью и нечистоплотностью в делах. Однако театр любил искренне. В 1883 году он распорядился перестроить одно из приобретенных зданий под театр с залом на 3100 мест. Строили долго, одиннадцать лет. Место вошло в историю еще и потому, что здесь состоялся премьерный показ в России «фильмы» братьев Люмьер «Прибытие поезда». Трагической особенностью театральных зданий на Большой Дмитровке является то, что они горели. Во время московского пожара 1812 года эту улицу огонь почти не тронул. А вот

в мирное время Господь распоряжался иначе. В 1907 году сгорел и театр Соловникова. Но на сей раз дом восстановили быстро, и уже после 1908-го здесь выступала Матильда Кшесинская. Несколько десятков лет после революции театр был филиалом Большого, а в 1961-м стал в Москве опереточным монополистом. Его великой примой была Татьяна Шмыга. На Дмитровку выходят и стены новой сцены Большого театра. Это совсем недавно перестроенный доходный дом, в котором почти шестьдесят лет проживала народная артистка СССР Александра Яблочкина. Поблизости от бульваров Дмитровки и Петровки соединяет тихий Петровский переулок. Название ему, как и улице, дал древний Высоко-Петровский монастырь, помнящий первого русского царя. Несспешную переулочную жизнь нарушил в 1885 году некто Федор Корш, профессиональный юрист, увлекавшийся сценой и в результате ставший основателем первого московского частного театра. Здание было построено в русском стиле и в архитектурных решениях перекликается с такими образцами, как хоромы Государственного исторического музея и бывшая резиденция Московской городской думы

(она же до 1993 года – Музей Ленина). Корш и его труппа привнесли в театральную жизнь города много новинок. К слову, именно в его стенах познакомились Станиславский и Антон Чехов. Однако экспансия МХТ заставила Корша уйти в тень, а в 1917-м продать театр. Труппа протянула до 1933 года, затем здание передали МХАТу. Чего ему только не передавали в советское время!

Несмотря на удручающее чувство голода, идем с Александром Бурым мимо. Хотя память назойливо подсказывает ахматовские строки: «А тому переулку наступает конец... Тут еще до чугунки был знатнейший кабак...» Написано о другом месте, не менее славном. Что до кабака, то после открытия уже в наше время в здании Театра Корша Государственного театра наций тут распахнул двери «знатнейший кабак». Проверьте.

Камергерский. Тут заведений предостаточно. Но все меркнет рядом с МХТ. Не случайно было время, когда переулок назывался проездом Художественного театра. Опустим перипетии, связанные с многочисленными владельцами этой земли начиная с середины... XIV века. Остановимся в 1872 году, когда здание было продано за долги купцам Лианозову и Степанову. Георгий Лианозов, став вскоре единоличным владельцем особняка Римских-Корсаковых, принял за переустройство здания под театр. Коммерческий смысл? Дом сдавался различным труппам и приносил доход, что подвигло Лианозова еще на несколько реконструкций. В итоге здание арендовал на двенадцать лет под постоянную деятельность МХТ Савва Морозов. И вновь реконструкция, и вновь усовершенствования. Вплоть до того, что прямо в театре были обустроены квар-

Тверская.
Театр имени
Ермоловой

тиры для проживания артистов. Так, в квартире №8 шесть лет жил народный артист СССР Василий Качалов. Еще одна масштабная реконструкция произошла в середине 80-х годов прошлого века. После нее сюда переехала половина труппы МХАТа, превратившись в 2004 году в труппу МХТ.

Если спуститься с Камергерского к Тверской и отвлечься от созерцания памятников Чехову и Станиславскому с Немировичем-Данченко, то по левую руку на главной улице столицы – бело-бирюзовое здание Театра имени Ермоловой. Оно зажато безвкусием громадного отеля, известного в недавнем прошлом под соблазнительным названием «Интурист», и гранитной мощью сталинского шедевра «Телеграф». Но живет, живет. Хотя от первоначального облика, когда Москва знала стоявший тут особняк как дом князей Долгоруких, практически ничего не сохранилось. Но XIX век присутствует со свойственным ему изяществом. Хотя на театр, конечно, непохоже. Скорее, соответствует тому, ради чего и перестраивали из раза в раз. «Постниковский пассаж», лавки, магазины, доходные квартиры. В театр этот дом превратили в 1938 году, творческим поселенцем которого в 1946-м стал Драматический театр имени Ермоловой.

Позади Тверская театральная миля. Не чета Пречистенской золотой. Куда как интереснее. А что до вешалки... В студенческую бытность довелось подрабатывать в одном из культурных очагов. С великим удивлением узнал в первый же день, что все бинокли – частная собственность гардеробщиков. Вернее, гардеробщиц. В Сандиновских банях, где парился поклонник театра купец-миллионер Соловьевников, банщикам жалованье не полагалось. Жили за счет чаевых. В советских театральных гардеробах какие-то мизерные зарплаты платили. Но процветали хранители номерков за счет аренды биноклей. Как оно сейчас, не ведаю. ☺

МХТ имени
Чехова. Дом
«Трех сестер»
и «Чайки»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ОЩУЩЕНИЕ ЖИЗНИ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ЕДВА ВОЙДЯ В ЛИТЕРАТУРУ, БОРИС ПИЛЬНЯК СТАЛ ЖИВЫМ КЛАССИКОМ. ОН БЫЛ ПЕРВЫМ КРУПНЫМ ПРОЗАИКОМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ. И ОН ЖЕ СТАЛ ПЕРВОЙ ЖЕРТВОЙ ОФИЦИАЛЬНОЙ ТРАВЛИ. НА НЕМ ОБКАТАЛИ МЕХАНИЗМЫ ЭТОЙ ТРАВЛИ, КОТОРУЮ ПОТОМ ПОСТАВИЛИ НА КОНВЕЙЕР...

В ДЕТСТВЕ, КАК ВСПОМИНАЛ САМ ПИЛЬНЯК, ЕМУ больше всего нравилось сидеть на игрушечной лошадке перед зеркалом и воображать себя пушкинским Русланом или гоголевским Остапом...

Он родился в 1894 году в Можайске. Его отец, Андрей Богау, был родом из поволжских немцев, работал ветеринарным врачом. Мать, Ольга Савинова, происходила из семьи саратовского купца, окончила Московские педагогические курсы. Борис был первенцем, через четыре года родилась его сестра Нина.

ЧУВСТВО УЕЗДНОГО

В рассказе Пильняка «Коломенская пастыля» есть несколько автобиографических подробностей: жизнь у немецкой бабушки в Екатериненштадте под Саратовом (ныне – город Маркс), связанные бабушкой чулки, ее страшные рассказы о войне немцев-колонистов с киргизами. Есть и трогательный фрагмент, где рассказчик и его отец, засидевшись в гостях, перелезают через забор, потому что калитку бабушка запирала на ночь в восемь вечера. Сняв сапоги, они крадутся по дому, но оставляют на полу следы, которые затирают собственными платками, и утром их изобличают по платкам. В этом доме было тепло и уютно, здесь все друг друга любили. «Сестру, мать и отца я люблю больше всех», – говорится в том же рассказе.

Писатель рассказывал, как безудержанно врал друзьям: «Мое детство прошло между Можайском и Саратовом, – в Саратове я неизменно врал о Можайске, в Можайске – о Саратове, насыняя их всем чудесным, что я слышал и что я вычитал. Я врал для того, чтобы организовать природу в порядок, кажущийся мне наилучшим и наизанятным. Я врал неизменно, страдал, презираемый окружающими, но не врать – не мог».

Писать он начал рано – по его собственным воспоминаниям, в 9 лет. О своих детских сочинениях отзывался как о самых лучших: «Потому что тогда я напряженнее всего ощущал творческие инстинкты».

Семья жила еще в Богоявленске (сейчас – Ногинск), Коломне. В Нижнем Новгороде Пильняк жил у брата отца и оканчивал реальное училище. Провинциальная жизнь дала ему точное, органическое знание уездного быта. Недаром Горький писал критику Воронскому, что Пильняк «верно чувствует уездное». А вот сам Пильняк: «Я помню эти уезды и людей, раскиданных по селам, в домах, построенных по одному плану

земством, с бревенчатыми стенами, с некрашенными полами, с окнами в поле, в метели, в одиночество; там жили врачи, такие же, как мой отец, третий земский элемент, в валенках и смазных сапогах, в овчине, с гардеробами, вместо книжных шкафов для книг, с гречневой кашей на второе за обедом, с одиночеством, полями, мужичьим горем».

Свой детский опыт Пильняк в романах «Созревание плодов» и «Соляной амбар» передал автобиографическому герою Сергею Келлеру, который стал писателем Арбековым: «Владимирское реальное училище было третьим учебным заведением, где Арбеков проходил «средние» науки, ибо из саратовской гимназии он был изгнан за игру в перышки и за издевательство над системой наказания безбедами, а из богословского реального сам ушел по так называемому добру и здоровью». Есть в «Соляном амбаре» и другие автобиографические подробности: Келлер и во Владимирском училище дважды в неделю остается в наказание после уроков без обеда, скрывает от наставников, что его рассказы печатаются в «Нижегородском листке», создает с друзьями в училище литературное общество и издает рукописный журнал.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Андрей Иванович Богай,
отец писателя

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДЕБЮТ

Печататься Борис Богай начал очень рано. О старте своей писательской биографии рассказывал в одной анкете так: «Первый мой рассказ, размером в пол-листа, был напечатан, когда мне было 13 лет, в «Весне» Шебуева, без моей фамилии, – но началом моей литературной работы я считаю лето 1915-го года, когда я написал сразу пять рассказов, из которых один («Над оврагом» или «Целая жизнь», что одно и то же) был напечатан в апрельской за 916 год книжке «Русской мысли», второй и третий у Миролюбова, четвертый в «Творчестве» Абрамова («Смерти»). «Целую жизнь» и «Смерти» я включил в мои томы». К этому времени юноша был уже студентом экономического отделения Московского коммерческого института. Уже шла Первая мировая. На фронт его

Борис Пильняк
с матерью
и сестрой Ниной.
Коломна.
4 апреля
1915 года

Ольга Ивановна Богай,
урожденная Савинова, мать писателя

не взяли из-за сильной близорукости. Дыханием войны, смертью, неуютом полны его первые рассказы. И подписал он их псевдонимом: с немецкой фамилией печататься было некстати. Пильняк – это житель деревни Пильнянки, места лесозаготовок в Богодуховском уезде Харьковской области, там он жил летом 1915-го у брата матери и оттуда отсыпал в редакции рукописи рассказов.

Часть этого лета он провел с семьей в подмосковном Кривякине: «У нас здесь – река, Екатерининская усадьба, парк, пруды, совы, кукушки, соловьи, рыбы, грибы, цветы...» – писал он другу. И в том же письме: «У меня живет Н.А. Павлович». Хорошенькая, темноволосая, с круглым милым лицом и большими глазами Надежда Павлович жила по соседству, писала стихи. Сначала приходила в гости, потом поселилась у возлюбленного. Пильняк собирался на ней жениться. Вместе с ней съездил в Саратов, но поездка оказалась тяжелой и неудачной. Надежда заболела, Пильняк пытался отправить ее в Москву к врачам, денег не было... Роман на этом закончился.

Надежда Павлович вспоминала, что «Борис был рыж, некрасив, грубоват, но были в нем талантливость и сила, было упорство и умение добиваться своего. <...> Ухаживал он за мной своеобразно: вместо обычных тогда цветов и духов он преподнес мне секириу XVI века, найденную в Коломне...».

После разрыва он пытался стреляться. А Надежда Павлович потом сблизилась с Блоком, после революции работала в аппарате Крупской. Большая часть ее жизни, однако, связана с Оптиной пустынью и сохранением ее наследия в советское время. Свои воспоминания о Пильняке Павлович закончила так: «Любил ли он меня – не знаю. Но была какая-то незаживающая ранка, думаю, больше самолюбия, чем любви. Если бы поддалась, бросил бы, да еще посмеялся. Чувствовалось в нем жестокое. Такой бы не пожалел».

О СОВЕТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первые писательские опыты никакой славы Пильняку не принесли: только через шесть лет появился первый критический отзыв на его рассказы. Его дебютная книга рассказов, «С последним пароходом», вышла в 1918 году. Ее он не любил, считал слабой и в поздние издания включал только два рассказа из нее. Писательская слава началась для него со сборника «Былье», который вышел в 1920 году. Пильняк называл его «первой в РСФСР книгой рассказов о советской революции».

Это уже густая проза, настоящая на Серебряном веке с его устремленностью к смерти, с его неразрывной связью религии и телесности, эроса и танатоса, где дух томится и плоть томится. Человек в его рассказах взят от земли, он плоть от плоти ее, сырой, живой, томящейся, недаром даже для деторождения у него есть излюбленная метафора – «любовный посев». Его проза вобрала в себя и лесковскую орнаментальность, и ремизовскую вязь, и экспериментаторство Андрея Белого – в ней уже было все нужное для того, чтобы найти адекватный язык, чтобы описать неописуемое, вместить невмещаемое: попытаться отразить в прозе опыт первых лет революции и Гражданской войны.

Ранние рассказы заложили основу для романа «Голый год», который вышел в 1922 году. По сути, они просто вошли в него фрагментами – кусками жизни; одна история сменяет другую, без начала и без конца, и все они соединены (или разъединены) воем метели, диким кружением стихии, в котором слышатся названия советских учреждений: «Гви! Главбум!» Та же метель завывает в блоковых «Двенадцати», разбрасывая растерянных одиночек. Так же, как у Блока, революция рушит старые дома, взрывает исторические пластины, безжалостно переворачивает их, разоряя семейные гнезда и скрушают человеческие жизни.

Борис Пильняк
в кругу
писателей.
1920-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И тысячелетняя Русь стонет, со-
крушенная, и поверхностный налет интеллигентской культуры сносит с нее, и просыпается совсем уже древнее, перво-
бытное, звериное. И так же, как у Блока, появляются у Пильняка новые люди, держащие «ре-
волюционный шаг» – здесь это «люди в кожаных куртках». Критик Александр Воронский писал об этой книге: «В сущности это не роман. В нем и в по-
мине нет единства построения, фабулы и прочего, что обычно требует читатель, бера в руки роман. Широкими мазками набросаны картины провинциальной жизни 1919 года. Лица связаны не фабулой, а общим стилем, духом пережитых дней. Получается впечатление, что автор не может сосредоточиться на одном, выбрать отдельную сторону взбаламученной действительности. Его приковыва-

ет к себе она вся, вся ее новая сложность. И, может быть, так и нужно. Революция перевернула весь уклад целиком, все поставила вверх ногами, и художник прав, когда он стремится захватить как можно шире, дать цельную, полную картину сдвига и катастрофы». Сдвинутые пласти, дробление, рассыпанное целое – это еще и преломление в русской прозе опыта модернизма – экспрессионизма с его кричащей плакатностью, кубизма с его дробящимися, смешенными гранями реальности. Это – переход от модернизма начала века к советскому авангарду. Роман «Голый год» сразу выдвинул Пильняка из неизвестных авторов в советские классики. Со временем, однако, к этой прозе стали предъявлять идеологические претензии. Заключались они, естественно, в том, что проза эта изображает революцию как буйство стихии, хаос, метель: стало быть, автор не осознает четкого плана обновления жизни, не видит руководящей роли коммунистов. Критики еще примерно десятилетие спорили, революционность это или реакционность, попутчик он или враг. Пильняк стоял на совершенно четких беспартийных позициях. Говорил, что судьбы РКП ему гораздо менее интересны, чем судьбы России – и вообще РКП ему интересна постольку, поскольку эти судьбы России сейчас определяет.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка книги
Б. Пильняка
«Голый год»
(изд-во
З.И. Гржебина.
Петербург –
Берлин, 1922)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ГОЛОДНЫЕ БУДНИ

В предреволюционные и послереволюционные годы Пильняк жил в Коломне. В 1917 году он женился на дочери коломенского дьяка Марии Соколовой, которая была старше жениха на несколько лет. До революции она была земским врачом, после революции – врачом в коломенской больнице. В декабре 1917 года в семье родилась дочь Наташа, в 1921 году – сын Андрей. С Соколовой Пильняк прожил до 1924 года, когда уехал в Москву, оставив семью в Коломне. С детьми продолжал общаться и после развода, со временем перевез в Москву и бывшую жену, и детей.

В январе 1918 года он писал своему другу: «В Коломне у нас – голодные будни. Я местными большевиками зачислен в «контрреволюцию» и новый год встречал – в тюрьме, был арестован, и по поводу меня поднимался даже вопрос – не расстрелять ли? – других расстреливали».

Он старался держаться вне школ и направлений в литературе и вне политики в жизни. Зарабатывать пытался литературой, кормился натуральным хозяйством. В его письмах 1919 года – голод, тиф, ни копейки денег... Он ездил за Волгу, к Бугульме, за мукой, писал, что ему «досталось – от вшей, от нар, от загадительных отрядов, от белых», что он «18 дней питался одной картошкой и пленсневелым хлебом, без соли». А заканчивается письмо об этом жутком опыте

торжественной кодой: «Ах, дорогие мои! Если бы Вы знали, как много необыкновенного в России! Пусть я был и истопником на паровозе, и в чрезвычайке, и эшелонным старостой, пусть если меня вши, – прекрасно!» В 1920 году он окончил коммерческий институт. Продал библиотеку и купил корову, чтобы кормить семью. Пошел работать в коломенскую газету «Голос коммуниста». Правил статьи, верстал, рисовал, держал корректуру. Он пытался писать – и извинялся перед читателем, что ему постоянно приходилось «теплушку с мукой менять на письменный стол, стол на сенокосные рассветы, перо на лопату» – и рукописи терялись.

С 1921 года, с введением НЭПа, жизнь становится более сытой. Появляются возможности издаваться, писатели задумываются о собственном издательстве –

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Русские писатели в Берлине. Слева направо сидят: А.С. Ященко (главный редактор «Новой русской книги»), Б.А. Пильняк, А.Н. Толстой; стоят: И.С. Соколов-Микитов, А. Белый, А.М. Ремизов. 1922 год

и Пильняк в гуще событий. Он печатается в берлинской «Накануне», участвует в создании издательства «Круг», где выходит несколько его книг. Одним из первых среди советских писателей он едет за границу. В 1922 году он в Берлине: выступает на литературных вечерах, ходит в гости к писателям, представляет свои новые книги. Одна из них – «Голый год», который русская эмиграция читала внимательно и с интересом. Ариадна Тыркова-Вильямс писала о Пильняке Бунину: «Он рыжий, некрасивый, манеры фельдшерские, хотя сын врача и кончил коммерческий Институт. От его рассказов на меня повеяло таким одичанием, что страшно стало. Стала я читать его повести (талантливые), еще страшнее». В 1923 году Пильняк побывал в Англии, где с ним произошла романтическая история: как он сам писал Ремизову и Чуковскому в отрывочных письмах, в него влюбилась англичанка русского происхождения, сбежала к нему от мужа, они жили втроем: Пильняк, англичанка и писатель Никитин... Чем кончилась эта история – неизвестно. В Великобритании он встречался с Уэллсом и Шоу; оттуда приехал вдохновленный чудесами прогресса и, пожалуй, проникся симпатией к новой поэзии – труда, созидания, машины, rationalности. Каждая поездка дает материал для новых книг: из Англии он привозит «Английские рассказы», а потом, в 1926–1927 годах, будут Китай и Япония, откуда он привезет не только книги, но и настоящую японку, музыкантшу, со стариным инструментом кото. Он будет ходить с ней, одетой в кимоно, по Коломне и сам будет удивлять гостей, встречая их в кимоно... В Японию он ездил уже с новой женой, Ольгой Щербиновской. С ней он прожил недолго, хотя уже даже после расставания с ней ее мама продолжала жить в его квартире – пресловутый квартирный вопрос никак не решался.

Борис Пильняк с отцом и сыном Андреем. Коломна. Лето 1923 года

ПОГАСШАЯ ЛУНА

Конец этому писательскому счастью настал во второй половине 20-х – времени для русской литературы вообще не очень благополучном: свирепствует Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), литераторов анализируют на предмет верности линии партии.

А Пильняк верен себе: он отражает действительность так, как считает нужным, и пишет о партии «без придыкания».

Первой причиной для настоящей травли стала знаменитая «Повесть непогашенной луны», опубликованная в 1926 году. Сюжет ее был навеян болезнью и смертью на операционном столе командарма Фрунзе. Пильняк предположил повести специальное предисловие: мол, это не о Фрунзе, я его вовсе не знал. Задачу он ставил художественную, а не политическую: показать, что делается в душе у партийца, сильного и мощного человека, который по приказанию партии ложится на ненужную операцию; что руководит «негорбящимся человеком» – партийным вождем, который на эту операцию его посыпает. Но в новой реальности, где партийное руководство литературой начало укрепляться, эта повесть была воспринята как политическая провокация, а тираж номера «Нового мира», где ее напечатали, был конфискован. В первом номере «Нового мира» за 1927 год Пильняк вынужден был принести извинения за «бестактность» и «оскорбление памяти Фрунзе». Ему этого не забыли.

Следующим поводом для травли стала публикация романа «Красное дерево» в берлинском издательстве «Петрополис». Сам по себе факт публикации в «Петрополисе» не был преступлением: в нем печатались и другие советские писатели. Возмущение вызвало, скорее, содержание: жизнь провинции здесь – тоскливыи быт потерянных, не понимающих цели существования людей. Живут здесь, кажется, только вещи, которые скапают деловые реставраторы, – вещи, в которых осталась хитрая, пьяная,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Б. Пильняк
на праздновании
редакции
пятилетнего
юбилея журнала
«Красная новь».
Москва. 1927 год

летучая, изобретательная русская душа их создателей.

И вот тут – началось. В печати появился термин «пильняковщина». Критика требовала расправы и публичного покаяния, политические обвинения предъявлялись Пильняку во всех центральных газетах. Он если и каялся – то в глупости: «написал ненужную вещь». Политических обвинений не признавал. Не помогло даже заступничество Горького, который возмущенно писал, что на Пильняке и других писателях «единодушные» люди публично пробуют силу своих кулаков, стремясь убедить начальство в том, что именно они знают, как надо охранять идеологическую чистоту рабочего класса и девственность молодежи».

Пильняк и Замятин, который тоже стал объектом травли из-за публикации романа «Мы», в 1929 году вышли из Всероссийского союза писателей, который Пильняк возглавлял. И Ахматова вышла – из солидарности.

Стоит заметить, что Ахматовой и Пильняка связывала крепкая дружба и короткий роман: говорили, что он делал ей предложение. В 1935 году он заступался за арестованного Пунина, мужа Ахматовой. В 1936 году Ахматова специально ездила в Коломну искать дом Пильняка – была совсем рядом, но найти его не смогла. А после гибели писателя в 1938 году посвятила ему стихотворение, которое выбито на мемориальной табличке, что красуется на том самом доме.

В начале 30-х – особенно после постановления ВКП(б), распустившего РАПП и другие литературные группировки, – травля постигла. Писателей стали вежливо расспрашивать о творческих планах, посыпать в командировку по стране и за рубеж, Пильняк даже съездил в США и написал об этом книгу «О’кэй». Из таких командировочных впечатлений сложилась в 1936 году книга «Созревание плодов» – на первый взгляд несколько хаотичная, но на деле – сложно устроенная картина цветения и плодоношения, созидательной работы, которой охвачена вся страна. И сам писатель находится на пике творческих способностей, он счастлив тем, что делает свое дело вместе со всей страной.

У него есть и свое особенное счастье. В «Созревании плодов» он рассказывает о том, как его автобиографический герой, писатель Арбеков, едет к девушке, понравившейся его воображению. Они вместе скачут на конях, в горах попадают в страшную грозу, которая заставляет их теснее прижаться друг к другу – и в конце концов соединяют их... Это фактически история сватовства Пильняка к молодой красавице Кире Андроникашвили, младшей сестре известной актрисы Нато Вачнадзе. Она сама окончила Государственный институт кинематографии и снялась в двух фильмах. В 1933 году они поженились. В 1934 году у них родился сын Борис.

Сыну было всего 3 года, когда арестовали отца – и это был его день рождения...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка книги
Б. Пильняка
«Красное
дерево» (изд-во
«Петрополис».
Берлин, 1929)

«БЫТЬ ЧЕСТНЫМ С СОБОЙ И РОССИЕЙ»

Началось, впрочем, все еще в 1936 году: сначала беспощадная борьба с формалистами, потом выявление врагов. В 1935 году Пильняк еще мог успешно заступаться за Пунина, теперь сам оказался под ударом. Протоколы заседания президиума Союза советских писателей, где обсуждался творческий отчет Пильняка за 1936 год – шекспировская драма по накалу страсти.

В газетах его стали открыто называть врагом народа и обвинять в троцкизме. Знакомые, встречая его на улице в 1937-м, удивлялись: может, это не он, мы думали, он арестован уже? Следователи собирали на него досье: антисоветские повести, поддержка троцкистов, законспирированные встречи с Андре Жидом, которого он вместе с Пастернаком неверно информировал о происходящем в СССР, шпионаж в пользу Японии... Он терял заработки: его перевставали печатать. Он ездил по собраниям, выступал, признавал ошибки. И ждал ареста, как его многие ждали в Переделкине. К концу лета 1937 года он закончил роман «Соляной амбар» – итог жизни и работы писателя Арбекова. Закончил словами: «Вы слышали меня?! Только с революцией, только с вами!»

Осенью 1937 года за ним приехали на переделкинскую дачу, когда в семье отмечали день рождения сына. Вызвали – мол, нарком Ежов ждет вас, хочет что-то уточнить. Жена протянула ему узелок. Он не взял. Сын писателя, Борис Андronикашвили-Пильняк, рассказывает: «Кира Георгиевна, Борис Андреевич через час вернется!» – с упреком сказал человек в белом. Мама настойчиво протягивала узелок, срывая игру, предложенную любезным человеком, но Борис Андреевич узелка не взял. «Он хотел уйти из дома свободным человеком, а не арестантом», – поняла мама. Борис Андреевич, конечно, не вернулся.

Протоколы допросов сохранились: «Обсуждая на наших нелегальных собраниях положение в литературе и в партии, мы всеми

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Б.А. Пильняк.
1936 год

мерами, прикрываясь политикой внепартийности, чистого искусства и свободного слова, пытались доказать гнет цензуры, зажим литературы со стороны партии».

Измученный Пильняк сам писал Ежову в покаянном письме: мол, троцкистом не был, только «смыкался с троцкистами»... И еще: «Так как я ничего не хочу таить, я должен сказать еще – о шпионаже. С первой моей поездки в Японию в 1926 г. я связан с профессором Йонекава, офицером Генерального штаба и агентом разведки, и через него я стал японским агентом и вел шпионскую работу». А вот какие секреты он выдавал японцам: «инфор-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Кира Георгиевна
Андроникашвили.
1934 год

мация об общественной жизни в СССР, о литературе и группировках в Союзе писателей...» – перечисляет Виталий Шенталинский, изучавший следственное дело писателя. По его словам, Пильняк признал даже, что собирался вместе с друзьями убить Ежова. Но в целом из показаний Пильняка нельзя извлечь ничего, кроме сведений о том, что писатели действительно обсуждали тяжелую атмосферу в стране и считали, что литературе будет лучше без партийного руководства. Видно, что Пильняк старался никого не оговорить, кроме себя.

Судила его тройка: «армвоенюрист Василий Васильевич Ульрих, члены – диввоенюрист Зарянов и бригвоенюрист Ждан, секретарь – военюрист 1-го ранга Батнер. Заседание продолжалось с 17.45 до 18.00 – 15 минут», – пишет Шенталинский.

Пильняк признал все обвинения и в последнем слове попросил: «После долгого тюремного заключения я стал совсем другим человеком и по-новому увидел жизнь. Я хочу жить, много работать, я хочу иметь перед собой бумагу, чтобы написать полезную для советских людей вещь».

Суд приговорил его к расстрелу. В тот же день приговор привели в исполнение на полигоне «Коммунарка». Арестовали Киру Георгиевну, конфисковали имущество, уничтожили архив. Дача вернулась Литфонду, и в ней потом жил писатель Нилин. Арестовали сестру писателя Нину. Арестовали даже бывшую жену, Ольгу Щербиновскую.

До своего ареста Кира Георгиевна успела отправить сына к матери в Тбилиси. Бабушка усыновила мальчика, дала ему свою фамилию и вырастила...

В 1924 году Пильняк написал в «Расплеснутом времени»: «...Я – писатель, пишу книги, пишу про свою и чужую жизнь, плету вымысел с явью. Быть может, Вы слышали, что мне выпала горькая слава быть человеком, который идет на рожон. И еще горькая слава мне выпала – долг мой – быть русским писателем и быть честным с собой и Россией». ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

В ЭТОМ ГОДУ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА НАЛИМОВА. ЭТО ТЕПЕРЬ ЯСНО, ЧТО ИЗ ЖИЗНИ УШЕЛ КРУПНЕЙШИЙ МЫСЛИТЕЛЬ, ПОНЯТИЕ НАСЛЕДИЯ КОТОРОГО В ФИЛОСОФСКОМ СООБЩЕСТВЕ НАЧИНАЕТСЯ ТОЛЬКО СЕЙЧАС – ВЕДЬ ОН НА МНОГИЕ ГОДЫ, ЕСЛИ НЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ, ОПЕРЕДИЛ СВОЮ ЭПОХУ.

МНЕ ПОВЕЗЛО: Я ЗНАЛ этого удивительно-го человека и на про-тяжении нескольких лет был если не другом, то, по крайней мере, его постоянным собеседником и слушателем. А познакомила нас его книга «Спонтанность сознания», изданная в 1989 году из-дательством «Прометей» на средства кооператива «Зухра».

«Наука» публиковать ее отказалась: Налимов даже в конце перестройки, в разгар гласности, не втискивался в рамки материалистической и рационалистической научной парадигмы. Я выпросил книгу у Арины Андреевны Шегай, которая редактировала эту работу – и был поражен. Сначала тем, что в книге не было ни одной ссылки на классиков марксизма-лениниз-

ма – а это было обязательным требованием к любой философской работе в те годы. Потом я стал вчитываться в названия глав: «Христианский миф и современное его эхо», «Загадочность сознания», «Представление о личности в буддизме и дзен-буддизме», «Смыслы биосферы», «Многомерность личности», «Личность в медитации», «Перед лицом смерти», «Вызов», «Достоинство»… Автор свободно ориентировался в пространстве культуры, привлекая для аргументации как древние христианско-гностические источники, так и работы классических и современных философов: Пифагора, Сократа, Платона, Плотина, Канта, Ницше, Юнга, Хайдеггера, Лилли, Грофа. После первого прочтения я далеко не все понял – философская «плотность» книги была непривычна, но все же один вопрос занимал меня необыкновенно: откуда в советской еще действительности взялся такой автор? Ведь очевидно, что он опирается на традицию. Какую? Я решил во что бы то ни стало познакомиться с Налимовым.

ИСТОКИ

О Налимове непросто писать: если пытаться объяснить не-подготовленному читателю необычность его философского подхода, на это уйдет весь объем статьи. Но все же некоторые особенности его мировоззрения нам не обойти, даже следуя биографическому рассказу о нем.

Родился Василий Васильевич в 1910 году в семье интеллигентов. Отцом его был Василий Петрович Налимов, выходец из коми-народа, сын шамана и знахаря. Василий Петрович самосто- ятельно добился поступления в гимназию и в университет, став еще до революции видным этнографом. Очевидно, представления его сына о принципиальном единстве человека и мира природы были унаследованы еще из экспедиционных записок отца: «Скоры, дрязги влияют, по мнению пермяков, на вырождение всей природы, и в частности человека. Распри из-за земельных наделов влияют на качество урожая, хлебные злаки чахнут. Сильные же распри, сопровождающиеся неоднократным проклятием и иного рода руганью, влияют и на саму природу: красота ее меркнет». По своему ми-ровоззрению Василий Петрович был стихийным анархистом, по-следователем идей Кропоткина, и даже в воспитании детей не навязывал им свое мнение, уважая их собственный выбор. Мать Василия Васильевича, Надежда Ивановна, была дочерью купца, окончила Московские высшие

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Василий
Налимов –
студент МГУ.
1929 год

женские курсы и стала врачом – тогда это был вызов всему общству: в России женщина-врач была все еще непривычной фигурой. Во время Первой мировой войны она была единственным хирургом госпиталя, разместившегося в Нижнем Новгороде, где жила тогда семья. В 1919-м ее мобилизовали в Красную армию на эпидемию тифа. В результате она сама заразилась сыпняком и умерла. В воспоминаниях Налимова много нежных слов, посвященных матери, неутоленной детской потребности в любви: ведь когда ее не стало, Василию Васильевичу не было и 10 лет. Позднее отец женился во второй раз, но близких отношений с мачехой – Ольгой Федоровной Логачевой – у старшего сына так и не сложилось.

В 1922 году семья перебралась в Москву. Столица жила тогда хоть и голодной, но бурной жизнью. Набирал силу нэп. Еще не ясно было, по какому пути развития пойдет страна. Было

ожидание какого-то света, прорыва после кошмара Гражданской войны. Именно в те годы были сделаны многие новаторские вещи в науке и искусстве. Даже преподавание в школах не было еще догматизировано. Василий Васильевич вспоминал уроки в старших классах знаменитой Медведниковской гимназии в Староконюшенном переулке. Занятия вели профессора. Один из них, преподаватель литературы Федор Федорович Берешков, так строил свой курс: полгода отводил Достоевскому, один день – Тютчеву и полгода – Толстому. Еще было живо представление о том, что школа должна закладывать широкие мировоззренческие основы, прежде всего – потребность самому доискиваться до истины, ориентироваться в широком поле культуры...

МИСТИЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ

Как-то после занятий к Налимову подошел товарищ, Ион Шаревский: «Вася, анархисты есть. Все легально. И недалеко. Пойдем послушаем?» Так Василий Васильевич впервые оказался в подвале Кропоткинского музея, где читал лекции доцент Бауманского училища математик Алексей Александрович Соловьевич – один из лидеров поднимавшегося тогда движения мистического анархизма. Налимову было в ту пору 16 лет.

О мистическом анархизме написано немало, и все же многое остается неясным. Основы движения заложил Аполлон Андреевич Карелин – сын знаменитого фотографа дореволюционной поры, члена Императорской академии художеств Андрея Осиповича Карелина. Аполлон Карелин еще в юности принимал участие в народнических кружках, за что был сослан. Потом эмигрировал во Францию, где и оформился как анархист. В годы Первой мировой войны, незадолго до революции, он получил посвящение в орден тамплиеров и с заданием основать в России Восточный отряд ордена выехал навстречу революционной буре...

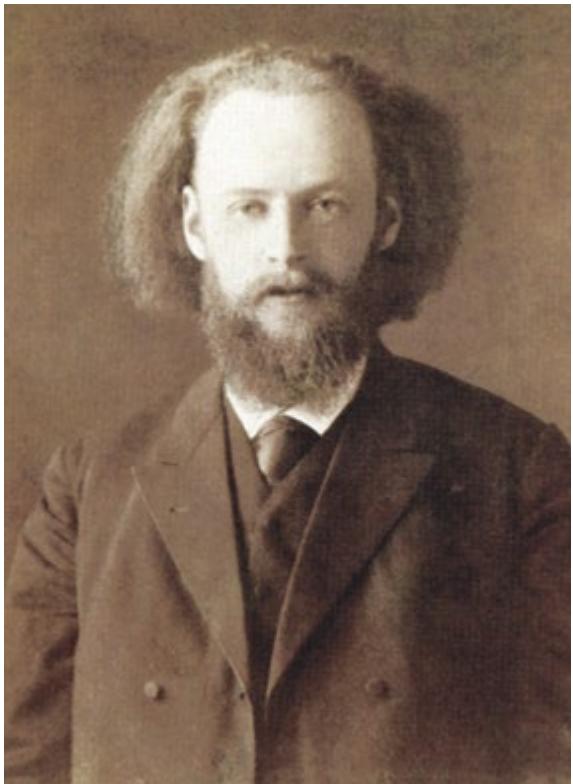
ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Родители:
Надежда
Ивановна
и Василий
Петрович
Налимовы

Здесь много темного: каким образом этот русский анархист получил посвящение в ордене, разгромленном французским королем Филиппом Красивым в 1307 году? Правда, после разгрома тамплиеры нашли пристанище не только в Шотландии и Португалии, они укрылись и в других странах. И все же вопросы остаются. На них Василий Васильевич отвечал так: орден никогда не переставал существовать. Во время мировой войны, с началом революции в России, небольшая группа тамплиеров, предвидя, что русская революция может пойти по тому же пути террора, что и французская, сочла необходимым вручить тайное знание ордена одному из русских революционеров, чтобы по возможности влиять на ситуацию. Но какое же тайное знание передали тамплиеры Карелину? Первое: принцип ненасилия. Второе: необходимость строить личностную теологию. Двухтысячелетний опыт христианства казался им полностью неудавшимся: официальная церковь не только запятнала себя инквизицией, религиозными войнами, оправданием колониального уничтожения целых народов – она благословила на мировую бойню христианские государства Европы, что рассматривалось как катастрофа. В противовес орден предлагал свободную для обсуждения религию, очищенную от догматики, которая подразумевает не оппозиционность в одном или нескольких частных вопросах, а переориентацию на Бога всей нашей жизни как целиго. В ранние века христианства такую религию строили гностики – теперь уже полузабытое, недогматическое течение, отличное как от католичества, так и от православия.

Аполлон Карелин был заметной фигурой среди русских анархистов: до 1918 года он несколько раз избирался во ВЦИК, пока этот орган полностью не стал большевистским. Выступал против восстановления смертной казни и «красного террора». Основал политический «Черный Крест» для

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

А.А. Карелин,
основоположник
мистического
анархизма

помощи анархистам. Однако в 1926 году Карелин умер, дела приняли его ученики – Алексей Солонович и Николай Проферансов. Собирались обычно в Кропоткинском музее, где читались лекции по математике, истории культуры, восточной философии... Более глубокие вопросы – толкование Евангелий, изучение гностиков – разбирались на квартирах. «Вокруг Солоновича, – вспоминал Налимов, – действительно не было никакой политической группировки <...> Я никогда не слышал там обсуждений текущих политических тем. Большинство из нас даже не выписывало газет. Проблемы ставились и обсуждались иначе – шел поиск ответов на вопрос о будущем культуры, о месте человека в Универсуме, о возможности существования общества, свободного от насилия. В дискуссиях могли принимать участие все желающие, а не только анархисты».

Я бы рискнул сказать так: около Солоновича возникал Вольный Университет или, может быть, Академия платоновского типа, главная идея которой – обучение широкому видению мира...

Мистические анархисты были разделены на несколько «братьств» – «Орден Параклита», «Орден Света». Зачем это было нужно? Это был протест, хотя и ненасильственный. Ведь значительная часть интеллигенции, рабочих восприняли марксизм как научное учение, призванное железной волей правящей партии утвердить коммунизм – рай на земле для «нового человечества». Анархисты-мистики тоже боролись за «новое человечество». Вся разница была в методах: они считали основополагающим принцип свободного развития, самоорганизации общества. И находили довольно широкий отклик. С деятельностью анархистов-мистиков определенно были знакомы и писатель Михаил Булгаков, и режиссер МХАТа 2-го Михаил Чехов, и философ Алексей Лосев, и кинорежиссер Сергей Эйзенштейн. Во всяком случае, в 1930 году, недалеко до своего ареста, Солонович сказал Налимову: «Ничего. Сейчас нас уже так много, что какие-то корешки останутся...» В том же году Солоновича и Проферансова вызывали куда-то и предложили им, оставив свой мистицизм, перейти в другую организацию. Был назван орден. Орден, существующий внутри правящей партии! Солонович и Проферансов отказались. После этого начались аресты. Были арестованы Проферансов, Солонович и еще 32 человека. Кто-то был отправлен в политизолятор, кто-то – в ссылку.

В 1930 году Налимов ареста избежал. Но вынужден был уйти с физико-математического факультета МГУ из-за конфликта с комсомолом университета. В результате он оказался во Всесоюзном электротехническом институте и начал работать как физик. По этому поводу Налимов любил повторять: «...Если бы я окончил университет как математик, то, конечно, погиб бы в лагере. Кому и зачем там нужны были математики? Но после ухода из университета я получил специальность физика, и именно эта специальность пригодилась на Колыме, когда началась война».

ИСПЫТАНИЕ КОЛЫМОЙ

1936 год. Внезапный ночной арест. Лубянка, допрос, потом – Бутырка. Было арестовано шесть человек, все – близкие друзья. Василий Васильевич вспоминал: «Нас обвиняли в принадлежности к контрреволюционной подпольной террористической организации анархистов-мистиков, деятельность которой была направлена на борьбу с Советской властью. <...> Я начал обороняться... Какая организация? Где ее устав, где программа, где определение задачи? <...> Агитация – кого я агитировал? Где очная ставка с таким лицом?»

В 1937-м Налимову заочно вынесли приговор: пять лет исправительно-трудовых лагерей по статье 58-10, 11 (контрреволюционная деятельность). И вот январь 1938-го. Оротуканская зона в 300 километрах севернее Магадана и первое видение: у ворот зоны кучей лежат люди. Охрана отбирает еще живых от замерзших насмерть. И уже на следующий день – лесоповал. Работа для новичков. Но валить деревья по 12 часов в день без сноровки на скучном питании... На хлебном пайке в 400 граммов в день при зимних морозах до минус 50 – человек медленно, но верно переходил в разряд «доходяг» и неизбежно умирал. В какой-то момент Василий Васильевич понял, что смерть близко. И надо что-то выдумать, пока живой. Но что? Решение пришло спонтанно: отказ от работы. Но за это положен карцер – холодная избушка с нарами, занятыми «блатарами», и ледяным полом, на котором, скорчившись, лежат «политические». Место на нарах Налимов обеспечил себе тем, что блатным романы рассказывал. Правда, те сразу по-доброму предупредили его: «Сказал «нет», значит, держись до конца – иначе убьем». «Держусь, – рассказывал Налимов. – Но чувствую, что сил осталось на два-три дня. Утром объявию голодовку. Это вызов всей системе. За это полагался расстрел. Мне приносят бумагу и карандаш – пиши мотивы голодовки. Я взял и написал все, что знал о лагере. О бессмыс-

Василий
Налимов
в колымском
лагере.
1938 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ленности массовых смертей. Вызывают. Дают пайку хлеба. «Я работать не буду». – «Иди в барак». Прихожу. В бараке тепло, чисто, заправлены кровати. Кроме дневального, никого нет. Для нас (доходяг) устроили двухмесячный больничный режим с существенно улучшенным антицинготным питанием.

Случилось же вот что: утром и в день объявления моей голодовки в лагерь приехал следователь с целью выяснить, куда подевались заключенные. Весна – время готовить к промывке золото, а лагерь обезлюдел. Начальник лагеря докладывает следователю: «Контрреволюционная сволочь. Не хотят работать». И показывает мое заявление о голодовке. Следователь сверху пишет резолюцию: «Арестовать начальника лагеря по представленным материалам». Говорят, его потом расстреляли.

1941-й. Началась война – об этом в лагере узнали быстро. Думали, Родина вспомнит, позовет... Но последовал только указ: до конца войны никого не выпускать. А у Василия Васильевича срок кончался в октябре 1941-го. Будущее захлопнулось. Что спасло его тогда? Как ни странно, медитация, практике которой он обучился, будучи еще анархистом-мистиком: «Я входил в медитационное состояние перед восходом солнца. Вот оно засветилось первым лучом там за сопками, еще невидимое. Я жду напряженно, механически выполняя свою работу. Еще мгновение – и блеснул его

край над темной скалой, и во мне что-то засветилось – я не чувствую себя больше рабом. А ночные смены осенью: медитация под звездным небом. Никогда раньше я не ощущал себя так близко к Вселенной, как в эти длинные ночи. <...> Это ночное стояние под Небом и пред Небом <...> возвращало Смысл и наделяло Силой.

И уже потом я понял, что выжить в лагере может только тот, кто не смирился с мыслью о том, что он стал, как это ему внушали, сталинским рабом. А мы еще в пору своего духовного ученичества знали, что нас могут ждать разные невзгоды. Так что лагерь я воспринимал, как должное, как своего рода испытание, которое должен пройти... У анархистов жертвенный путь в безвыходных обстоятельствах всегда считался предельным проявлением человеческого достоинства. В конце концов вся европейская культура стоит на двух жертвах: жертве Сократа и жертве Христа...»

В 1941 году в Оротукане появилась американская техника: бульдозеры, экскаваторы. Решено было строить мартеновскую печь – чтобы делать к ним запчасти. Металлолома было много. Но ведь из стали сталь не выплавишь. Потребовался специалист по металловедению. Так Налимов оказался в лаборатории при Оротуканском заводе горного оборудования, а потом стал и заведующим этой лабораторией: решения порой приходилось принимать страшные, «своим умом» возвращаясь к технологиям середины XIX века. Случись что – за брак расстрелят. А заведовала лабораторией вольнонаемная женщина, которая фантастически ничего не понимала. Сидела за столом и вязала. Кого же в случае чего расстреливать? Ее? В результате в 1943-м Налимов был освобожден без права выезда с Колымы. Сразу получил ордер на гражданский костюм, литературную продуктовую карточку первого разряда, право на проживание в доме за зоной... Но за все решения, за всех людей головой теперь отвечал он – начальник лаборатории.

УСТРЕМЛЕННОСТЬ К ЗАПРЕДЕЛЬНОМУ

Что меня всегда поражало в Налимове, так это его неистребимая жажда жизни, жажда деятельности – и глубина философских прозрений. С момента его ареста в 1936-м до того, как академик Колмогоров в 1965-м пригласил его своим заместителем в межфакультетскую лабораторию статистических методов МГУ, прошло 29 лет. Как все это время он сохранял потенциал для философского прорыва к вопросам, которые, несомненно, встали перед ним еще в юности? Почему не превратился в крепкого доктора технических наук, не остановился на этом? Тут главная загадка личности Налимова. Сознание миссии, которой наделен каждый человек и которую он, как посвященный, обязан исполнить, делало его совершенно не подверженным порче. При этом он не был, конечно, ни сверхчеловеком, ни заговоренным от переживаний и боли. И душа, и тело его страдали, поэтому, думаю, сердце и «пробило» у него в первую очередь, он болел, он мог умереть. Но вот порче советской, коллективным страхам, унылому колLECTивизму, научному минимализму он ни в какой мере не был подвержен. Рыцарь – всегда максималист. От Налимова я всегда уходил окрыленный – ибо никто еще не требовал от меня так ясно чистоты и подвига. Помню, как я впервые попал в его кабинет. Ничего как будто особенного: стол, бумага, карандаши. Компьютера тогда, разумеется, еще не было. Два кресла, разделенные журнальным столиком, заваленным книгами. Галогеновая лампочка. Книги. Книги! Вот что меня по-настоящему потрясло... Я так и не приучился цивилизованно сидеть в кресле напротив, все время усаживался на ковер, чтобы... чтобы, наверное, находиться в центре этой сокровищницы, которая переливалась всеми оттенками манящих меня смыслов. Казалось совершенно невероятным, что подобное собрание книг может существовать в Москве в 1992 году. И дело даже не в том, что среди книг я сразу при-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В. В. Налимов
в Музее Спинозы
в Амстердаме

метил томик Кастанеды, самиздатовскими переводами которого мы зачитывались пятью годами ранее, а в том, что среди прочих книг сам Кастанеда казался глубоко второстепенным. Какие-то были фолианты совершенно невероятные: *The Study of Time*, *Die Gnosis*, произведения Лилли, Грофа, история ордена тамплиеров, довольно много литературы духовной и религиозной, словари символов...

Колокола и маленькие тибетские колокольчики на книжных полках дополняли интерьер сокровищницы, так же как картинки индейцев племени уичоль, прославившегося культом галлюциногенного кактуса пейотля; пара бронзовых иконок, портрет Кришнамурти, старые, побледневшие фотографии. Одна из них, как я узнал потом, была портретом Алексея Синягина, близкого друга Василия Васильевича по кружку анархо-мистиков. Фотография еще одного друга – Пети Лапшина. Он погиб на фронте, когда Налимов был на Кольме. Налимов рассказал, как в лагере однажды совершенно ясно увидел во сне, что его друг погиб, что его нет больше с ним на одной Земле. Так же он «узнал» о гибели отца, арестованного в 1938 году... Портрет дочери Вернадского Нины Толль – она стала писать Налимову в Россию после того, как в Америке вышла его книга «Вероятностная модель языка», будучи уверенной, что Василий Васильев-

ич – академик. А он был доктором технических наук. Это звание присвоили ему в мире, не зная, что он – рыцарь. Все свои главные философские работы Налимов написал в последние 25 лет жизни: от 60 до 85 лет. Василий Васильевич был настоящим философом, страстно размышлявшим о смыслах бытия. Совершенно неудивительно, что его работы тогда не интересовали Институт философии РАН. Василий Васильевич философию не «изучал» и не комментировал, он сам ее строил, сам выводил принципиально новое знание из обломков вчерашней метафизики и некоторого более тонкого, интуитивного знания, или, как писал сам Налимов, «слабой логики», согласно которой любое суждение может быть приемлемым, если то, что обсуждается, поддается пониманию хотя бы с помощью фантазии... Это была настоящая, живая философия, живая мудрость, актуальность только что добытого наукой знания, соединенная с очень древней традиционной мудростью.

Не пытаясь втиснуться в ряды признанных философов, он продолжал заниматься серьезными проблемами, которыми озабочена наука и которые в наступившем столетии снова изменят картину мира для всего человечества, как это уже было во времена великого позитivistского переворота XIX века, во времена Возрождения и т.д. Причем изменят как на высоком научном уровне, так и на абсолютно прикладном. Вся культура общества потребления должна измениться, иначе человечество просто не выживет. Это также касается и философии: коль скоро речь идет о выживании рода человеческого, философствование не имеет права быть игрушкой высоколобых интеллектуалов. Философия должна быть насущна. Вот почему книги Налимова необыкновенно личностно ориентированы: каждый должен извлечь из них что-то для себя, о каких бы сложных вещах ни шла речь – о теории смыслов, философии числа или вероятностной модели языка. Поэтому у него так

много книг, носящих мировоззренческий характер: «В поисках иных смыслов», «Канатоходец», «Искушение Святой Руси», «Облик науки», «Разбрасываю мысли», «Реальность нереального»...

Нужно вчитываться в Налимова, иначе узнать его невозможно. Все самое важное он вложил в свои тексты. Что – «самое важное»? Что – главное? Есть несколько ключевых понятий, вокруг которых вращается мысль Налимова: смысл, язык, человек, спонтанность. Если все окружающее, весь мир рассматривать как своего рода текст, то это будет не что иное, как совокупность смыслов, связанных с помощью языка. Тексты же представляют собой структуры, порождаемые вероятностным взвешиванием смыслов. В вероятностной логике высказывание «Христос был первым коммунистом» одинаково и истинно, и ложно: все зависит от того, через какие личностные фильтры проходит прочтение текста. Это не Аристотелева логика с правилом исключенного третьего. «Желая серьезно понять... тексты (мир), мы, – пишет Налимов, – обращаемся к скрытой размытости. Понимание становится личностным. Более того, оно всегда ситуационно. <...> в течение двух последних тысячелетий религиозная мысль была занята реинтерпретацией одних и тех же исходных текстов, придавая им различные смыслы – веса».

И что получается? Получается, что в результате двухтысячелетнего переосмысления исходных библейских текстов учение Христа разбилось на православие, католицизм и протестантизм, а также породило такие явления, как секты хлыстов, бегунов, молокан, мормонов, в поле зрения которых попали и получили наибольшую важность, наибольший «вес» очень узкие смысловые полоски огромного смыслового поля Библии. А сколько смысловых оттенков-звезней у слова «свобода»? Спонтанность, полет, терпимость, отзывчивость, космичность, радость... Ну а человек – текст? Да, несомненно. Причем текст уникальный, спо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«...Великое
Знание
динамично.
Его надо
раскрывать
и по-новому,
 заново каждый
раз. Мы –
 служители,
 выполняющие
эту роль...»

собный (хотя бы отчасти) «взвешивать» смысловые предпочтения своего «эго». Смысловая карта его личности при этом спонтанно изменяется. За счет чего? Как становятся возможными трансперсональные переживания? Что мы знаем об изменивших состояниях сознания? Налимова интересуют нерешенные проблемы современной физики и религии, наука о времени, книги Карлоса Кастанеды и результаты работ Грофа в области измененных состояний сознания. Он изучает медитативные состояния и десять лет проводит сеансы медитации с группой художников. Он один работает как целый научный институт. Большинство его книг написано в последние десять лет жизни. После инфаркта он уже редко ездил в университет, но ни разу, прияя к нему домой, я не видел, чтобы он занимался чем-то иным, кроме работы.

Существует загадка личности Налимова: загадка его силы и терпимости, убежденности и свободы от догматов. Ведь он продолжал считать себя анархистом. Вернее, рыцарем. По чистой случайности единственным оставшимся в живых рыцарем разгромленного ордена. Он принял посвящение в рыцарское звание, когда организация была уже обезглавлена и ее руководители сидели на Лубянке. Именно поэтому он не мог просто и незаметно уйти, не используя знание, которым так щедро поделились с ним его учителя, не сделав жизнь неустанно творимой легендой, не высказав слова за тех, кто обречен на веч-

ное молчание, не ответив на вопрос – во имя чего была принесена ими жертва? Он должен был в одиночку попытаться воплотить тот высокий идеал человеческого служения, который все они усвоили еще в юности. Каждым своим поступком, каждым написанным словом он должен был дать ответ: во имя чего погибли его товарищи...

Более всего его интересовала личность, свободная личность. Он вырос в эпоху, когда, кроме личности, уже нельзя было ни на кого надеяться. Свобода могла жить только внутри отдельного человека. Поэтому и вся работа Налимова – это попытка направить человека на поиски Тайны, которая для него была главным смыслообразующим началом мира. Этого нельзя «дать», этому очень трудно научить. Для этого человек должен перестать быть бездумным потребителем и стать личностью. Только тогда он научится ценить свободу и будет бороться за нее во всех сферах бытия – личной, социальной, научной, духовной... Это не значит, что путь к будущему будет усыпан розами. Как говорил Налимов, потребуется новый ментальный потенциал. Потребуются и харизматические личности, способные его воплотить. Ненасилье может потребовать жертв, подобной жертве Христа. Ненасилье требует преобразования узкоспециализированного человеческого сознания в трансцендентное или космическое. Когда-нибудь о Налимове можно будет рассказать гораздо больше того, что сказано, что он сам считал нужным рассказать о себе в книге воспоминаний и в своих статьях. Сейчас я хотел бы сказать два слова о его смерти – которая, воистину, была смертью философа: умирая, он пытался рассказать жене о переживаниях, которые предшествуют концу земного бытия. Однажды, когда он чуть не «выскользнул» в смерть, нервы Жанны Александровны не выдержали. Она вскричала:

- Где же твои рыцари, Базиль?! Где твои рыцари?!
- Они здесь, – спокойно и твердо ответил Налимов. ¶

«...В КАЖДОМ ИЗ НАС БОГ»

АВТОР

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

«ЭТО ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ ПЕРИОДОВ В МОЕЙ ЖИЗНИ. БЫВАЛИ И НЕ ХУЖЕ, НО ЛУЧШЕ – ПОЖАЛУЙ, НЕ БЫЛО», – ГОВОРИЛ ИОСИФ БРОДСКИЙ О СВОЕЙ ССЫЛКЕ В ДЕРЕВНЮ НОРЕНСКУЮ. О ПОЭТЕ И ЕГО ПРЕБЫВАНИИ ЗДЕСЬ, КАЖЕТСЯ, ИЗВЕСТНО ВСЕ. А ЧТО ЗНАЕМ МЫ О ЛЮДЯХ, ОКРУЖАВШИХ ЕГО ТОГДА? СЕЙЧАС ЖИВЫ ЛИШЬ НЕМНОГИЕ ИЗ НИХ. МЫ ОТПРАВИЛИСЬ В КОНОШСКИЙ РАЙОН АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ, ЧТОБЫ УЗНАТЬ, КАК ОНИ ЖИЛИ ДО, ВО ВРЕМЯ И КАК СЛОЖИЛАСЬ СУДЬБА ИХ И НОРЕНСКОЙ «ПОСЛЕ БРОДСКОГО».

ИЗ-ПОД ОДЕЯЛА – СРАЗУ в валенки и полуночник. В доме холодно – печка за ночь остыла. Топить ее я не умею. Наливаю в электрический чайник воду, которую приходится носить из колодца. Включаю электрическую плиту и ставлю турку с кофе. Около комода – обогреватель. Включаю и его. И тут же гаснет свет. Темнота. На ощупь ищу фонарик. Попадается мобильный телефон – сойдет и он. Зажигаю свечи и вспоминаю, как Иосиф Бродский говорил о своем быте в ссылке: «Керосин, свечи... Красиво очень... Особенно зимой,

по ночам». Свечи уютно мерцают в темноте, и кажется, что от них становится теплее. Раннее зимнее утро, но ночь еще не отступила... У меня теперь все так же, как и у него. Вот только жил поэт в другом доме – его видно из моего окна.

Проносится фура вдоль скованых снегом изб. Ни в одной из них нет света. В деревне я живу одна, да и поселилась-то я здесь всего на несколько дней. Во времена Бродского тут все было иначе... Не зря он писал о том, что каждое утро ощущает при надлежность к народу, ведь все жители в это время шли на ра-

боту. Мне единение чувствовать не с кем. Даже волки обходят Норенскую стороной. Сюда лишь на лето приезжают дачники. А ведь раньше здесь были школа, клуб, медпункт, библиотека, почта, два магазина, кузница, пекарня, чайная... Дом Пестеревых, где жил Бродский, со временем совсем развалился. Энтузиасты выкупили его, восстановили и организовали Дом-музей Иосифа Бродского. Он открылся 8 апреля 2015 года, потому что именно в этот день в 1964 году вышел приказ о принятии Бродского в качестве разнорабочего в совхоз «Даниловский». В Норенской он провел полтора года с небольшими перерывами – три раза ему разрешали съездить в отпуск в Ленинград. Из Ленинграда по эту часто присыпали посылки с книгами, консервами, кофе и другими продуктами. Печатную машинку ему послала Анна Ахматова. Велосипед, на котором он ездил в Коношу, тоже был привезен из Ленинграда. Иногда в Норенскую приезжали друзья – Евгений Рейн, Яков Гордин, литературный секретарь Анны Ахматовой Анатолий Найман, Михаил Мейлах, Константин Азадовский. Несколь-

ко раз были родители и любимая поэта – Марина Басманова. Конечно, было трудно. Но Бродский во время ссылки много писал и читал, изучал английский язык и английскую поэзию. Считается, что это один из наиболее плодотворных и переломных периодов в его творчестве. В музее все устроено так, как было при Иосифе Александровиче. Русская печь, оклеенные газетами бревенчатый потолок, стол у окна, на нем – томики Фолкнера и Бомарше, именно их он когда-то брал в Коношской библиотеке, печатная машинка (не его, свою Бродский увез), керосиновая лампа, чернильница, пустая пачка из-под сигарет Chesterfield...

«По воспоминаниям, у Бродского на столе всегда был беспорядок, лежали кипы бумаг, – рассказывает директор-хранитель дома-музея Ольга Терехина. – Он в ссылке написал около 150 стихотворений, два из них были опубликованы в районной газете «Призыв» в 1965 году. В то время ее главным редактором была моя мама, Серафима Ивановна Еремина. Она говорила, что зашел интеллигентный человек в джинсах и сказал: «Здравствуйте! Я высланный, не

бойтесь, я хочу опубликовать у вас стихи». Конечно, маму за это могли наказать, но стихи были хорошие, и она отважилась на печатать их в рубрике «Слово местным поэтам».

Серафима Ивановна работала редактором газеты сначала в Няндоме, потом в Каргополе, во время войны переехала в Коношу. Тогда всех мужчин из редакции забрали в армию, и ей предложили занять пост главного редактора. Профессионального образования у нее не было – только семь классов. Поэтому после войны Серафима Ивановна поехала на курсы в Архангельск, а затем поступила в заочную Высшую партийную школу в Ленинграде. В Коношу вернулась в 1963 году и проработала главным редакто-

В доме Константина и Афанасия Пестеревых, где полтора года жил Иосиф Бродский, сейчас открыт дом-музей поэта

Памятная доска на доме Таисии Пестеревой, в котором Иосиф Бродский жил первые дни ссылки

ром «Призыва» (сейчас газета называется «Коношский курьер») до пенсии. Ольга Александровна по стопам матери не пошла. Окончила исторический факультет, сорок лет проработала в школе, а когда вышла на пенсию, ей предложили создать первый в Коноше краеведческий музей. Она доставала кирпичи, доски и прочие строительные материалы для ремонта здания музея. Вместе с Серафимой Ивановной ездила по деревням и собирала экспонаты, благо их все знали и отдавали старинные вещи. Музей в Коноше открылся в 2003 году, Ольга Терехина проработала его директором десять лет. Организовывала выставки, посвященные жизни Бродского в Норенской.

В Коношском районе о поэте заговорили после того, как Бродский в 1987 году получил Нобелевскую премию. Сотрудники Коношской центральной районной библиотеки, носящей имя поэта, уже более двадцати лет собирают информацию о Бродском и его пребывании в ссылке. Проводят открытые уроки в школах, устраивают поэтические вечера и фестивали, посвященные поэту. Организовали в библиотеке выставку «Иосиф Бродский в Норенской», собрав подлинные вещи, фотографии, книги и другие материалы, связанные с ним. Тут же воссоздана историческая реконструкция угла читального зала, который поэт посещал в 1964–1965 годах. Организовали в Норенской арт-резиденцию «Норенская: добровольная ссылка», во время пребывания в которой художники, поэты, писатели, исследователи творчества Иосифа Бродского работали над своими проектами.

Многих местных жителей их деятельность раздражает, они говорят: «Подумаешь, стишками писал, зачем столько внимания уделять тунеядцу, разве у нас нет своих достойных земляков?» Но таких людей с каждым годом становится все меньше. Как, к сожалению, и тех, кто лично общался с поэтом.

«ЕЩЕ НЕ РАЗ НАС РАСПНУТ...»

«Обо мне заговорят, вы еще услышите», – говорил худой, с бледным лицом юноша статной, красивой, молодой женщине. «Кому ты больной и ни к чему не гожий нужен и где о тебе, тунеядце, говорить будут!» – думала она, глядя на него. Она – это Мария Ивановна Жданова, заведующая почтой в деревне Норенской.

Спустя много лет она вспоминала: «В мою жизнь горожанин не вникал, не понимал, как устаю с работой, хозяйством и детьми. Ему-то ничего не стоило не спать по ночам – что-нибудь писал. Так он и мне уснуть не давал – телефонный разговор заказал, значит, в течение дня передают на телефонную станцию заказ, а ночью иду открывать Иосифу почту. Но я на него не обижалась...»

А жилось Марии непросто. Когда ей было 5 лет, умерла мать. Вскоре отец женился снова. Мачеха падчерицу невзлюбила. Родилось еще шестеро детей. Нянчить и водить их в детский сад приходилось Марии. После школы она пошла работать почтальоном. Разносила письма и во время войны. На фронт забрали почти всех мужчин села, многие не вернулись. Доставлять похоронки приходилось ей. Трудно сказать, что было тяжелее – это или голод и лишения военных лет...

После войны стала начальником почтового отделения в одном из сел. Потом перешла на работу в Норенскую, где и проработала до пенсии. Здесь же вышла замуж. Пошли дети. В тот день, когда Мария родила младшую дочь, молнией убило мужа. Осталась она одна с пятью детьми. Тяжко ей приходилось.

После смерти отца Мария просила мачеху продать ей в рассрочку родительский дом, но та потребовала внести всю сумму сразу. Таких денег у Марии не было, и она уговорила начальство купить его под почту, здание которой уже разваливалось

Рабочий
стол Иосифа
Бродского
в доме-музее
в Норенской
выглядит
примерно так же,
как и при жизни
поэта

от старости. Именно на эту «новую» почту и приходил Иосиф Бродский на переговоры с Ленинградом. Их обычно давали в два часа ночи. В Норенской тогда света не было, ночи темные. Страшно. Рядом с деревней – колония Ерцево, откуда иногда сбегали заключенные, так что жители всегда были «на страже». Мария обычно брала с собой одну из дочерей, так было спокойнее. «Я помню, мы зайдем, мама зажжет лам-

пу, потом Иосиф Александрович подойдет, – рассказывает дочь Ждановой Нина. – Он был такой бледненький. И что удивительно, вечером побреется, а ночью придет – уже бородка у него отросла. Он был такой вежливый, воспитанный. Культурно разговаривал по телефону. Я мало что понимала, но всегда сидела и слушала. Больше всего мне нравилось, как он с Мариной говорил – ласково... солнышко, радость... Я смотре-

Обстановка
Дома-музея
Иосифа
Бродского
в Норенской
воссоздана
по фотографиям
и воспоминаниям
современников

Марина подарила игрушечный кофейный набор, чайничек со свистком и аквариум. Я этими игрушками потом долго играла. Прятала их от всех, боялась, что сломают».

Летом, пока Бродский работал, девочки с Мариной шли в поле. Они показывали ей, где и какая трава растет, учили плести венки из ромашек и васильков. Рассказали сестры и о том, как их старший брат, Евгений, выпрашивал у Бродского сигареты, поэт не давал: «Тебе еще рано».

Когда почту в Норенской закрыли, Мария Ивановна попросила начальника продать ей бывший родительский дом. Но у того были свои планы – разобрать здание на бревна и увезти на дачу. Через несколько дней во время грозы в дом ударила молния, он вспыхнул словно свечка и сгорел. Мария до последнего жила в Норенской, оставаясь чуть ли не единственным ее жителем. Нина и Валентина оставили в доме матери все, как было при ее жизни. В Норенскую они сейчас приезжают только на лето.

«После отъезда Иосифа Александровича была тишина, уехал и уехал, – говорит Нина. – А потом, когда узнали, что ему Нобелевскую премию дали, вспомнили, и сейчас о нем уже вся Коньша говорит. Слушаешь и удивляешься. Неправды много. Вот говорят, что он, как приехал, полгода жил у Таисии Ивановны. А это не так. Он там только два дня был. Мама к ней зашла, увидела, что он в коридоре, где нет печки, спит. «Здесь же холодно! Вы тут ночевали?» – спросила у него. «Ничего, у меня спальный мешок есть», – ответил Бродский. Не знаю, почему так было, ведь у Таисии Ивановны большой дом и были помещения с печкой. Мама поставила вопрос, что так нельзя, и тогда уже его переселили через дорогу, к Пестеревым. Много всего сейчас придумывают, даже чего и не было вовсе...».

ла на него и думала, надо же, такие слова...».

«Наша старшая сестра тоже маме помогала – разносила почту, – добавляет Валентина Дерябина, младшая дочь Марии Ждановой. – Она забежит в комнату, где жил Бродский, бросит газеты на стол и бегом оттуда. Он бежит за ней, кричит: «Люся, Люся, постой!»

Иосиф все время пытался ее чем-нибудь вкусненьким угостить, ему же разные посылки присыпали. А она очень стеснялась. А еще я запомнила, как нас Иосиф фотографировал. Мне тогда очень сильно завязали бантик. Ленточек в деревне

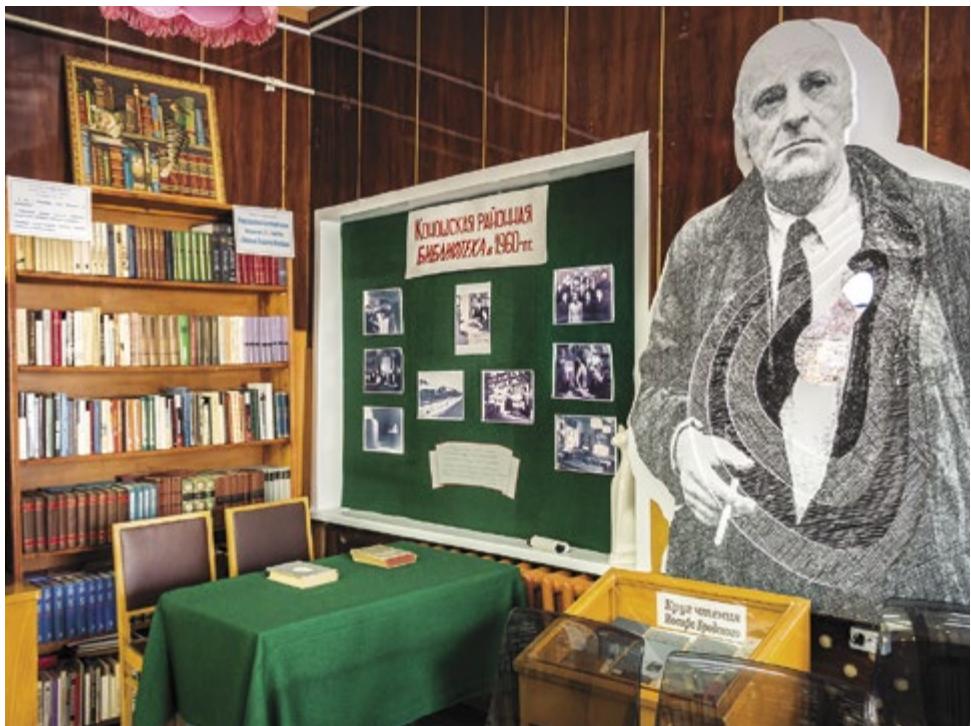
не было, мы даже и не знали, что такие есть. Нам их Марина Басманова привозила, настоящие, атласные».

Игрушек в Норенской тоже не было. Девочки сами шили тряпичных кукол. Или выдергивали длинные корни подорожника, очищали их от земли, мыли и играли с ними вместо кукол, заплетая «косички».

«Первые настоящие игрушки подарила нам Марина, – продолжает Валентина. – Мне она привезла двух куколок – мальчика и девочку. Ее я назвала Мариной. На кукле был красный сарафан, в волосах – красная ленточка. А мальчик стал Сережей. Еще

На работу
из Норенской
в Коньшу
Иосиф Бродский
добрался
на велосипеде

«У КАЖДОГО СВОЙ ХРАМ...»

«Пришло время сказать правду», – прервала меня Вера Сидоровна, жена Владимира Черномордика. С ним Иосиф Бродский наиболее тесно общался во время своего пребывания в ссылке в Норенской. Владимир Михайлович был образованным человеком, много знал и читал. Они часами беседовали о литературе. В книгах и статьях о жизни Бродского в ссылке можно прочитать, как много сделал он для поэта. Например, брал на свое имя книги в библиотеке – Бродскому их не выдавали, так как у него не было коношской прописки. Благодаря Черноморди-

ку Бродского положили на обследование в местную больницу и выдали справку о том, что по состоянию здоровья ему показан более легкий труд. Он также устроил поэта в Коношский комбинат бытового обслуживания (КБО) разъездным фотографом... Вера Сидоровна назначила мне встречу в библиотеке. «Никаких фотографий», – с ходу заявила она, увидев фотоаппарат. Мы устроились в одной из комнат, заставленной рядами стеллажей с книгами. Из-за закрытой двери доносятся приглушенные голоса: сотрудники библиотеки разговаривают между собой. В зале, через коридор, где сей-

Историческая реконструкция уголка читального зала Центральной районной библиотеки в Коноше периода пребывания Иосифа Бродского в ссылке

Директор-хранитель Дома-музея Иосифа Бродского Ольга Терехина

час находится выставочный зал, в 1964–1965 годах располагался абонемент. Именно туда регулярно приходил за книгами Бродский, и, по официальной версии, там он и познакомился с Владимиром Черномордиком. «На самом деле все было не так, – говорит Вера Сидоровна. – Приехав в Ерцево, я устроилась на работу в милицию, в мои обязанности входила работа с административно высланными. Тогда-то я впервые и увидела Владимира Черномордика. Я должна была каждого вновь прибывшего опросить и заполнить учетную карточку. Мне принесли личные дела. Смотрю – интересный мужчина. И говорю конвоиру: «Давайте этого в первую очередь». Завели красиво одетого человека, в шляпе – даже вам не передать! Я в него сразу влюбилась, но виду, конечно, не подала... У меня были длинные, густые, светлые косы. Тогда распущеные волосы, как сейчас, не носили, а если бы носили, то я была бы ох какая красавица!»

Через некоторое время они расписались. Свадьбу отметили скромно – пирогами и шампанским. Однажды муж, вернувшись с работы, сказал: «Нам придется переехать в Коношу». Там их ждали. Им выделили половину деревянного дома. В комнате уже было жарко натоплено. Чисто. Стояли две аккуратно заправленные кровати, стол, на нем – полная сахарница и горячий чайник. Только в Коноше Вера узнала, что ее муж не просто административно высланный, а у него есть определенное задание: «Тут есть один поэт. Мне надо с ним поработать», – сказал он. Подробности она узнала еще позже.

Черномордика привезли на машине и высадили недалеко от Норенской. Почти день он бродил по лесу, чтобы сделать свою «легенду» максимально достоверной: он пошел на охоту, заблудился, очень замерз. Уже ночь, до Коноши не добраться, поэтому и постучался в дом к Иосифу Бродскому и попросился на ночлег. Задачей Владимира Михайловича было войти к хозяину в дове-

рие. Поэт его пустил. Черномордик представился ему таким же высланным, как и он... У них нашлось много общих тем. Проговорили они до утра... Вера не могла разбудить мужа более суток и уже начала беспокоиться. Когда он проснулся, истопила ему баню, накормила и наконец спросила: «Ну как там было?» В ответ услышала: «Все нормально». «Он американский шпион?» – «Какой шпион! Конечно нет!»

С тех пор Черномордик с Бродским часто общались, поэт не раз приходил в гости. Вера Сидоровна обычно накрывала на стол и оставляла мужчин один. На стол ставила два стака-

на, бутылку вина, но обычно пил только хозяин, Бродский отказывался. В гости он приходил не с пустыми руками, приносил что-нибудь из ленинградских посылок. Например, тогда Вера Сидоровна впервые попробовала растворимый кофе. Несколько раз поэт оставался у Черномордиков ночевать. Однажды она наблюдала, как муж и Бродский сочиняли стихи к немецкому шлягеру «Лили Марлен». Как-то Иосиф Александрович пришел весь в грязи – добирался от Норенской до Кониши по ухабам и лужам на тракторной тележке. Вера Сидоровна заставила его снять заляпанную

В этом здании раньше размещалась редакция коношской районной газеты «Призыв», куда Иосиф Бродский и принес свои стихи

рубаху, постирала, высушила и выгладила ее. «Иосиф на меня производил впечатление ребенка, которого не хватало духу обидеть», – не раз говорила она. Мы сидим в книгохранилище, у окна, за небольшим, покрытым kleenкой в цветочек столом. Сквозь щели в старых рамках сильно дует, и кажется, слышен с улицы скрип снега под ногами редких прохожих. Вера Сидоровна принесла брускничный пирог. Она на правах хозяйки разрезает его, раскладывает по тарелкам, приносит чашки, наливает чаю. Пирог вкусный, но ее кусок так и остается на тарелке нетронутым. Как и чай. Вера Сидоровна взволнована воспоминаниями...

«В Ерцево был распределительный пункт, где решали, кого и куда из заключенных направить. Все личные дела административно высланных должны были проходить через меня, в том числе и личное дело Бродского. Но его не было. Я помню, как однажды один из охранников, передав мне папки с делами и выйдя в коридор, сказал другому: «Этих распихали, а куда поэта направлять?» «А кто его знает! Сейчас скажут», – ответил ему тот. Вот когда я впервые услышала о Бродском. Может быть, его считали шпионом, тогда понятно, почему его личное дело направили в прокуратуру, а не к нам. Хотя он и близко на него не походил, просто его надо было сплавить из Петербурга. Это же был интеллигентный и добрейший человек. А людьми так раскидывались – ну, так тогда время было такое, не дай бог, чтобы оно еще раз пришло. Вы что, записываете? – вдруг спросила Вера Сидоровна, показывая на лежащий на столе dictaphone. – Если бы я знала, то ничего не стала бы говорить». «Почему? – удивилась я. – Вы же говорите правду. И вы об этом уже рассказывали на камеру в одном из фильмов...». – «Правда – правдой, а завтра власть придет другая, и станет правда – не правдой. Мы все это пережили. Вы не жили в то время и не можете понять... Страшно было. И жить хотелось». – «Вы работа-

Бродский писал:
«Я живу один в деревянном домике, возле которого весь день гуляют куры и кричит петух. В домике шесть маленьких окон...»

ли в милиции. Это не защищало вас? – «Да, я была под защитой. Только от кого? От тунеядцев? А я их всех уважала, они были нормальные люди. Я помогала им. К ним жены с детьми приезжали, я их всех устраивала, разрешала свидания. Сталин умер, а лучше ли стало? Тот же трудодень, те же 30 копеек... Мне 78 лет, я все это пережила... Черномордик меня всегда предупреждал... Он был мудрым и очень непростым человеком. Он окончил разведшколу в Андижане, прошел всю войну. Он всю жизнь Родину защищал! Думаете, если бы он был простым тунеядцем, его бы назначили директором хлебоприемного пункта? Это же хлеб! Стратегический объект! Я гордилась своим мужем. Он много сделал добра. Благодаря ему в Коноше разоблачили банду – они убивали людей. Он предотвратил взрыв на полигоне в Плесецке и многое другое... Если разобраться, то у него война была не закончена до последнего, пока его вперед ногами не вынесли».

Когда я вернулась в Москву, редакция журнала направила запрос в архив ФСБ. Мы просили разрешения посмотреть личные дела поэта Иосифа Бродского и Владимира Черномордика, возможно, штатного сотрудника КГБ. Через некоторое время пришел ответ. В архиве нет личного дела Иосифа Бродского, он упоминается лишь как свидетель в деле Уманского – Шахматова. Нет в архиве и личного дела Владимира Черномордика. И в КГБ никогда не существовало сотрудника с таким именем и фамилией...

Рассказ Веры Сидоровны не отпускал. Я прочитала все, что нашла о Владимире Черномордике, в том числе интервью с ним. В общем-то о доконешком прошлом этого человека известно немного. Только общие данные, да и те противоречивые. Практически ни на один вопрос о себе он в интервью не отвечает конкретно. Все это становится объяснимым и логичным, если учсть рассказ Веры Сидоровны. И почему-то я верю, что она ничего не придумала...

В этом здании в Коноше располагался Комбинат бытового обслуживания, где и работал разъездным фотографом Иосиф Бродский

«СЕВЕРНЫЙ КРАЙ, УКРОЙ...»

«Он был такой простой мужик. Я с ним познакомился случайно, когда пошел до своей Гали. Мне надо было сфотографироваться, я – к нему. Смотрю на него. И он смотрит на меня, спрашивает: «А ты откуда родом?» «Я одесский, с Бессарабии, это Одесская область до войны была», – отвечаю. «А где ты здесь?» – «Служу в РТВ (радиотехнические войска) электромехаником». А у него фотоаппарат был такой, на ножках. Я сел, Бродский и говорит: «Сейчас выпустит птичка». Я не понял: «Какая птичка?» А он раз – и сделал снимок, вон, на шкафу карточка стоит. Потом Бродский на танцы к нам на «Пятый» приходил».

Дом культуры в Коноше построили только в конце 1964 года, поэтому молодежь ходила на танцы в клуб на «Пятый» – в заводской поселок в 5 километрах от Коноши. Там и познакомился Николай Гаврилович Тернакоп со своей будущей женой, Галиной Ивановной. Она тогда работала в бане парикмахером, вот с того момента и зачастил Николай Гаврилович в баню...

«Он меня все время провожал, а потом уехал домой, – вспоминает Галина Ивановна. – Девки мне говорят, что все, больше не приедет. А я надеялась, вдруг позвонит. И он позвонил, сказал, что едет. А раз приехал, где ему жить? Мамка говорит: «Идите в загс, тогда пушу». Подали заявление, и через четыре дня нас расписали». «Гalia мне сразу понравилась. Она

Мало кто может похвастаться своими портретами, сделанными Иосифом Бродским. Николай Тернакоп и его жена Галина – одни из них

была очень красивая. Сейчас ей 70 лет, а разве ей дашь? Вот какая она была. – Николай Гаврилович показывает на портрет молодой девушки. – Эту фотографию тоже Бродский сделал».

Галина вскоре перешла работать дамским мастером в КБО. Туда же устроился разъездным фотографом Иосиф Бродский. Парикмахерская и фотография находились рядом. Слева от входа располагался женский зал, справа – мужской, а между ними, в коридорчике – комната фотографа.

«Первое время мы ругались. У нас же не было воды, ни холодной, ни горячей. Техничка утром набирала нам большую ванну. А Бродский придет и туда свои фотографии забухает. А чем голову мыть? Я реву, у меня три клиентки на химии сидят, ее же смывать надо, сколько воды для этого нужно! «Вода стоит, вот я и положил», – оправдывается он. «Но ведь не для тебя же поставили», – ему говорю. Он хоть бы прежде спросил, что и как, придумали бы мы ему что-нибудь. У нас колодец был через дорогу, он нам тогда с него несколько ведер воды принес. Но потом мы дружно жили. Он на работе, когда не было клиентов, учил нас танцевать твист и чарльстон. Мы же все там молоденькие девчонки были. Правда, с нами он мало общался, в основном с Евгением Михайловичем, был у нас такой мужской мастер, ветеран войны». Работала Галина с восьми утра до восьми вечера. Воду для мытья голов они грели в ведрах кипятильником. За модой следили как могли. Новые фасоны причесок и стрижек смотрели в различных модных журналах, их покупали в Архангельске или издалека привозили клиентки. А перекись водорода, необходимую для химических завивок, Галина по плату доставала через подругу в аптеке. Часто клиентки, особенно невесты, сделав прическу у Галины, шли в соседнюю комнатку фотографироваться. Правда, Бродский делал такие фото нечасто, он все-таки был разъездным фотографом.

Обычно по поселкам и деревням ездили парикмахер, фотограф и сапожник. От КБО им выделяли на день полуторку. Дороги были ужасные. Приходилось крепко держаться, чтобы не выпасть из машины. Может быть, тогда и родились у поэта строчки: «Дорогу развезло как реку. Я погрузил весло в телегу...»

«Мы забирались в кузов и, пока ехали, пели песни, – вспоминает Галина Ивановна. – Меня женщины любили, поэтому ко мне всегда много клиентов приходило. Сапожник только заказы принимал, а делал уже все в Коноше. У фотографа тоже работы было мало – не будешь же каждый раз фотографироваться. Народу-то немного по деревням и лесопунктам живет. Поэтому они с Бродским всегда сидели и ждали, когда я освобожусь. А у меня по нескольку химий всегда. Это же долго. Бродский часто брал нашу машину: «Ты, Галя, пока делаешь тут, я съезжу в Твереньгу», – говорил он. С годами работать парикмахером становилось все труднее, весь день на ногах, здоровье уже было не то, что в молодости.

И Галина, окончив техникум, перешла в отдел кадров. Николай демобилизовался из армии. Работал шофером.

Два года назад Галина и Николай отметили золотую свадьбу. Через некоторое время после женитьбы они решили переехать под Одессу, но Галине Ивановне не подошел климат, врачи порекомендовали ей вернуться. С тех пор так и живут в Коноше. Правда, поселились они уже в другой квартире, а на месте той, где жили раньше, построили новое здание. Но им жаль старый дом, с ним связано много воспоминаний. Кстати, туда не раз к ним в гости приходил Иосиф Бродский. «Мы Бродского раз на танцах у милиции отбили, – вспоминает Николай Гаврилович. – Приехал за ним наш участковый, на мотоцикле. Я ему говорю: «Слушай, ты отпусти человека». А тот: «Он должен отмечаться, не положено...» А я: «А тебе что за дело, человек пришел на танцы с нами, оставь его». Так тот пистолетом стал трясти. Ну, я собрал солдат, человек семь нас было, и мы этого мента и так, и этак... Вот так и спасли Бродского. С тех пор Бродский – вот такой мужик! Я как приду в увольнение, он мне говорит: «Николай, пойдем пиво пить». Тогда тут было что-то типа столовой, столы квадратные, закуску давали... «Какое увольнение, Коля? – вмешивается Галина Ивановна. – Мы уже тогда женаты были». «А, ну да, – соглашается Николай Гаврилович и продолжает: – Значит, Бродский уселся, мы взяли пиво, а он так внимательно смотрит на что-то. Я его спрашиваю: «Что там?» А он и говорит: «Я первый раз такое вижу – спирт питьевой». А там тогда продавался спирт питьевой, стоил 4 рубля 50 копеек. И Бродский спрашивает официантку: «А можно на разлив?» Она: «Конечно, можно». Мы взяли по 50 граммов и налили в пиво... Я вот думаю, Бродский все-таки глупил, не стоило ему сразу за границу уезжать, ему надо было сюда приехать, в Коношу, потому что здесь его уже знали и никто плохо о нем не думал, мы бы его приняли...».

«...ПАМЯТЬ О БЫЛОМ – БЕЗМОЛВНОМ...»

Темно. На ощупь спускаемся по каменным ступенькам в подвал. Луч фонарика выхватывает узкие дощечки, перекинутые через глубокую лужу. Боясь оступиться, проходим по ним и оказываемся в большом помещении с низким потолком. Здесь сухо. Пахнет затхлостью. Вдоль стен проложены трубы. На одной из них сидит множество кошек. Их силуэты четко выделяются в полумраке. Как только включаем свет, они все разбегаются. По центру в несколько слоев разложены газеты, на которых стоят мисочки, старые сковородки, пластиковые лотки. В них Майя Михайловна раскладывает еду. Она ее приносит каждый день в девять часов вечера, а в сильные морозы – и по утрам. Продукты покупает сама, иногда что-то специально варит, порой соседи передают остатки пищи. Животные уже привыкли, и все собираются к часу кормежки.

«Кис-кис-кис, – зовет Майя Михайловна. – Кис-кис-кис... Куда же вы все разбежались?.. Пойду их поищу». Она направляется вглубь подвала, я иду за ней, но вскоре понимаю, что делаю это зря – кошки убегают еще дальше. «Это они вас испугались, меня-то они знают и не боятся, – говорит Майя Михайловна. – Давайте подождем, сейчас они привыкнут и вернутся». Она садится на единственный стул, я пристраиваюсь рядом с ней на теплую трубу, достаю диктофон и спрашиваю, как она познакомилась с Иосифом Бродским.

«Мы с Аликом тогда первый год были женаты. Вижу в окно, он идет на обед и ведет с собой молодого человека. Я тогда еще подумала: «Какой-то стиляга, уж больно модный-то». У него была белая рубашка апаш с короткими рукавами и светлые серые брюки. У нас так красиво не одевались. Я сразу поняла, что это кто-то из высланных, и еще фыркнула про себя на мужа, мол, привел тунеядца. Алик нас познакомил, сказал, что он

В 2004 году Коношской центральной районной библиотеке было присвоено имя Иосифа Бродского

Валентина Дерябина и Нина Гаврилова – дочери Марии Ждановой – одни из немногих свидетелей пребывания Иосифа Бродского в Норенской

из Норенской, из Питера, поэт. Парень оказался симпатичный, общительный. Он сразу располагал к себе, не зазнавался, но и не стеснялся, вел себя очень свободно».

Муж Майи Михайловны, Альберт Забалуев, работал корреспондентом в редакции газеты «Призыв», куда Иосиф Бродский принес свои стихи – «Тракторы на рассвете» и «Осеннее». Там они и познакомились. У Забалуевых Бродскому понравилось. Он все удивлялся: «Такой маленький дом, а в нем все такое большое». Огромный, во всю стену, стеллаж с книгами. Гигантский фикус. Толстый, уже почти ослепший от старости

кот. Его Иосиф тут же стал гладить и сообщил, что у него тоже есть кошка и он кошку любит. Сели за стол. От домашней черемуховой настойки гость отказался. «Бродский сразу нашел общий язык с мамой. Он отнесся к ней с большим почтением. Они все время говорили о Ленинграде. Во времена блокады там погибла вся семья ее брата. Бродский расспрашивал маму о них, где они жили. Обсуждали театральные постановки... У нас было очень много пластиночек. Мы поставили Гарри Белафонте, и Алик с Иосифом, помню, стали переводить с английского текст песни. Мы много смеялись. Потом попили чаю, и Бродский с Аликом ушли. Рыжик, Рыжик, ну иди сюда, не бойся!»

Упитанный рыжий кот на полусогнутых крался к еде. На середине пути вдруг испугался и резко повернул назад, но, услышав зов Майи Михайловны, остановился и сел неподалеку. С другой стороны появилась беременная серая кошка и короткими перебежками пробралась к миске с едой. Рыжик какое-то время смотрел, как она ест, потом подошел и начал есть из той же миски.

В этом здании постройки 1935 года располагалась Коношская милиция (сейчас – полиция), куда приходил отмечаться Иосиф Бродский

«Тогда ведь в Коношу часто присыпали тунеядцев, – продолжала Майя Михайловна, вставая со стула. Она подошла к рыжему коту, перенесла его к другой чашке, где лежал точно такой же корм, и снова села на стул. – К ним относились с сочувствием, это ведь были не воры и убийцы, а молодые люди, не нашедшие себя в жизни. Мы их тогда называли «стилягами». Их всегда было видно на танцах. Они приходили в хорошей обуви, в чистой и красивой одежде. Ведь Бродскому приходилось и коров пасти, и навоз убирать, а он все равно был аккуратно одет. Он был вежливым».

Если бы Иосиф Бродский жил в Коноше, то, скорее всего, подружился бы с семьей Забалуевых. Майя Михайловна – потомственная учительница. Ее мама, Клеопатра Львовна, родилась в глухой деревне. Свое имя получила, когда отец привез девочку крестить в храм: как раз был день святой Клеопатры. «Да что ты, нам и не выговорить, деревня же», – замахал руками отец, когда священник предложил имя для дочки. Но чтобы дать другое, надо было приехать через неделю, а путь – более 100 верст... Подумал отец и согласился. И девочка росла под стать своему имени – тоненькая, грациозная, красивая. Она окончила гимназию, что давало право преподавать в школе.

Клеопатра устроилась работать учительницей в начальных классах. Вышла замуж, родила трех дочерей. Две пошли по ее стопам. Одна из них, Майя, окончила Ленинградский педагогический институт.

«Я писала дипломную работу на тему «Произведения Самуила Маршака на уроках внеклассного чтения в начальных классах». Моим руководителем был Шиллегодский. Помню, я привезла ее на рецензию к нему на дачу в Комарово. И когда он узнал, откуда я, стал очень подробно расспрашивать о Коноше, об окрестных деревнях, о том, как у нас живут и чем занимаются люди, есть ли библиотеки. Говорил, чтобы я после защиты обязательно к нему приехала еще раз, он хотел познакомить меня с Самуилом Яковлевичем. Но не успел, Маршак умер. Я думала, Шиллегодский интересовал-

Идут споры, как правильно писать название деревни – Норенская или Норинская. Во времена Иосифа Бродского, да и сам поэт, ее называли «Норенская», поэтому мы решили ее называть так же

ся мной и поэтому так дотошно расспрашивал о Коноше. И только после разговора с Иосифом во время его визита к нам я поняла: Шиллегодский был хорошо знаком с Бродским, и его интересовало, что это за местность, куда отправили поэта в ссылку. Тогда я не сопоставила эти факты...».

Муж Майи Михайловны, Альберт Забалуев, окончил железнодорожное училище и работал на железной дороге. Потом тоже поступил учиться в Ленинградский университет на заочное отделение филологического факультета. Кстати, тогда же он и узнал о Бродском. Когда Альберт в очередной раз приехал на сессию, молодежь активно обсуждала суд над поэтом. С Майей Михайловной они познакомились на танцах и вскоре поженились. Он стал работать в местной газете, она – в школе. Альберт Евгеньевич умер несколько лет назад. Сейчас Майя Михайловна готовит к изданию сборник его стихов. Маленько-го деревянного домика, куда к Забалуевым приходил в гости Бродский, давно нет. На его месте построили многоэтажный дом. От прошлого остались только некогда посаженные хозяевами в огороде старый клен и огромный дуб...

В Коношском районе не так много мест, связанных с поэтом: Дом культуры, библиотека, здания КБО и бывшей редакции газеты «Призыв», милиции, суда. Полиция пока находится там же, но скоро переедет в новый особняк. Жители беспокоятся, что на месте этих домов скоро вырастут многоэтажки...

Название деревни «Норенская» теперь известно во всем мире, вот только самой-то деревни сегодня фактически нет. Зато начинают рождаться легенды. Одни из них основаны на выдуманных обстоятельствах, другие – на полуправде. Ведь с каждым годом все меньше и меньше остается людей, которые знают и помнят, как в действительности развивались события много лет назад...

КОРОЛЕВА С РУССКОЙ душой

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

...ОНА МЕЧТАЛА, ЧТОБЫ У ЕЕ МОГИЛЫ ЛЮДИ НЕ ПЛАКАЛИ И НЕ ГРУСТИЛИ, А ОТДАВАЛИ ДАНЬ ТВОРЧЕСТВУ И ВДОХНОВЕНИЮ. ИМЕННО ПОЭТУ ПАМЯТНИК НА МОГИЛЕ НЕКОГДА ВСЕНАРОДНО ЛЮБИМОЙ ЛАТВИЙСКОЙ АКТРИСЫ ВИИ АРТМАНЕ ВЫПОЛНЕН В ВИДЕ ПОЛУКРУГЛОЙ СЦЕНЫ С ПАРТЕРОМ И ЗАНАВЕСОМ. ЭТО ЕЕ ПОСЛЕДНИЙ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ТЕАТР...

ОНА УШЛА ДЕВЯТЬ ЛЕТ назад. С тех пор в годовщину ее рождения (21 августа) и смерти (11 октября) на Покровском кладбище в Риге собираются родные, друзья и почитатели таланта Вии Артмане. Они занимают места в единственном первом ряду, читают стихи, поют песни, зажигают свечи, возлагают цветы, одаривают исполнителей аплодисментами, как того и хотела самая титулованная латышская «Королева сцены», «Мать-Латвия», «Королева с русской душой»... Как ее только не называли!

НЕ ДОПУСТИТЬ ЗАБВЕНИЯ

Сегодня официальные власти о Вии Артмане почти не вспоминают, посвященных ей театральных мероприятий или творческих вечеров в Латвии не проводят. Не говоря уже о том, что даже в день ее смерти в 2008 году первые лица Латвийской Республики не сочли нужным выразить соболезнования семье великой актрисы. Это сделал президент России... Вот и на ее 88-летие на Покровском православном кладбище у могилы актрисы, сыгравшей только в кино более 70 ролей – от девушки-крестьянки до Ели-

заветы Английской и Екатерины Великой, – собрались русские поклонники ее творчества. Почему?

«Мы приходим сюда и в августе, и в октябре последние пять лет – такая традиция, – рассказывает координатор рижского Клуба любителей поэзии и музыки Наталья Лысякова. – А идея, между прочим, принадлежит школьнице Камилле Никитюк, которая пишет стихи, есть среди них и посвященные Вии Артмане. Девочка узнала про нее от своей бабушки, посмотрела несколько фильмов с участием актрисы, в том числе и драму «Эдгар и Кристина»,

Вия Артмане в роли Оны в фильме «Никто не хотел умирать»

Памятник на могиле Вии Артмане был установлен на средства поклонника ее таланта бизнесмена из Белоруссии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

много общались, – рассказывает актриса Рижского русского театра им. Чехова Нина Незнамова. – Многие роли играли параллельно, я – в своем театре, она – в своем. А потом спрашивали друг у друга, как публика реагирует на те или иные реплики. Наши дочери вместе учились в училище, обе стали художницами. И у меня, и у нее помимо работы в театре была общественная нагрузка. Я семнадцать лет была депутатом Рижского самоуправления, а Вия работала по партийной линии, вместе заседали мы и в театральном союзе. Обычно по четвергам вели приемы граждан... Вия помогала очень многим людям – ей ведь никто из начальства не рискнул бы отказать. Сама была свидетельницей, как на улице к ней подходили люди и благодарили за помощь, которую она когда-то им оказала... Сейчас цветы покупала у женщин на ближнем рынке, так они сразу догадались, что я к Виечке иду – помнят ее, любят...».

Красивый памятник, вокруг которого собирались друзья и почитатели великой актрисы, тоже появился на Покровском кладбище благодаря зрительской любви. И увы – не латвийской... Спустя год после смерти Вии Артмане на ее могиле побывал приехавший в Ригу белорусский предприниматель Андрей Павлович. Здесь он увидел небольшой холмик с цветами и деревянным крестом. Узнал, что, несмотря на все призывы, семье Артмане не удалось собрать деньги на памятник. Добрый человек протянул руку помощи и оплатил все расходы. В России заказали уникальный коричневый гранит – «бурый медведь», работы вел тот же мастер, который реставрировал другую «Мать-Латвию» – памятник Свободы. Благодаря этим двум людям – щедрому белорусу Павловичу и мастеру-латышу Гунтису Пандарсу – через год на могиле Вии Артмане стоял великолепный памятник.

которая тронула ее до глубины души... Мы все, как представители Русского мира Латвии, помним и чтим память нашей замечательной землячки, считаем своим долгом не допустить ее забвения».

«Я был начинающим артистом много лет назад, а Вия Артмане – председателем Латвийского театрального общества, – вспоминает актер Виктор Мишин. – Парадокс судьбы заключается в том, что именно из этого общества спустя двадцать лет ее исключили за неуплату членских взносов... Я, будучи комсомольцем, принимал участие в конкурсе исполнительского искусства и должен был читать стихи

латышской поэтессы о красных стрелках. И когда по окончании конкурса Вия Артмане, как председатель жюри, вручала мне диплом и книгу «Латышский детектив», то тихонько, с присущей ей легкой иронией сказала мне на ухо: «Юноша, читайте лучше латышский детектив!»... Для нас она всегда была символом театрального искусства и советского кино. Я не знаю, кого еще из наших актеров можно поставить рядом с ней. Артмане была ярчайшей индивидуальностью. И такой она всегда останется в нашей памяти».

«Мы с Вией всегда были на одной волне, часто встречались,

Все, как хотела «Королева сцены» – у ее могилы читают стихи, поют песни, слушают музыку...

Актриса Рижского русского театра Нина Незнамова дружила с Вией Артмане, у них было много общего – роли в театре, общественная работа, дочки-ровесницы, ставшие художницами

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПАРОМЩИЦА СОНИ И ДРУГИЕ

А вот современницей впервые удалось сыграть в кино. Одна из первых киноролей – паромщица Соня в фильме «Родная кровь» (1963) – сделала молодую актрису знаменитой на весь Советский Союз. Фильм посмотрело более 35 миллионов человек! Артмане называли лучшей актрисой года, ей писали письма с признаниями в любви со всех уголков страны. А дальше удачи следовали одна за другой. Героическая Она в паре с Донатасом Банионисом в кинодраме литовской киностудии «Никто не хотел умирать» (1966), красавица Кристина в мелодраме Рижской киностудии «Эдгар и Кристина» (1966) и еще десятки блестящих ролей, среди которых, конечно же, нельзя не упомянуть Лицию Лисовскую из киноповести о советском разведчике Николае Кузнецова «Сильные духом» (1967), «очаровательную негодяйку» Джуллию Ламберт в «Театре» (1978), секретаршу Аглаю Андреевну из фильма «Человек свиты» (1987). Кстати, эту роль сама актриса считала одной из своих лучших киноработ, но в постсоветские годы в Латвии ее не раз укоряли за участие в этой советской картине... Дважды ей доводилось играть роль российской императрицы – в 1978 году в исторической дилогии «Емельян Пугачев» и в 2003-м – в российской исторической драме «Золотой век». Это была последняя роль Вии Артмане...

В советские годы, совпавшие с периодом расцвета ее артистической карьеры, Вия Артмане, можно сказать, купалась во всенародной любви. В неполные 40 лет она была удостоена звания народной артистки СССР, была награждена орденами, в 1980 году ей вручили Госпремию Латвийской ССР... Это не считая множества дипломов и призов за исполнение женских ролей в театре и кино.

Вия Артмане
и Евгений
Матвеев
в фильме
«Родная кровь»

Звезда
лондонского
театрального
мира
неподражаемая
Джулия Ламберт
в исполнении
Вии Артмане
(телефильм
«Театр»)

ТРИ ИМЕНИ – ОДНА ЖИЗНЬ

Родители назвали ее Алида, большую часть жизни она прожила с именем Вия, а умерла как Елизавета, приняв православие почти в 70 лет...

Будущая театральная звезда Латвии родилась на хуторе в Тукумском уезде в 1929 году в крестьянской семье. Жили бедно, отец, выходец из прибалтийских немцев, умер за несколько месяцев до ее рождения. Матери пришлось батрачить, скитаясь по богатым хозяевам. Новый брак оказался для нее ужасным – супруг был пьющим и грубым человеком, женщине пришлось уйти от него, спасаясь с маленькой Алидой на руках. Когда девочка чуть подросла, она начала помогать маме и в 10 лет уже пасла коров и овец на хуторах. Перебравшись в Ригу, мама устроилась прислугой в богатую рижскую семью. Одна из дочерей хозяев занималась в балетной школе. Однажды она увидела, как Алида, думая, что она одна в доме, самозабвенно танцевала. Девушка обучила дочку служанки некоторым балетным движениям.

Потом мать Артмане работала на радио уборщицей, дочка опять была ее помощницей. А помимо этого Алида занималась в

рижской школе танцев, мечтая стать артисткой. После окончания школы она поступила в драматическую студию при Художественном академическом театре имени Я. Райниса, в 1989 году переименованном в театр «Дайлес». Здесь талантливую студентку заметил основатель труппы Эдуард Смильгис, которого называют иконой латышского театрального искусства. Для Вии – это имя она тогда взяла себе в качестве сценического псевдонима – он стал главным учителем в жизни. В 19 лет юная артистка уже блистала на сцене его театра, играя Джульетту, Офелию, Елизавету Английскую...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Вия Артмане довольно рано вышла замуж за актера, который был старше ее на четырнадцать лет – Артура Димитерса, игравшего с ней в одном театре. Он был ее первым Ромео на сцене, мужем и другом в жизни. Они прожили вместе 27 непростых лет, иногда отчаянно ругаясь и думая о разводе, но всегда поддерживая друг друга. В браке у них родились двое детей – сын и дочь. По рассказам сына Каспара, отец был для мамы Станиславским – они могли с ним после спектакля до утра разбивать пьесы и бесконечно спорить. Когда в 1986 году его не стало, она сильно сдала...

У СЕБЯ НА РОДИНЕ В ИЗГНАНИИ...

Смерть мужа стала только первым тяжелейшим ударом. В постперестроечные времена «Королеву Английскую» и «Императрицу Российскую» в Латвии ожидали тяжелые и унизительные испытания. Как она сама говорила с горечью, ей как будто напомнили, что она всего лишь батрачка, случайно оказавшаяся на хозяйственном месте. А в 1993 году настоящие хозяева, а точнее, те, кто выдавал себя за их потомков, объявились в Риге и потребовали в рамках объявленной в стране реституции вернуть им bla-

С внучкой
Бертой и дочкой
Кристианой.
2005 год

гоустроенную квартиру в центре города, в которой сорок лет жила Артмане с семьей. Она пробовала ходить по инстанциям и по влиятельным знакомым, но новые хозяева дома, особо не церемонясь с местной примадонной, отключили ей отопление, электричество и резко повысили квартплату – в наказание за строптивость. В латышской прессе также началась бессовестная травля немолодой уже актрисы за ее нежелание безоглядно поддерживать новый идеологический курс страны. От дальнейшего ведения боевых действий Вия Артмане отказалась, перебравшись с дочерью Кристианой и маленькой внучкой за 40 километров от Риги в свой «зарижский домик», в поселок Мурьяни. Отсюда народная и заслуженная артистка еще несколько лет ездила на автобусе на спектакли в свой любимый театр.

…С тех пор в этом небольшом и весьма скромном дачном доме в Мурьяни мало что изменилось. Он стоит неподалеку от шоссе, утопая в буйно разросшемся саду. Пока жива была Вия, здесь было много цветов, даже вся терраса была заставлена ими. В школьные годы Вия подрабатывала помощницей садовника, тогда и научилась ухаживать за растениями. Прядя на заросший и по осеннему печальный большой сад, где еще недавно царила Королева театральной сцены, на столетнюю яблоню с треснувшим стволом, вспоминаешь бессмертный чеховский «Вишневый сад»… Впрочем, вишен здесь уже давно нет, их спилили…

Навстречу выходит высокая молодая женщина с золотой копной вьющихся волос. Художница и иллюстратор книг Кристиана Димитере – дочь Вии Артмане, та самая, которую в двухмесячном возрасте в 1965 году мама возила с собой в Литву на съемки фильма «Никто не хотел умирать» и сам Донастас Банионис носил и грел на печи для нее воду. Сегодня печь в доме повзрослевшей дочке Артмане приходится рас-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Столетний
домик у дороги
стал спасением
и последним
прибежищем
«Королевы
в изгнании»...

тапливать самой, причем даже летом – в комнатах сырого. Как никак этой постройке уже более ста лет, когда-то она принадлежала известному латышскому композитору, построившему домик аж в 1906 году! По советским меркам свой дом с участком за городом считался огромной удачей, но в молодости Вия с большей охотой отдыхала с детьми в Юрмале, снимая дачу у моря. Вряд ли она думала, что последние годы жизни ей придется коротать в старом домике с печным отоплением...

«Мы перебрались сюда втроем – с мамой и моей дочкой – в 1990-е годы, когда нас окончательно выделили из рижской квартиры», – рассказывает Кристиана Димитере. – Правда, после того как мой старший брат, Каспар, в ответ на травлю мамы в прессе, опубликовал статью «Сколько стоит Вия Артмане?», власти все же смилиоствились и выделили ей взамен отобранной квартиры другую – сгоревшую после пожара, без ремонта. Мы взяли большой кредит и общими усилиями привели ее в порядок, но в итоге квартиру пришлось продать. Просто не смогли на свои мизерные зарплатки выплачивать банковские проценты... Поселились здесь». Как жила здесь «Королева в изгнании», как однажды ее называли в газетной статье? По словам дочери, мать никогда никому не жаловалась. Хотя пережитые неприятности сильно отразились на ее здоровье. Вия Артмане перенесла два инсульта, инфаркт... У нее часто болели ноги, тем не менее она не бросала работу ни в театре, ни в кино. В театре ее считали человеком с железным характером, но новых ролей уже не предлагали. Уйдя из театра «Дайлес», где она блестала пятьдесят лет, Артмане еще два года играла на сцене Нового Рижского театра у режиссера А. Херманиса.

...Утром на кухне Вия Артмане заваривала себе в турке кофе по-ковбойски – заливала кипятком, а потом добавляла ложку холодной воды. Она любила

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Дочь
Вии Артмане
оставила в доме
все, как было
при жизни
ее матери

сидеть в саду, часто разучивала здесь роли. Кристиана вспоминает, что самым любимым занятием мамы было вязание. Она вязала в перерывах на репетициях, у себя в гримерке, в ожидании рейса в аэропорту, во время пауз на киносъемках. Дети и вся их близкая родня были «обвязаны» с ног до головы. Близких подруг среди актрис у нее не было, но Вия Артмане со всеми была в хороших отношениях,

ях. В гости приезжала ее хорошая коллега и приятельница Лилита Озолиня, бывали здесь и Мирдза Мартинсоне, и Эльза Радзиня, и Раймонд Паулс с женой. В советские годы в театре коллеги всегда выдвигали Артмане вперед, когда требовалась помочь: «Вия, иди – тебя обязательно послушают!» И она шла и добивалась – кому квартиру, кому путевку на лечение в санаторий, кому трубы в доме поменять... Кто мог отказать Королеве? Депутату и члену Советского комитета защиты мира? Рассказывают, что однажды на гастролях, когда ее увидел режиссер Сергей Параджанов, он упал перед ней на колени, сраженный красотой Вии Артмане. Она даже снялась в пробах для его нового фильма, но картину закрыли, а режиссера посадили. Вия писала ему письма в ссылку, отправляла передачи в тюрьму... Бытует легенда, что поначалу и Сергей Бондарчук роль Элен в «Войне и мире» предложил латвийской кинодиве, но потом все-таки выбрал свою жену. Кристиана уверена, что из Артмане получилась бы великолепная Элен...

«Она очень тепло относилась к своим русским коллегам, – вспоминает Кристиана. – Мама их уважала за талант, и я видела, что и они к ней также относятся с большим почтением. Она обожала Наталью Гундареву –

Две народные артистки СССР – Вия Артмане и Эльза Радзиня – не раз вместе снимались в кино, а в жизни поддерживали дружеские отношения. 2003 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

не сдержанно кивнула, вежливо улыбнувшись в ответ. Жаль, не было в этот момент ни одного фоторепортера рядом, чтобы запечатлеть этот редкий кадр. Все прекрасно знали, что Вике-Фрейберга недолюбливала самую знаменитую латышскую актрису, называя ее «высокопоставленной коммунисткой». А Вия Артмане считала бывшую канадскую гражданку обычной мещанкой, случайно попавшей на трон.

Кстати, экс-президент Вике-Фрейберга даже не выразила соболезнования семье Артмане в связи со смертью актрисы в октябре 2008 года. Вместо нее это сделал президент России. Выступая на латышском радио, госпожа Вике-Фрейберга посчитала, что Россия в лице ее главы помянула Артмане не как актрису, а как... деятельницу компартии!

Но когда Латвия хоронила свою подлинную Королеву, тысячи людей вышли на главную улицу Риги – Бривибас, провожая в последний путь народную любимицу – от православного кафедрального собора, где Елизавету-Вию отпевал митрополит Рижский и всяя Латвии Александр, до ее театра, а оттуда – под аплодисменты – до Покровского кладбища.

В доме все осталось так, как было при жизни Артмане. В гостиной – круглый стол с коллажем из множества фотографий, в спальне у кровати стоит ее стул из театра, напротив – старинный платяной шкаф, на стенах висят ее портреты, на полках – коллекция сувенирных кукол. Вия Артмане собирала их по всему свету, где бывала на гастролях или на международных конференциях по защите мира. На веранде стоит то самое плетеное кресло из телефильма «Театр», подаренное съемочной группой Вие Артмане на юбилей. В большом бабушкином сундуке хранится огромный мамин фотоархив – все аккуратно разложено по папкам. Вот фото из фильма «Театр», вот из спектакля

ЖИЗНЬ В КРАСКАХ

В августе 2007 года мне довелось наблюдать встречу Вии Артмане и экс-президента Латвии Вайры Вике-Фрейберги. Они обе приехали на юбилей главврача санатория «Яункемери». Я видела, как экс-президент, заметив в актовом зале известную актрису, спустя некоторое время все же подошла к ней, фальшиво улыбаясь, сказала какую-то, видимо, дежурную фразу. Вия Артма-

На этой веранде Елизавета-Вия любила иногда погрустить, глядя на свой собственный «Вишневый сад»...

это была ее любимая российская актриса, наверное, потому, что они обе чем-то похожи... Очень тяжело переживала разрыв Латвии с Россией, нападки на русских считала величайшей глупостью... Сейчас я вспоминаю мамины размышления о том, как нам надо было устроить нашу жизнь в новые времена – по уму, без национальной истерии, и понимаю, что она была во многом права...».

В доме у известной актрисы всегда было много цветов

ном Трех Звезд, обладателями которого за годы независимости стало более полутора тысяч человек. Оказалось, никто за двадцать лет и не выдвигал Артмане на представление к высшей награде Латвии. В 1999 году от министра культуры актрисе была вручена почетная грамота и небольшая денежная премия. Это все. И тогда журналисты сами выдвинули заслуженную народную актрису на орден Трех Звезд. Дело было уже при президенте Валдисе Затлерсе. Хирург по профессии, он отлично знал Артмане и как актрису, и как свою бывшую пациентку. Она была приглашена на его инаугурацию. Из рук нового президента Латвии орден, хотя и самой низшей, четвертой степени, от своей родины Вия Артмане все-таки получила. За год до своей смерти... Она была искренне рада.

Кристиана считает, что я не совсем права, когда говорю, что латвийское общество старается дистанцироваться от своего прошлого, вот и ее маму сегодня редко кто вспоминает. А вот нет! Оказывается, три года назад в театре «Дайлес» была выставка, посвященная ее памяти. Кристиана тоже приняла в ней участие, создав художественную инсталляцию «Скоро встретимся, мама!». Художница по моей просьбе вытаскивает из хранилища главную часть своей работы – картину, выполненную на деревянной оконной ставне их дома. В центре символической композиции – женщина в белом коконе. По смеющимся глазам можно угадать Вию Артмане – в юности. Какой ее помнят миллионы зрителей... Дочь поясняет, что образ был навеян иконой Успения Богородицы, на которой Христос держит душу Марии, завернутую в белое покрывало, как в кокон. Она увидела ее на выставке русских икон, когда мама в очередной раз попала в больницу и ее даже готовились соборовать. Кристиана в тот день вымогила у Богородицы спасение для матери, Вия выздоровела.

«Елизавета, королева Английская», вот – из «Родной крови»... «А вы знаете, что у мамы был редчайший дар, а может быть, даже пограничное состояние – музыкально-цветовая синестезия, – неожиданно говорит Кристиана. – Как Чюрлёнис видел музыку в красках, так и моя мама видела в красках свои роли. Она об этом писала в дневниках. Беатриче была у нее в оранжевых тонах, Настасья Филипповна – фиолетовая, Джульетта – зеленая, Офелия – серая... Она никогда не боялась играть некрасивых героинь. Помню, для роли отрицательного персонажа, комендантши детского приюта, мама засунула картофелины за щеки, нарисовала себе усики, придумала ужасающий парик и кошмарный макияж. Она вообще смело играла с гримом, придумывала с художниками сценические наряды. Для себя часто сама шила очень красивые платья, у меня одно даже попросил российский историк моды Александр Васильев для своей коллекции, так оно ему понравилось...

ОНА ПРОСТИЛА ВСЕХ...

В 2007 году три журналистки из еженедельника «Суббота» – Кристина Худенко, Маргарита Трошкина и редактор газеты Ольга Авдеевич – задались вопросом, почему самая популярная в мире актриса Латвии до сих пор не награждена орде-

Эту работу
Кристиана
назвала «Скоро
встретимся,
мама!»

В доме
актрисы
на нас повсюду
смотрели ее
портреты...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Почти за десять лет до своей смерти по совету близких людей, в том числе и сына Каспара, Вия Артмане приняла православие и получила новое имя – Елизавета. Вот как она сама об этом рассказывала: «Я попала в такую незаслуженную ситуацию в жизни, но сама себя не могла спасти. Из этой ямы меня вытащили главным образом люди православные. И я стала думать – почему так случилось? И стала их благодарить про себя... От общения с русскими я преобразилась. У русских открытая душа, уникальное восприятие человека. Латыши другие. Русские очень близки мне... Когда я приняла православие, то, как мой сын говорит, стала как ребенок, сбросив с себя все свои тяжести. В этот момент слезы потекли из моих глаз, мне стало намного легче. И я простила всех за то, что со мной сделали...»

ПОЭТ, МУЗЫКАНТ, БУНТАРЬ

Сын Вии Каспар Димитерс – известный в Латвии поэт, музыкант и исполнитель, автор более 300 песен и композиций. У него есть альбом пронзительных песен на русском языке, посвященный матери. По характеру он – бунтарь. Говорят, когда его мама была им беременна, то во время спектакля «Играл я, плясал я» по Райнису, танцуя на сцене, упала в оркестровую яму. Поэтому он и родился таким неугомонным. За резкую критику новых порядков латыши называют его «агентом Кремля». Он не раз выступал в русскоязычной прессе с призывами к объединению русских и латышей, высказывался за представление гражданства русскоязычным негражданам Латвии. Года три назад, в знак протesta, сын Артмане даже объявил об отказе от латvийского гражданства и желании стать «негражданином фейк-страны с ее фейк-независимостью», но потом вместе с двумя сыновьями и супругой уехал в глубинку Латвии, занялся реставрацией православной церкви. Уже не-

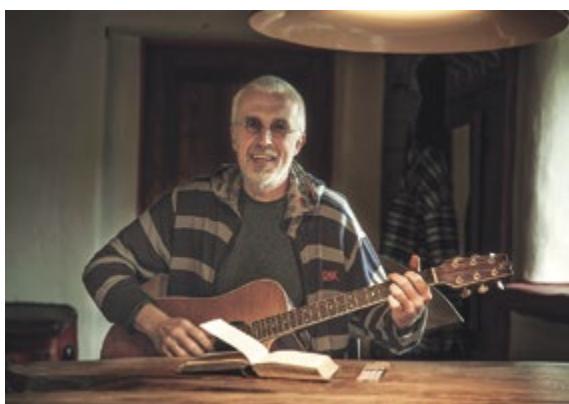

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

сколько лет он не выступает с концертами, творит дома, благо современные технологии это позволяют. Пишет песни, стихи и либретто к пьесам. Из добровольной ссылки почти никуда не выезжает, поддерживая связь с обществом только через Интернет. Неподалеку живет старший сын Каспара – строитель, плотник, каменщик и мастер на все руки. Здесь, в тиши и на природе, растут две маленькие правнучки Вии Артмане – Эстер и Мадара... «Иногда у людей не хватает сил, чтобы вынести все испытания, которые им выпадают в жизни. Мне в этом плане помогла вера,

Фотопроба
к телефильму
«Театр»

Поэт и музыкант
Каспар
Димитерс – один
из немногих
латышских
интеллигентов,
публично
выступающих
в защиту
своих русских
сограждан. Вия
Артмане могла
бы гордиться
своим сыном

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

я обрел ее в православии, благодаря своему духовному наставнику, – говорит Каспар Димитерс. – Спустя время он стал духовником и моей мамы, как и всей нашей семьи. Я очень рад, что мама успела сделать такой важный шаг в жизни, это облегчило ее страдания. Она часто посещала женский Свято-Троицкий Сергиев монастырь в Риге. С благословения матушки игумены Магдалины у нее там даже был свой стульчик, чтобы мама с ее больными ногами могла сидеть на нем во время службы... Вы спрашиваете, почему ее память сегодня почтят в основном русские люди? Для латышей Вия Артмане была советской актрисой. Для русских – она была великой актрисой... Сегодня демонизирован не только Русский мир, но и весь остальной. Все пропитано политикой, все подчинено ей – культура, история, наша жизнь. Люди радикально другие, уже нет таких, которые стояли на баррикадах – ни среди латышей, ни среди русских. Хотя русским Латвии все же легче – у них за спиной историческая и нынешняя мощь России. А нам на кого надеяться? Только на Бога... Не может быть Латвии для латышей, как нет Германии для немцев или Норвегии для норвежцев, России для русских. Везде давно коктейли. Если этого не принять и не понимать, все кончится «коктейлями Молотова», как на Украине... Хотя все же в Латвии еще все не так плохо. Да, люди ослабли духом, но Бог нас хранит. Удивляюсь терпению латышей и русских! Сколько энергии, ресурсов вложено, чтобы нас поссорить, но пока как-то все, слава Богу, спокойно, особенно на окраинах. Думаю, это от любви. Любят русские латышей, и латыши любят русских... И то, что на могиле Вии Артмане читают стихи и поют русские песни – это ведь новая традиция, доселе у нас неизвестная, в которой тоже есть надежда. Когда-нибудь все встанет на свои места!..»

В ПОИСКАХ РАВНОВЕСИЯ

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

НА ПРАВОМ БЕРЕГУ ФОНТАНКИ, НЕПОДАЛЕКУ ОТ АНИЧКОВА МОСТА, ЗА ЧЕРНОЙ ОГРАДОЙ СПРЯТАЛСЯ ОДИН ИЗ СТАРИННЫХ ПЕТЕРБУРГСКИХ ОСОБНИКОВ. КРУЖЕВО ЧУГУННЫХ ВОРОТ ВЕНЧАЕТ ГЕРБ: ДВА ЗОЛОТЫХ ЛЬВА ДЕРЖАТ ЩИТ. ПОСЛЕ РЕСТАВРАЦИИ НАДПИСЬ С ЗОЛОТОЙ ЛЕНТЫ ИСЧЕЗЛА, А КОГДА-ТО ЭТЫ ДЕВИЗ ВДОХНОВЛЯЛ НЕ ОДНО ПОКОЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ: DEUS CONSERVAT OMNIA – «БОГ ХРАНИТ ВСЕ». ЭТО – ФОНТАННЫЙ ДОМ, 300-ЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ КОТОРОГО ВЕСЬМА БОГАТА НА ИМЕНА, И ОДНО ИЗ НИХ – АННА АХМАТОВА...

СЕЙ ЗАБОЛОЧЕННЫЙ участок Петр I подарили в 1712 году фельдмаршалу Борису Шереметеву, и построенная здесь усадьба прослужила пяти поколениям графского рода вплоть до 1917-го. Последний ее владелец, граф Сергей Дмитриевич, инициировал национализацию родового дворца: здесь открылся Музей дворянского быта и быта крепостных XVIII–XX веков. В 1920-е коллекцию раздробили, интерьеры уничтожили, во дворце разместились казенные учреждения. Музей закрыли в 1931 году, часть предметов попала в Эрмитаж и Русский музей, часть – в Российскую национальную библиотеку...

В 1989 году энтузиасты добились от властей Ленинграда решения о создании в южном флигеле Шереметевского дворца Литературно-мемориального музея Ахматовой. И люди, связанные с Анной Андреевной при ее жизни, постепенно пополняли коллекцию книгами, фотографиями, вещами поэта. Петербуржцы боготворят эту великую женщину, и создание музея было для них знаковым, духовно важным делом.

Особняк и парк при нем, который по старинке называют «садом», простираются между набережной Фонтанки и Литейным проспектом – так что в Музей Ахматовой можно пройти с обеих сторон. Садовый

фасад дворца выходит в тихую густоту зелени с дорожками, скамейками и флигелями. А укромный вход в углу южного флигеля обозначен афишой культурных событий – поэтические вечера, кинопоказы, выставки, конференции, концерты, презентации книг.

Зная о судьбе Ахматовой, ожидаешь испытать в ее доме написк трагедии. Но эти страхи не оправдываются – здесь царит особая атмосфера торжественной простоты...

«Потому что сама Ахматова не была человеком крайностей! – объясняет директор Фонтанно-

Вход в музей с Литейного проспекта, сквозная арка внутри дома – креативное пространство...

го дома, автор книг об Ахматовой Нина Ивановна Попова, которая буквально с нуля создала этот музей. – В ней есть хорошая закваска человека, выросшего в классической русской культуре с христианским стержнем, когда любые крайности – не комильфо. Надо выстраивать жизнь так, чтобы находить равновесие. Даже в пространстве ужаса. Этим Ахматова очень дорога. И нам очень помогает графский дворец, хранящий воспоминания о Шереметевых, о драматичной судьбе Прасковьи Жемчуговой, о бывавшем здесь Пуш-

кине... И этот сад – особенное место. Анна Андреевна всегда это чувствовала, как и свою связь с Пушкиным». Поразительное совпадение: хроматический портрет поэта художник Орест Кипренский написал в 1827 году за несколько сеансов именно в Шереметевском дворце! Действительно, линии судеб сходятся, пересекаются, дают импульс к восприятию и новому пониманию... Старая лестница XIX века широкими пролетами ведет на третий этаж, в квартиру №44, где Анна Ахматова впервые появилась 19 октября 1922 года.

Вид на усадьбу Шереметевых с набережной Фонтанки.
Сейчас в особняке – Музей музыки

Стела с профилем Анны Ахматовой

ХОРОШАЯ КВАРТИРА

Обычная прихожая: вешалка, стойка для зонтиков, высокое зеркало, сундук и саквойжи, печь в углу и настенный телефон с записной книжкой... Так начинается скромная реальность семьи Пуниных, которая вселилась в эту служебную квартиру в 1922 году. Глава – сотрудник музейного ведомства искусствовед Николай Пунин, его жена – одна из первых в России женщин-врачей, Анна Аренс, их маленькая дочь Ирина и домработница Аннушка с сыном. Построенная анфиладой, эта квартира в начале 1930-х претерпела изменения, став «общежитием»: с тех пор из каждой комнаты выходят двери в неуютный коридор с общей кухней и выкрашенными масляной краской стенами. В темном закутке между прихожей и кухней хозяин дома устроил фотолабораторию, благодаря чему сохранилась «иллюстрированная» история семьи. Кухня – темная, свет сюда проникает из единственного маленького оконца под потолком. Белым кафелем обложена большая дровяная плита с утварью, массивный стол под иконой, рукомойник, полки, буфет с посудой, самовар – ничего лишнего. Когда-то кухню пересекали веревки с развешанным

Директор Фонтанного дома
Нина Ивановна Попова

бельем, здесь пахло сыростью, дровами, коптящей керосинкой.. Это «общее» невыразительное пространство начинает обретать индивидуальные черты в тупике коридора: этажерка заставлена учебниками, фотокарточки, сундук как лежак – здесь жил будущий историк Лев Гумилев, когда приезжал к матери и когда поступил в университет. И, конечно, личное пространство, характеризующее хозяина, обнаруживается, как только заглянешь из коридора в любую из дверей. Дух коммуналки сюда не проникся. Мебель, детали интерьера, любопытные безделушки – отголоски былой, дореволюционной жизни...

В 1920-х Пунин работал в Русском музее, Институте художественной культуры, читал лекции в Академии художеств и университете, был художественным консультантом Фарфорового завода. Круг его профессиональных интересов вмешал древнерусскую иконопись и японскую гравюру, французских романтиков и опыты авангардистов. В его доме бывали знатительные гости, в том числе молодые художники Татлин и Малевич. Эти посиделки у самовара напоминали салон, о котором в городе говорили. И вот однажды порог этой квартиры переступила Ахматова...

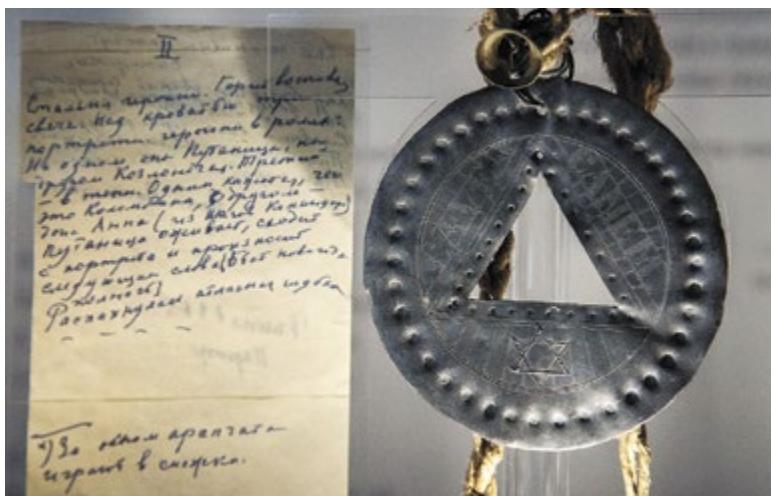
Рабочий стол
искусствоведа
Николая Пунина

УЖЕЛЬ ТА САМАЯ АННА?..

У отставного инженера-механика флота Андрея Горенко и Иинны Стоговой было шестеро детей. Анна, родившаяся в 1889 году, была третьей. Семья жила в Одессе, но в 1890 году отец, получив чин коллежского асессора, стал чиновником для особых поручений Госконтроля. Нужно было перебираться поближе к столице. Сначала семья переехала в Павловск, затем обосновалась в Царском Селе. Здесь же 10-летняя Анна поступила в Мариинскую женскую гимназию. Родители развелись, когда Анне исполнилось 16 лет. Она уехала с матерью в Евпаторию и продолжила образование в Киеве – сначала в Фундуклеевской гимназии, затем на Киевских высших женских курсах, выбрав юриспруденцию. Но наука ей наскутила, Анна вернулась в Петербург и поступила на Высшие женские историко-литературные курсы Н. Раева.

Как вспоминала сама Ахматова, стихи она писала с 11 лет. Сначала в семье не могли понять, откуда в ней эта тяга к поэзии, но мать вспомнила, что ее дальняя родственница – переводчица и поэтесса Анна Бунина. Отец, не одобряя увлечение дочери, запретил «срамить» его фамилию. Пришлось искать псевдоним. В генеalogическом древе оказался подходящий: прабабушка по материнской линии Прасковья Федосеевна происходила из рода ордынского хана Ахмата, от него и пошла дворянская линия Ахматовых, известная с XVI века. И Анна стала Ахматовой... С гимназической поры за Анной ухаживал Николай Гумилев – романтичный юноша, влюбленный в поэзию и – с первого взгляда – в нее. Весной 1910-го они обвенчались в Николаевской церкви под Киевом и отправились в медовый месяц в Париж. По возвращении Гумилев, уже известный поэт, ввел в литературно-художественные круги Петербурга свою красавицу-жену. Поначалу ее только так и воспринимали: необычная внешность и царственная осанка. Но

«Орден» кабаре
«Бродячая соба-
ка». В 1912 году
в этом богем-
ном подвале
Ахматова,
по замечанию
Корнея Чуков-
ского, впервые
ощутила «свою
победитель-
ность». Выца-
пано на латыни
CAVE CANEM
««Остерегайся
собаки!»» –
надпись на древ-
них стенах
Помпей...

Гумилев верил в ее дар, который просто надо было развить: чтения и дискуссии о поэзии на собраниях Цеха поэтов, по сути, стали ее университетами.

Это было славное время – очередной виток развития поэзии: один за другим выходят поэтические сборники, появляются новые имена, собираются кружки, поэты ищут и находят новые формы и новые слова. Настоящий бум! Его назовут Серебряным веком, объединившим прекрасных людей, которые воспели столь несовершенный мир...

Тоненькая книжка стихов Ахматовой «Вечер» вышла в самом начале 1912 года, и «к общему хору

русских лириков присоединился еще неведомый молодой голос настоящего поэта», – писал в предисловии Михаил Кузмин. У Ахматовой сразу появились поклонники и подражательницы. А новизна ее поэзии состояла в том, что она высказывала чувства женщины, ее точку зрения на отношения – это уже не пассивный объект мужской любви, как было принято на протяжении веков, а полноправный партнер. Молодая женщина обрела славу «эмансипе» и самой модной поэтессы своего времени. Годы спустя она будет считать тот прорыв «бедными стихами пустейшей девочки»...

Неуютная «общая территория»: кухня и очень холодный коридор, в тупике которого с 1929 года ночевал Лев Гумилев

Из прихожей направо – кухня, налево – анфилада «личных пространств»...

Настенный телефон

ЛЕС РУБЯТ – ЩЕПКИ ЛЕТЯТ

Завертелись жернова страшного для России XX века, перемалывая жизни миллионов людей: Первая мировая, две революции, Гражданская война, репрессии, Великая Отечественная... В этих катастрофах приходилось как-то выживать, по возможности сохраняя достоинство, что удавалось далеко не всем.

Гумилев храбро воевал на фронтах Первой мировой войны, был ранен, награжден двумя Георгиевскими крестами. В неспокойном 1918-м Николай и Анна расстались: каждый давно жил своей жизнью, не скрывая романы на стороне. Их сын Лев (в будущем – известный ученый, автор пассионарной теории этногенеза. – Прим. авт.) до 17 лет жил у бабушки по отцовской линии в селе Слепнево под Бежецком Тверской губернии. Родителей видел редко. Казалось бы, все могло быть гораздо счастливее, как в их милой семейной шутке: папа – Гумилев, мама – Гумильвица (так она подписывала письма) и сын у них – Лев! Но на деле их связывали только поэзия и общие друзья, в числе которых оказался новый избранник Анны – некрасивый, болезненный, талантливый востоковед, поэт, переводчик шумерского «Эпоса о Гильгамеше» Владимир Шилейко. Спустя годы она смеялась: «Это все Гумилев и Лозинский твердили в один голос – ассиролог, египтянин! Ну, я и согласилась».

Потом она назовет его «промежуточным мужем»: после развода с Гумилевым Ахматова прожила с Шилейко с 1919 по 1921 год в северном флигеле дома №34 – того самого Шереметевского дворца. Не приспособленный к быту ученый вызывал в Анне сильнейшее желание быть полезной великому человеку: она часами писала под его диктовку поэтические переводы клинописных текстов, вела хозяйство и даже колола дрова. А ревнивец не выпускал Ахматову из дома, жег адресованные ей письма, не давал писать «свое». Гражданский брак с Шилейко так измучил Анну, что позже она обронила: «Развод... Какое же это

приятное чувство!» Но за столь недолгое время она узнала многое – об истории, цивилизации, древнем мире и реальности...

В августе 1921-го Николая Гумилева расстреляли по недоказанному обвинению в контрреволюционном заговоре. Он не скрывал своих монархических взглядов, говорил о них даже на поэтических вечерах перед рабочими, крестился на церкви, но переворота не готовил, считая его бесполезным. Человек чести, поэт и офицер, гибель которого стала страшной неожиданностью для друзей и близких. Ахматова тяжело переживала ее всю оставшуюся жизнь и сберегла его поэтическое наследие в надежде, что оно когда-нибудь перестанет быть запрещенным в нашей стране...

С середины 1920-х для нее самой наступают тяжелые времена.

В 1924 году вышел сборник, за которым последовала опала: «пропагандистские», «упаднические» стихи – так клеймили в печати ее творчество. Статья Троцкого «о внутренних эмигрантах в литературе» вычеркнула Ахматову из списка официально признанных литераторов... Н.И. Попова рассказала, что обвинили поэта за цикл «Библейские стихи», в частности за «Лотову жену», из книги *Anno Domini MCMXXI* – «В лето Господне 1921». Спасаясь из уничтожаемого за грехи Содома, жена праведника Лота оглянулась на родной дом и застыла соляным столбом. В этом поэтическом пересказе библейской истории власть усмотрела намек на современные события – бегство и высылка людей из обреченной России, сожаление о прошлом. С 1925 по 1939 год Ахматова – «персона нон грата»: ее стихи не печатают, имя не произносят. В 1930-е годы ленинградские чекисты собирались ее арестовать – не разрешила Москва. Но машина репрессий не пощадила Льва Гумилева, обвиненного в космополитизме: три ареста, пытки, двенадцать лет в лагерях, реабилитация в 1956-м...

Бичевание Ахматовой повторится позже и будет тянуться с 1946

В эту комнату Ахматова вернулась из эвакуации. В ноябре 1945 года сюда приходил секретарь Британского посольства в Москве и будущий культуролог, историк идей Исаия Берлин – последняя любовь Ахматовой. И она ошибочно считала, что эти встречи и стали поводом для гонений в 1946-м...

по 1955 год. Глава Ленинграда Андрей Жданов после войны переведен в Москву, партийные интриганы чернят его в глазах Сталина. Жданову нужны жертвы – либо соратники из горкома, либо деятели культуры. В августе 1946-го ЦК устраивает разнос журналам «Звезда» и «Ленинград»: благороднейшего Зощенко называют «попшляком» и «подонком», Ахматову – «чуждой нашему народу». Сам Жданов говорил: «В чем заключается искусство Ахматовой? <...> Томление, упадок и кроме того невероятная блудня»... Как-то Анна Андреевна увидела на другой стороне Шпалерной улицы Зощенко: «Кто Мишеньку не знает? Мы с ним, конечно, тоже всю жизнь знакомы, но дружны ни-

когда не были – так, раскланивались издали. А тут, вижу, он бежит ко мне с другой стороны улицы. Поцеловал обе руки и спрашивает: «Ну, что же теперь, Анна Андреевна? Терпеть?» Я слышала вполуха, что дома у него какая-то неурядица. Отвечаю: «Терпеть, Мишенька, терпеть!» И проследовала... Я ничего тогда не знала». Это было 14 августа 1946 года – день выхода постановления Оргбюро ЦК ВКП(б), которым Ахматова и Зощенко были исключены из Союза советских писателей. Коллеги на заседании Союза писателей лишают изгоеев продовольственных карточек, запрещают уже изданные книги и печать новых, обрекая на голод. Ахматова писала «в стол», многое уте-

Зачетная книжка студента
Ленинградского университета
Льва Николаевича
Гумилева

Камея из черного и белого агата с портретом Ахматовой принадлежала В. Гаршину

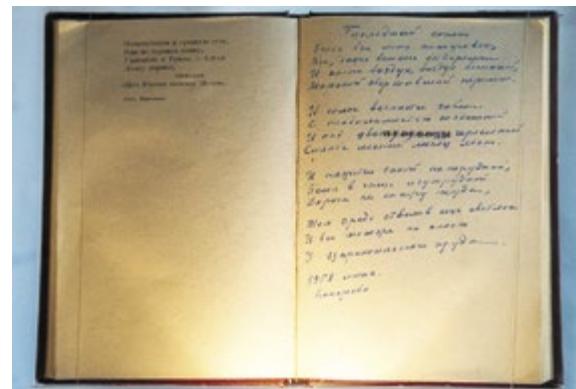
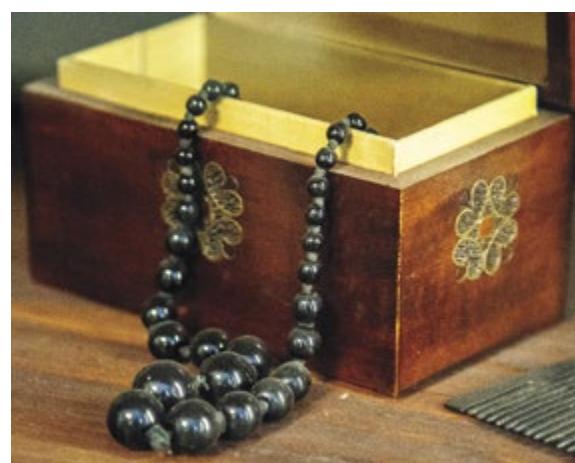

Участники треугольника сохраняли дружеский стиль общения и в «Розовой столовой» устраивали чаепития за самоваром...

ряно при бесчисленных переездах, а что-то ею сожжено. Только в 1951 году ее членство в Союзе восстановили, стали публиковать, но «ошибочное» постановление отменили лишь в 1988-м.

«Когда госаппарат кричал ей: «полумонахиня-полублудница!», он все равно чувствовал в ней потребность, — считает Нина Попова. — Потому что она умела сопрягать земную жизнь людей — преданность, предательство, слабость, смерть — и вечную жизнь. Она этого не разделяла — таким было ее переживание мира, о чем в те времена атеизма, конечно, вслух не говорилось. Но она знала, что с уходом человека из жизни его душа не уходит. У нее было очень острое чувство памяти, и она возрождала ушедших. «Поэма без героя» — ее намерение вернуть их голоса в размеры поэтические, в тексты! И тогда они все — живы, и тогда — они есть... В 1936-м, к 50-летию Гумилева, она пишет «Заклинание»: «Из тюремных ворот, // Из заохтенских болот... // Приди ко мне ужинать». В «Поэме без ге-

роя» она зажигает венчальные свечи — но это же ее свечи! Других не было — только однажды она стояла под венцом: «Я зажгла заветные свечи, // Чтобы этот светился вечер»... Она прячет своих дорогих людей под масками — запрещено упоминать их имена. До 1989-го не печатали Гумилева. Но она с ним разговаривает, помнит, пишет о нем. Для нее это естественно: со времен Библии поэт может очень многое. Силой памяти, силой обращения к душе поэт может помочь ей вернуться. В Ахматовой каким-то образом уживалось христианство с язычеством... Я считаю ее непрочитанным поэтом XX века, хотя так она говорила о Гумилеве. Она очень сложный поэт!»

Тетрадь
со стихами Анны
Андреевны
Ахматовой

НА ФОНЕ СОВЕРШЕНСТВА

В 1960-е она писала: «Тридцать пять лет я прожила в одном из самых замечательных петербургских дворцов и радовалась совершенству пропорций этого здания XVIII века». Совершенство, как неуместные декорации из другого спектакля, контрастировало с реализмом советской эпохи. И вокруг — не только идиллический Летний сад, «царственные липы», «лучшая в мире стоит из оград», Лебяжья канавка, Русский музей, цирк Чинизелли на берегу Фонтанки, кони Клодта, Художественное училище Штиглица, дом Некрасова на Литейном, но и Спас на Крови, «и два окна в Михайловском замке, которые остались такими же, как в 1801 году, и казалось, что за ними еще убивают Павла, и Семеновские казармы, и Семеновский плац, где ждал смерти Достоевский, и Фонтанский дом — целая симфония ужасов...».

Музей Ахматовой обосновался в Фонтанном доме потому, что здесь она прожила самые тяжелые, наиболее сложные и страшные для нее годы — гонения, репрессированный сын, война... «Нет, это не я, это кто-то другой страдает. Я бы так не могла...» — но ведь Господь посыпал испытаний человеку столько, сколько ему по силам принять... Анна Андреевна познала горечь потерь, предательства, унижений. Ее многострадальное сердце воспринимало эти раны, а ум «складывал» их в стихи! Все, что оначувствовала — переносилось в слово, это ее способ осмысливать и скорбеть...

Ее называли «королева-бродяга». Иосиф Бродский (обстановка его нью-йоркской квартиры находится здесь же, в небольшом помещении на первом этаже – Ахматова опекала молодого поэта, напоминавшего ей Мандельштама. – Прим. авт.) вспоминал, что «в ее облике – особенно когда она вставала вам навстречу посреди чьей-нибудь квартиры – было нечто от странствующей, бесприютной государыни». У скиталицы лишь на склоне лет появилось свое жилье – однокомнатный домик с верандой в писательском поселке Комарово, под Ленинградом. Там же, на Комаровском кладбище, после отпевания в Никольском соборе, она и похоронена 10 марта 1966-го...

В череде своих петербургско-ленинградских адресов она лишь Фонтанский дом чувствовала «своим», но прав на него не имела: это «жилплощадь» того, с кем она снова попыталась создать семью. Часто ее винят в излишней влюблчивости – за 76 лет было десять настоящих душевных привязанностей! И – неравноценных: она отдавала все прекрасное, что у нее было, а в ответ – столько не нашлось. Ее романы и муки – воспитание чувств, познание души в различных «обстоятельствах», материал для творчества и всегда – жертвоприношение.

Самый долгий ее роман длился пятнадцать лет – искусствовед-комиссар Наркомпроса Николай Пунин в 1922-м стал гражданским мужем Ахматовой. Но официально он не развелся: Анна Арэнс всех содержала, благодаря постоянному окладу в 400 рублей. В мучительном треугольнике только властному ревниву все нравилось, а женщины – обе страдали, но любили...

Это была жизнь на грани нищенства: легкое пальто и фетровую шляпу Ахматова носила в любую погоду, туфли – на босу ногу, дома – в пижаме, в халате принимала гостей, накинув белую шелковую шаль. Одна подруга завещала ей свои вещи – Анна Андреевна оставила себе старую шубу, остальное раздала более

Кабинет
хозяина дома

нуждающимся. Не расставалась лишь с двумя своими книгами: Библией и томиком Шекспира. Бедно тогда жили почти все, другое дело – отношения между людьми. Пуникин ей «выделили» диван и столик. «Самое красивое в моей комнате – это клен за окном», – писала она. А Лева, живя у матери, ютился в тупике коридора. Лидия Чуковская вспоминала: «Всякий раз, когда появлялся даже намек на величие Ахматовой, Николай Николаевич нарочито сбивал тон, принижая ее, вроде того: «Анечка, почистите селедку!» Или вот сцена: Ахматова читает друзьям новые стихи, в комнату влетает Пунин: «Анна

Андреевна, вы – поэт местного царскосельского значения! Не забывайте!» Он настаивал на ее работе переводчиком чужих стихов – хоть какие-то деньги... Но самым важным для нее делом стал анализ произведений Пушкина и расследование причин его гибели. Ее возмущало предательство ближнего круга – семей Жуковского, Карамзина, Гончаровых и «друга» Вяземского. Увы, и в «золотом веке» она нашла сходство со своим временем и окружением! В 1965-м за научные работы в области пушкиноведения Оксфордский университет присвоил Ахматовой почетную степень доктора литературы.

Тот самый
«шкап»...
И фотоаппарат,
запечатлевший
здесьнюю жизнь

ВНЕСЕНИЕ ЯСНОСТИ

Ахматова устала от Пунина, осенью 1938-го перешла жить из его кабинета в бывшую детскую. «Надо было сделать это раньше, — жаловалась она Чуковской. — Но я была так подавлена, что не хватало сил. Мне было очень плохо, ведь я тринадцать лет не писала стихов, вы подумайте — тринадцать лет! Всего тридцать стихотворений за все время, а в некоторые годы — годы! — ни одного». Даже сафьяновую тетрадь, в которой Ахматова писала свои стихи, Пунин держал в своем «шапку», и Леве пришлось ее выкрасить, что возмутило многоженца: «От боли хочется выворотить грудную клетку. Ан. победила в этом пятнадцатилетнем бою...»

Она начинает писать так, словно плотину прорвало! В этой комнате, кажется, нет ничего особенного, но ее портреты и портрет Пушкина как будто визуализируют их духовную связь и некое наследование — следование по одному пути: напряжение, создаваемое властью имущими, безденежье, травля, тотальное одиночество... И войну она встретила здесь: дежурила у ворот дворца, тушила футасы, лечила больных соседей, носила воду из Фонтанки, добывала дрова, закапывала статуи Летнего сада. В конце сентября 1941-го ее голос люди услышали по радио: «Мои дорогие сограждане, матери, жены и сестры Ленинграда. Городу Петра, городу Ленина, городу Пушкина, Достоевского и Блока, городу великой культуры и труда враг гро-

зит смертью и позором. Я, как и все ленинградцы, замираю при одной мысли о том, что наш город, мой город может быть расстоптан. Вся жизнь моя связана с Ленинградом...» И она воспевает подвиг Женщины! После войны Ахматову наградят медалью «За оборону Ленинграда».

По решению горкома партии и настоянию врачей ее эвакуируют из Ленинграда — через Москву, Казань, Чистополь — в Ташкент. Вернулась она одной из первых — в мае 1944-го. Сюда — на Фонтанку, хотя думала, что едет жить к новому мужу — профессору медицинского института, главному патологоанатому блокадного города

Уникальная внешность поэта вдохновляла многих художников

Владимиру Гаршину. Он ухаживал за ней с 1937-го, она назвала его «утешением самых горьких дней». В письмах из блокадного Ленинграда он сделал ей предложение, и она в эвакуации его принял. Он встретил ее на вокзале: «Ну, куда вас отвезти?» Он женился! И отвез на Фонтанку, 34. Она этого не простит...

Пунин настойчиво просил ее съехать, но — некуда! Она и не хотела: Литфонд предлагал варианты, она отказывалась. Только соседство с великолепным Смольным собором «подкупило» Ахматову, и в 1953-м она сменила адрес.

А «точка отсчета» все равно только одна, делящая ее жизнь по «местожительству»: до Фонтанного дома, в Фонтанном доме и после Фонтанного дома. «Я пришла на день, на два, а осталась навсегда...». Здесь из поэтессы вырос поэт...

Ахматова оставила о каждом повороте своей судьбы душевный отклик и характеристику: «Не должен быть очень несчастным // И, главное, скрытным. О нет! // — Чтоб быть современнику ясным, // Весь настежь распахнут поэт. Была ли она ясной современнику, ясна ли она нам? Теперь уже не Ахматова, а ее стихи помнят ту жизнь, какой она ее узнала и прожила...»

В этом зеркале отражается тот самый клен, о котором писала Ахматова

ЮЖНЫЙ ПОРТ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ВЫЙДЕШЬ ИЗ ДОМА ПОУТРУ И ПРИКИНЕШЬ:
 СЛЕВА ОТ НАС МОГУЧИЙ ЗИЛ И ФАБРИКА «РАДУГА», ГДЕ ШЬЮТ МОДНЫЕ ПЛАЩИ. ВПЕРЕДИ – «ШАРИКОПОДШИПНИК» («ШАРИК» ИЛИ ГПЗ, ТАК КОРОЧЕ). ПО ДИАГОНАЛИ, У МЕТРО – ЗАВОД «ДИНАМО». НУ А ВПРАВО – РОДНОЙ ЮЖНЫЙ ПОРТ. А МЫ ЖИВЕМ ПОСЕРЕДКЕ. А СЗАДИ – РЕКА. И РАЙОН НАШ ТАК КРАСИВО, ТОРЖЕСТВЕННО, ДОЛГО И ДЛИННО ЗОВЕТСЯ – ПРО-ЛЕ-ТАР-СКИЙ.

Я

ВОТ В ШКОЛУ ИДУ,
 а людей почти нет –
 все давно по местам,
 все работают. Грузо-

виков на улице больше, чем автобусов... Ну, я-то умею дорогу переходить, мне уже семь лет с хвостиком, сначала смотрю налево, потом – направо. За плечами ранец, в руке мешок сменной обуви, на голове – беретка дурацкая, обязательная, синяя. Я в школу топаю, в первый класс. 1967 учебный год.

Учиться хорошо надо. Особен- но в год 50-летия Великой Октябрьской социалистической ре- волюции. Так нам учительница Вера Петровна часто повторяет. А про революцию по телевизору каждый день документальный фильм показывают, с продолже- нием. «Летопись полувека» – вот как фильм называется. Хорошее кино, там про войну много и про разные подвиги.

А я как раз хорошо учусь. У меня только с чистописанием – не очень. И рисую я хорошо, а Веру Петровне почему-то не нравится. И еще на уроке пения мне всегда смешно, а «пенщица» смеха не любит. Странно... А чего у нее комбинация из-под платья торчит?

А так я учусь хорошо. Лучше меня во всем классе только Танька Арбузова учится. Мы с Танькой отличники, нас уже сфотографировали и обещали

к Новому году в коридоре на стенку повесить. Не нас, то есть, повесить с Танькой, а наши фотографии. А рядом будут от-личники из первого класса «А» и первого класса «Б» висеть. Вернее, их портреты. Ну а мы с Танькой первый класс «В» представляем. Ого!

Мне в школе нравится. В классе меня зовут Васькой. Не по имени, а фамилию сократив, пере- иначив. Но я и не против. Меня и в детском саду так звали. А в детском саду мне тоже все очень нравилось. Особенно «ежики» на обед. Это такие круглые шарики, типа котлет. Или там селедка с пюре на завтрак по понедельникам, или вот курица с рисом по субботам. И, конечно, компот! Ужасно вкусный. А еще к борщу или щам давали утренние бутерброды с маслом. Утром мы их не хотели, а в обед, после прогулки – еще как! Они так подсохли чуть-чуть по краям, как сухарики, и с горячим борщом прямо ужас как идут, вкуснотища...

Да, в детском саду было здорово, но и в школе тоже ничего. И ничего удивительного в этом нет: жизнь – такая интересная штука. Особенно в нашей стране. И особенно в нашем районе. И особенно-преособленно – в нашей большой семье. Вот. Главное – от Таньки Арбузовой не отставать. У которой одни пятерки.

А чего, в самом деле, плохого во- круг? Ничего плохого! Уроков в школе всего четыре, самый луч- ший – физкультура, а после уро- ков можно домой бежать.

А дома руки помоешь, пере- оденешься, отдохнешь, уро- ки быстренько сделаешь и во двор! А во дворе все ребята знакомые, портовские, мож- но в салки, в прятки, в футбол играть! Или в ножички, в чи- жик, в лапту, в штандер, в «бо- яре, а мы к вам пришли». Или еще во что.

И кругом, главное, все свои, люб- обий подъезд как родной, и ни- кого не надо бояться. А по вы- ходным за большим столом во дворе собираются взрослые, кто-то на гармошке поет про «Варяг», толстые бабушки в раз- ноцветных халатах дуются в бесконечное лото, а рядом пор- товские дяденьки что-то пьют из зеленой бутылки. И всем так весело, хорошо. Все друг друга знают. И белье на веревках по- лощет от дерева к дереву. И пе- сочек под ногами скрипит. И двор такой большой, прямо огромный.

Наш дом на горке – пять этажей, напротив, пониже – семиэтаж- ка, слева который – тоже пять, а справа достраивают высочен- ную желтую кирпичную гро- мадину – девять этажей будет. Там можно на лифте покататься до неба.

А в середине двора дерево рас- тет толстое-толстое, кто-то из больших на суху тарзанку устро- ил, но я пока не дотягиваюсь...

А по соседству – больница. Пере- лезешь через острые прутья за- бора железного и – как в мире другом. Как в лесу. Или как в большом парке. Конечно, дядь- ки в белых халатах ругаются, но от них спрятаться можно! Тут как в разведке, на враже- ской территории. Важно, чтобы тебя не поймали и к родителям не отвели! Надо уметь рвануть с места!

Самые смелые из нас даже за-глядывают в желтые оконца морга. Один только раз и я за-глянул... И тут же зажмурился. А так – я не заглядываю, была

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРДИНА

охота... Тут лучше в индейцев играть, есть из чего лук и хорошие стрелы сделать. Одно племя в крепости торчит, на горке, в недостроенном и заброшенном когда-то доме, а другое племя эту крепость штурмует. Только, чур, в лицо или в голову – не стрелять, в живот или грудь – можно... Я там был Черным Ястребом, а мой лучший друг Сережка Пронкин – Чингачуком. Если мы выходили на тропу войны, то берегись... Вечер наступал слишком быстро.

А дальше, за больницей, было – Болото. Все, что за больницей, называлось «Болото», хотя самого болота давно уже не было, но был огромный пустырь, места-

ми и впрямь заполненный черной водой и куда нас родители не пускали, но мы, вырастая, все одно – бегали. Там можно было развести костер. Испечь принесенной из дома картошки. Там было страшновато, безлюдно, там были заросли и тропы, самые видные, самые широкие из которых шли именно к проходной Южного порта и к фабрике «Восход», где делали, в частности, такие знакомые каждому школьнику тетради в клеточку и линеек за 2 копейки штука.

А справа и сзади была река, весело блестевшая на солнце, – и мир, казалось, заканчивался идущим по реке белым катером

или баржой, которую в порт тащили буксиры. Песок, щебень, уголь, гравий, зерно, бумага, лес, а ранней осенью и астраханские арбузы плыли по реке, и смотреть на эти караваны судов было так здорово, что и за уши не оттянешь. Другого берега – почти не видно.

И хоть ты и был маленьким, но ощущал причастность к этому большому, здоровому миру, где сильные люди работают, плывут, грузят, выгружают, причаливают, упłyвают, уходят и – улыбаются тебе при встрече и где ты сам, пусть пока школьник, но свой, портовской, надежный парнишка, который вырастет – не подведет.

Долгое время двор был и миrom, и лекарем, и учителем, и убежищем, и чем-то еще таким необходимым, важным, что мы выражать пока не умели, а просто скучали, расставаясь с ним на длинные летние каникулы.

Неразрывная связь двора и порта заключалась в этом повсеместном, общеупотребляемом слове – портовской. Оно произносилось и всерьез, и с иронией, и весело, и грустно, но всегда – уважительно, с оттенком. Портовой означало – свой, знакомый.

- Сходи в магазин за картошкой...
- На горку?
- Нет, в наш, в портовской.
- Кто там шумит внизу?
- Да это наши, портовские.
- Ну, ты его знаешь, грузчик, с третьего участка....
- Где он живет?
- Да в нашем доме, портовском, на Болоте.
- А кто она? Из портовских?
- Да нет, она из мастерских будет.

Порт отвечал за людей: порт строил дома, открывал детские садики, имел дачу и санаторий, предлагал путевки и профсоюзные экскурсии, порт кормил, выдавал праздничные продовольственные заказы, обеспечивал работой, квартирой, общежитием, всем разумеренным строем оклоречной жизни.

Порт был надежен, как старый опытный капитан. Он ничего не обещал наперед, но шел по маршруту точно.

Мои родители проработали в Южном порту всю свою жизнь. Как пришли, так больше никуда и не уходили. Менялись только должности, обязанности и оклады... Мама и теперь помнит по специфике коммерческого отела, что угля порт принимал до 2 миллионов тонн, а зерна – 500–600 тысяч тонн за год.

В навигацию в порту было три смены – порт работал круглосуточно. Коллектив – полторы тысячи человек.

В масштабах города и даже района порт не был крупным пред-

приятием. Разве мог он сравняться с ЗИЛом... Да тот же завод «Динамо» был куда знаменитее. Школьником я бывал там нередко, «Динамо» было нашим шефом. Однажды нам вручили три тома истории завода. Первый из томов назывался – «Динамо на пути к Октябрю»... Но в моих детских глазах порт был самым важным, самым главным, самым... своим. Огорчался, что фотографии папы нет на красивом панно, установленном в сквере на Автозаводской площади. Панно называлось: «Передовики района».

- Почему тут нет твоей фотографии?
- Не заслужил, наверное, – отвечал папа, чуть улыбаясь.

...Когда я вырос, я спросил его про Оттепель.

Отец вопроса не понял. Какая оттепель?

Я пояснил, нажимая на знания, полученные на истфаке.

– Ах это, – усмехнулся отец. – Болтать стали больше. Анекдоты про кукурузу пошли... Между прочим. При Хрущеве у милиционеров впервые появились дубинки. Мы их называли демократками. Потом их, правда, отменили. Дубинки народной милиции против народа. Нехорошо как-то.

– А на похороны Сталина ты ходил?

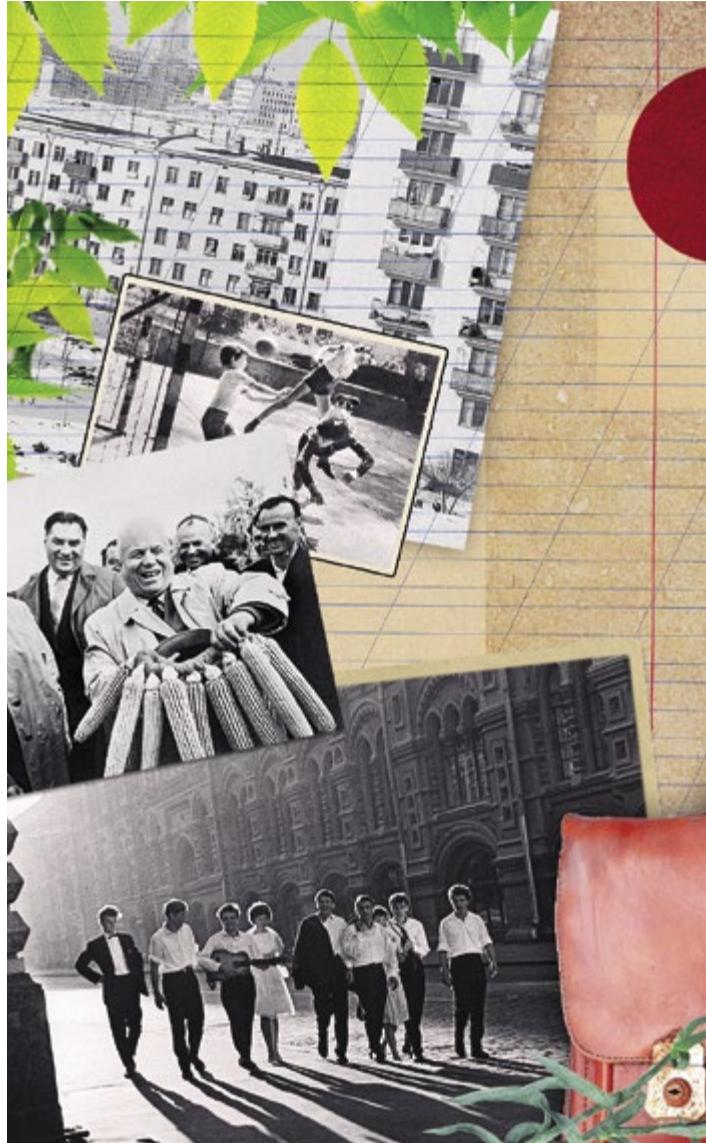
– Молодой был, любопытно. Пошел один... Чуть не задавили, выбрался переулками. Не додел.

– И что?

– А ничего. На метро домой вернулся, переоделся и на работу. Мне как раз во вторую смену было.

И мама от Оттепели решитель но отказалась.

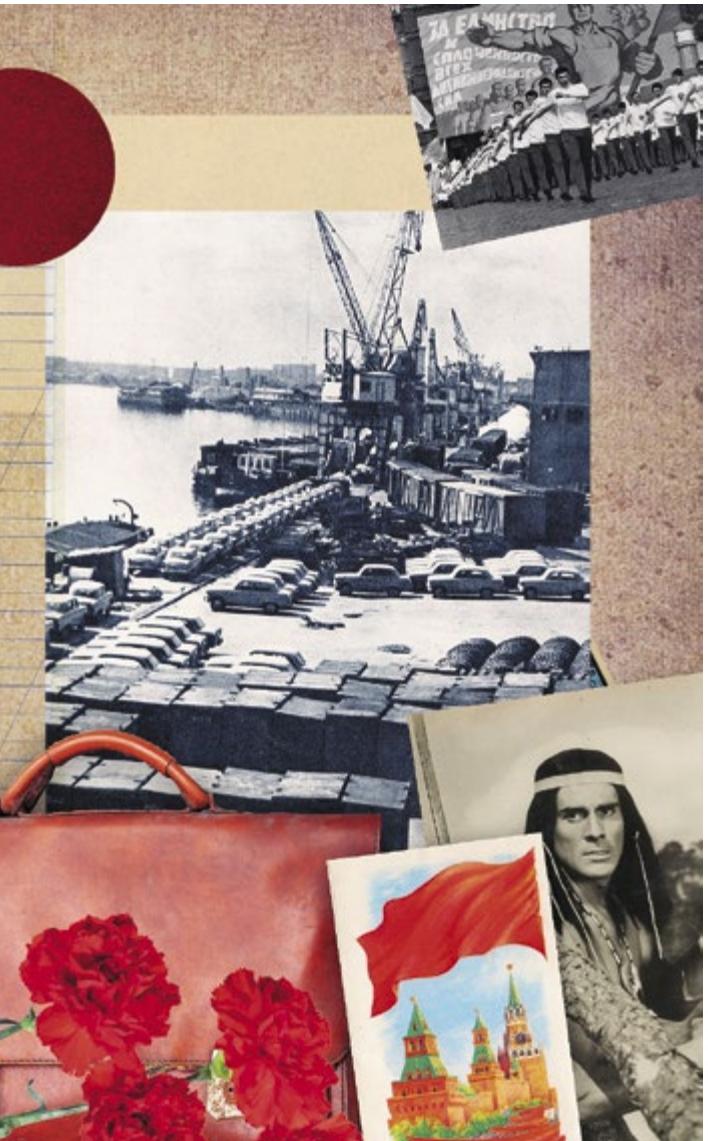
– Это все от богемы идет... От золотой молодежи. От тех, кто всю жизнь на улице Горького проваландился. Может, я чего-то не понимаю, но простого народа это мало коснулось. На производстве люди как работали, так и работали. Да и какая там для нас оттепель в начале шестидесятых? Двое малень-

ких детей да трое пенсионеров на руках – и вся оттепель. Вот квартиру в новом доме дали – это радость была. Из барака как во дворец переехали. Отдельная квартира! Трехкомнатная. Чудо просто. Хрущевки – большое дело было, очень нужное.... Так ведь все карнизы под окнами в нашем доме твой папа своими руками сделал. Отрабатывает смену в порту и на строительство дома. Такая была разнарядка.

...Карнизы папины, как и сам дом – по сию пору стоят прекрасно, под реновацию они не попали.

Одно из первых «политических» воспоминаний детства – демонстрация на Красной

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРДИНА

площади. Первомай. В составе колонны от Южного порта. Сижу у папы на плечах. Народ, лозунги, транспаранты, музыка. Людей очень много. Веселые все, шумят... У некоторых подозрительно красные лица. Тепло, солнечно, рубашка у папы белая, рукава закатаны, плечи широкие. Радостно и тревожно одновременно. Как мы далеко от дома... И есть уже хочется. Кремль? Мавзолей? Как на картинках. Ничего особенного.

И все-таки было, было в шестидесятых нечто бодрое, добродушное, с юморком. Никакого уныния вокруг я не помню. Никто не ноет, не скучит, понимаете?!

По телевизору была передача для малышей. Про Шустрика и Мямлика. После просмотра никто не хотел быть Мямликом! Никто и нигде.

Как-то сестренка Лида перед сном пригорюнилась. Даже хотела потихоньку всплакнуть в подушку. Какие-то неприятности в детском садике или еще что-то. А потом подумала: «Что плакать, расстраиваться? Зачем? Завтра будет завтрак». И уснула себе спокойно. И в нашей семье появилась главная утешительная фраза. Чуть кто огорчится – есть волшебные слова! Завтра будет завтрак.

Завтра будет завтрак, товарищи! Зачем унывать? Теперь вот фразу про завтрак и наш внук Алешка знает.

Меня веселили даже портовские фамилии, часто звучавшие дома: Колбасова, Пяткина, Копытина, Фалалеев, Марисов, Каплан...

Вспоминается ладный сосед, дядя Гриша, из сорок четвертой квартиры, бывший на фронте разведчиком и 9 Мая при медалях на пиджаке и с бутылкой в руке сообщающий отцу:

– А я что, Николаич? Я это... никакой апатии к работе. Пошли? За Победу!

И я хохочу на весь подъезд. «Ни какой апатии к работе! Фразочка – на всю жизнь.

Или история про нашу улицу, которую будто бы впервые заасфальтировали только потому, что сам Фидель Кастро пожелал сделать визит в Южный порт!

– Правда?

– Что именно?

– Ну что Третью Кожуховскую асфальтировали в честь приезда Фиделя Кастро?

– Не совсем. Но асфальтировали действительно быстро. Буквально за одну ночь. А вот Кастро в порт так и не приехал. Или другой местный анекдот.

– А правда, что до Анзора Кавазашвили в нашем районе ни одного грузина не было?

– Правда. Так все местные бабушки говорили. Что им тут делать, грузинам? Тут же все работают. И ресторанов нет!

До Анзора грузины только на Велозаводском рынке встречались. Да и то крайне редко. Торговали в марте гвоздиками. Вот после Анзора их стало значительно больше.

– Гвоздик или грузин?

– И тех, и других. Жаль только, что Анзор от нас в «Спартак» сбежал. Жижу кинул.

Анзор Кавазашвили – знаменитый вратарь футбольной команды «Торпедо» и сборной СССР. У нас за «Торпедо» полрайона болело. Потому что свои!

Или какой-то недолгий политический спор во дворе... Прямо диспут. Он завершился, когда дядя Боря из второго подъезда потушил папиресу и сказал веско и коротко:

– Что мы спорим? Только время терять... Нечего, понимаешь, интеллигенцию разводить. Там – знают.

И поднял к небу желтый указательный палец.

И все спорщики это вот «там знают» вполне одобрили и замолчали. И сразу перешли к местным темам: порт, погода, женщины, магазин.

А у нас с ребятами как раз закончился перерыв и начался второй тайм. Каждый помнит – лучший футбол был во дворе, между старыми как мир тополями.

Тот первый учебный год я завершил хорошо. Родители сохранили табель. В нем только три четверки – по чистописанию, рисованию и пению. Остальные – пятерки. Родители были довольны. Но сам я не очень радовался. У Таньки Арбузовой четверок не было совсем.

Наши портреты висели в коридоре второго этажа под лозунгом – «Отличники школы №506». Но я себя отличником не чувствовал и на свою фотографию старался не смотреть. Какой же я отличник – с тремя четверками? Как-то не очень хорошо, не очень честно выходит. Не заслужил. Чего же выпендриваться? В нашем районе выпендрежников никогда не уважали.

ГОРОД АНТОНОВСКИХ ЯБЛОК

АВТОР

ДМИТРИЙ РУДНЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КОГДА-ТО ЖИЗНЬ В РОССИИ ТЕКЛА ПО СОВЕРШЕННО ИНЫМ, НЕЖЕЛИ СЕГОДНЯ, ЗАКОНАМ. ЛЮДИ РОЖДАЛИСЬ В МИРЕ, ГДЕ ДЕЙСТВОВАЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ СХЕМЫ, ОТРАБОТАННЫЕ ВЕКАМИ. ГДЕ БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ, ПОЯВИВШИЕСЯ У ЧЕЛОВЕКА ИЗ НИЗОВ, ВЫЗЫВАЛИ УВАЖЕНИЕ, А НЕ ПОДОЗРЕНИЕ. ГДЕ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК МОГ СДЕЛАТЬ СЕБЕ КАРЬЕРУ И ИМЯ, А ТОТ, КТО ОСТАВАЛСЯ В СВОЕМ «ПРИРОДНОМ» ПОЛОЖЕНИИ, СЧИТАЛСЯ НЕ НЕУДАЧНИКОМ, А СТЕПЕННЫМ, ДОБРОПОРЯДОЧНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ.

НОСТАЛЬГИЯ ПО ТЕМ временам не угасла за целое столетие. Это чувство настолько сильно, что порой целые города, хотя бы на один день в году, стараются погрузиться в мир, когда по улицам ходили мужчины в сюртуках и женщины

в платьях с пелеринами, по булыжной мостовой громыхали брички, ражие купчины стояли за прилавками торговых рядов, а в осеннем воздухе стоял запах антоновских яблок... Ранняя осень – сытая и радостная пора. Из-за того, что в этом году практически не было лета,

она пришла, будто бы извиняясь, принесла с собой прозрачный воздух, но так до октября и не решилась окрасить листву в яркие желто-красные краски. Но все атрибуты урожайной поры «унылая пора» оставила при себе. Уже за Тулой, когда стрелки часов перевалили за шесть утра, на обочинах появились первые грибники, разложившие на коробках и ящиках упругие гроздья опятных опят. Позже, когда мы проезжали по Липецкой области, на перекрестках старой магистрали стали попадаться крестьяне, выставившие на обозрение проезжающих мимо потенциальных покупателей целые прицепы, груженные мешками с картошкой. А в деревнях бабушки уже разложили на придорожные лотки рыжие тыквы, зелено-красные груши и источающую неповторимый осенний аромат антоновку. На старую, петляющую по селам трассу мы выехали почти

сразу за городом Ефремов. Мы так торопились попасть в Елец до начала местного фестиваля «Антоновские яблоки», что обнаружили – приедем туда чуть ли не на час раньше намеченного срока. Этот город мне доводилось видеть только проездом, хотя жизнь сводила меня с огромным числом выходцев из Ельца. Все они были малость лихими, задорными и породистыми людьми, «стяпными», как сказала бы про таких моя подмосковная прабабка.

Неудивительно, что именно здесь прошли детство и молодость самого язвительного и поэтичного русского писателя – Ивана Бунина. И, естественно, наш фестиваль, на который мы так спешили, был посвящен не яблокам и торговле ими, а Ивану Алексеевичу. Даже, наверное, не совсем ему, а тем отрезкам его жизни, которые прошли под Ельцом и которым он посвятил свои «Антоновские яблоки».

В Ельце сохранились места, где кажется, что XX век так и не наступил

Антоновка и красные гроздья рябины – непременный атрибут русской осени

ОТ ТАМЕРЛАНА ДО ГУДЕРИАНА

Ранняя история Ельца – полулегендарна. В Никоновской летописи город дважды упоминается под 1146 годом. То есть, получается, он на год старше Москвы. Однако есть мнение, что это поздняя вставка в летопись. Правда, ельчан это нисколько не смущает, и они страшно гордятся однолетним старшинством над столицей.

Если взглянуть на макет реконструкции Елецкой крепости в краеведческом музее, в глаза сразу бросается ее необычная планировка. Крепость стоит в излучине реки, не на мысу, образованном обрывистыми берегами при слиянии двух рек. В плане она – вытянутый прямоугольник, прилепившийся одной из длинных сторон к высокому берегу реки Быстрая Сосна. Справа и слева, по коротким сторонам, крепость обрамляли два оврага, один из которых виден до сих пор. Это – низина между улицами Труда и Льва Толстого.

Никоновская летопись относит Елец к древнему Рязанскому княжеству, называя его одним из уделов рязанских князей. Удивительно, но Старая Рязань, домонгольская столица княжества, устроена по тому же принципу. Город выходил самой длинной своей стороной на почти прямой и обрывистый берег Оки, а по бокам его защищали извилистые и глубокие овраги. Таким образом, в Рязани, как и в Ельце, нападению врагов представлялась одна-единственная стена, на которой можно было сосредоточить максимум сил и средств для отражения штурма. Елец пережил немало трагических моментов. Если он действительно существовал еще в XII веке, значит, он, безусловно, был уничтожен во время ордынского нашествия. Затем в конце XIV века город спалил дотла Тамерлан. В начале XV века Елец уничтожают крымские татары,

жители покидают его и возвращаются сюда только при царе Федоре Иоанновиче.

В 1585 году для защиты от набегов степняков на этом направлении строятся крепости Ливны и Воронеж, однако татарские отряды легко просачиваются между этими укреплениями. И в 1591 году царь приказывает отстроить Елецкую крепость.

Дело это дается трудно, Елец в ту пору – дикое место. Ни жить, ни служить здесь никто не хочет. Назначенные дети боярские из порубежных городов едут сюда с неохотой, некоторые – неслыханное дело! – самовольно отправляются нести службу в другие места. Даже казаки не желают здесь служить.

Но за несколько лет городской голова Иван Никитич Мясной и воевода Ельца князь Андрей Дмитриевич Звенигородский досягают крепость и расставляют по окрестностям 9 сторож, призванных отследить появление неприятеля. Очень скоро город наполняется жителями, возникают посады, а затем, когда угроза набегов становится все менее опасной, вокруг города появляются хутора, деревни и села. Неизвестно, строил ли Иван Мясной новую Елецкую кре-

Фестивальный базар у стен собора

пость на месте старых валов покинутого в начале XV века городища. Но у нас есть основания предполагать, что это было именно так. К северо-западному углу крепости примыкает Красная площадь. На ней стоит Воскресенский собор. А возле него – часовня, поставленная над могилой ельчан, сражавшихся и погибших при взятии города Тамерланом. Следовательно, старый Елец располагался там же, где царь Федор приказал строить новую крепость...

Не менее драматической была история Ельца во время Второй мировой войны. Осенью

1941 года город готовился к обороне, сюда приближался фронт. 3 декабря гитлеровцы вошли в город, но уже 9 декабря противник был выбит из Ельца. За три дня до этого началась первая в истории Великой Отечественной войны наступательная операция советских войск, получившая название Елецкой. За десять дней части Юго-Западного фронта разгромили две фашистские дивизии (потери противника составляли 12 тысяч человек убитыми) и нанесли серьезное поражение 2-й танковой армии Гудериана. Елец пробыл в оккупации противником чуть более пяти суток...

Мода наших прабабушек, когда они были детьми

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ – ОБМАНЧИВО

Фестиваль «Антоновские яблоки» оказался довольно странным событием. Первое, с чем нам довелось столкнуться, – это перекрытые улицы на подъезде к Городскому парку. Поначалу все, что мы увидели, было довольно заурядным для подобного рода мероприятий зреющим.

В Детском парке, который примыкает к Городскому, играла развеселая музыка, между работающими аттракционами, от одной игровой площадки к другой, носилась детвора.

Пройдя мимо, мы вышли на улицу Коммунаров. Здесь метров на пятьсот раскинулся оживленный базар. Пожилые азербайджанские мужчины с достоинством индийских махараджей жарили шашлык и колдовали над пловом. Веселые тетеньки продавали медовуху, пуховые шали и прочую рухляедь.

Гвоздем программы здесь были лотки с изделиями народных промыслов. Более бессмысленных вещей, чем выставленные здесь, найти, наверное, невозможно. Особенно меня поразили настоящие валенки размером со спичечный коробок. Как ни странно, товар пользовался спросом, совсем как у Бунина в «Антоновских яблоках»:

Мальчишки
в качестве
нарядов
из прошлого
выбрали
военизированный
вариант.
Оно и понятно

«...покупателей много, торговля идет бойко, и чахоточный мещанин в длинном сюртуке и рыжих сапогах – весел. Вместе с братом, картавым, шустрым полуидиотом, который живет у него «из милости», он торгует с шуточками, прибаутками и даже иногда «tronet» на тульской гармонике».

А вот барышень
минувший век
прельщает
изяществом
и женственностью

ВСЕ НА ДЕФИЛЕ!

Миновав это буйство коммерции, мы попали в Городской сад. Здесь было даже многолюднее, чем на базаре. Огромное число детей и подростков были одеты по моде конца XIX – начала XX века. Конечно, это была не качественная реконструкция, а, скорее, театрализованное действие. Здесь были маленькие барышни в соломенных шляпках и бархатных платьицах, юноши в форме, очень похожей на нынешнюю суворовскую. По всей видимости, они олицетворяли гимназистов или учеников реальных училищ. И поначалу казалось, что ты попал на маскарад. Однако уже через несколько минут все разъяснилось: на летней эстраде заиграла музыка, и голос из громкоговорителей известил о том, что через несколько минут начнется показ моды начала XX века.

Конечно, в этом представлении подкупала его необычность. Мало где организаторы подобных гуляний сумели придумать хоть что-то настолько же интересное. Народ, а особенно женщины и девушки, обступил площадку перед эстрадой. Порой платья и костюмы с удивительной точностью передавали дух эпохи, порой наряды были, что называется, отдаленной «вариацией на тему», но все происходило как-то искренне, очень непосредственно и просто.

Девицы, затянутые в шелка и окутанные кружевами, ходили порой совсем по-современному, но, безусловно, гордились своими нарядами, красовались в них. Здесь были все: крестьянки и дворянки, мещанки и купчихи, курсистки и гувернантки. В конце дефиле на сцену вывели крохотных, 3–4-летних девочек в забавных платьицах и костюмах морячков. Это вызвало у зрителей шквал оваций. В итоге все модели не убежали за сцену, чтобы сбросить с себя моду вековой давности, а, напротив, пошли гулять по саду. Мы отправились вслед за ними.

«Маша, ну ты просто красавица. – Женщина, в которой трудно было не угадать педагога, всплеснула руками, встретив юную особу, затянутую в синее бархатное платье с черной шляпкой-цилиндром на голове. – Иди сюда, дай с тобой сфотографироваться!»

СВОИ СРЕДИ СВОИХ

И тут я понял, что такое неуловимо необычное было в происходящем вокруг. Больше всего гулянья в парке, то есть сам фестиваль «Антоновские яблоки», напоминали какое-то домашнее торжество, где практически все друг друга знают тысячу лет. Где

Бронзовый
Иван Алексеевич
терпел на
фестивале
и не такие
фамильярности

все устроено не на показ, для стороннего, холодного, оценивающего взгляда, а напротив, все сделано своими и для своих. Вот, например, одна из площадок фестиваля – «Фотогалерея Румянцева». Она приотилась у старого литого чугунного фонтана. С расставленных на мольбертах фотографий на гостей «Антоновских яблок» смотрят дворяне, купцы и мещане дореволюционного Ельца. Их спокойные, полные достоинства лица лишь подчеркивают домашнюю атмосферу праздника. Они как бы говорят каждому пришедшему: «Я здесь живу, я отсюда родом. Пройди пару кварталов вниз к реке и повернись налево, видишь двухэтажный особняк с большим эркером? В 1879 году в нем я появился на свет». Люди подходят к мольбертам и фотографируются со старыми фотографиями, будто на них запечатлены их родственники.

Некогда
фотография
ценилась
наравне
с живописью,
потому
и мастерские
были именными

А в другом конце парка молодые чтецы готовятся к литературному конкурсу «Лишь слову жизнь дана...». Вот девочка лет 12 декламирует самое начало «Антоновских яблок»: «...Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести».

Ну и что, что она делает это с такой интонацией, будто это тихое утро, про которое она говорит, совсем не тихое? Будто и золотой сад, и кленовые аллеи, и тонкий аромат листвы какой-то садист кромсает тупым зазубренным ножом. Патетика в детском голосе зашкаливает, но именно этого всю предыдущую неделю от девочки добивалась ее бабушка, которая стоит напротив и, сопреживая, кивает в такт каждой вылетающей из юной груди драматической ноте.

Кого волнует... Даже нет, кто заметит несоответствие формы содержанию? Это же не экзамен в Шукинское училище, не подмостки МХАТа. Мы читаем классику, а классику надо читать с выражением!

Посреди всего этого праздника жизни сидит на лавочке сам

Иван Алексеевич. Скульптор изобразил его задумчивым гимназистом. Вглядываюсь в лицо нобелевского лауреата и думаю: о, господин Бунин, сколько язвительных слов родилось бы у вас, стань вы свидетелем того, что происходит здесь, в этом саду! Недаром ведь именно вы отпустили про Куприна злую шутку, что он-де «дворянин по матушке».

Но на лице юного гения, сидящего на скамейке в елецком парке, блуждала добродушно-снисходительная улыбка. Ему явно нравилось все, что творилось вокруг.

Азия под
чарами русских
блестителей
порядка.
А как же иначе?
Околоточный аж
в чине капитана!

Барышня
и гимназистка.
Советская
девичья школь-
ная форма –
почти точная
калька с дорево-
люционной
гимназической

СЕРДЦЕ ГОРОДА

Вот уже на эстраде отгребел фольклорный ансамбль, вот уже спеты четыре десятка романсов. Теперь на сцене духовой оркестр, между деревьями текут то аккорды советских шлягеров, то звуки джазовых композиций.

В дальнем углу парка на лавочке разместилась компания веселых дам. Бордовое содержимое пластиковых стаканчиков усиливает атмосферу праздника. Чтобы не смущать женщин, смотрю в другую сторону. Взгляд упирается в огромный плакат. И то, что на нем написано, объясняет абсолютно все, что было увидено на этом фестивале.

Оказывается, парк, в котором проходит фестиваль, до революции был излюбленным местом гуляний ельчан. Он состоит из двух частей, одна была арендована купцами, входившими в городское общество тушения пожаров, и была общественным парком города, а другая принадлежала купцу первой гильдии Александро Заусайлову.

Тот, кто еще в 90-е годы курил «Приму» Елецкой табачной фабрики, пусть знает, что ее производили на предприятии, основанном этим человеком.

Александр Николаевич сделал из своей половины парка настоящий ботанический сад, здесь росли редкие, привезенные из разных уголков страны деревья, была устроена оранжерея. До наших дней сохранилась беседка на кладке из местного пористого известняка, которую почему-то называют гротом, а также бассейн, в котором плавали лебеди и про который, тоже по непонятной причине, говорят, что своими очертаниями он повторяет линию берегов Черного моря.

На рубеже веков владельцы обеих половин объединили парк в единое целое, и горожане с огромным удовольствием проводили здесь свой досуг, выходные и праздничные дни. Порой гостей в парке было так много, что со стороны это напоминало не прогуливающихся людей, а настоящее столпотворение.

КУЛЬТУРА
ФЕСТИВАЛЬ «АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ»

Здесь же молодой Иван Алексеевич Бунин гулял с роковой любовью его молодых лет Варварой Владимировной Пащенко. Она, несмотря на бурный роман, так и не стала его законной женой, но вдребезги разбила сердце молодого писателя.

И этот короткий рассказ об истории Городского парка, напечатанный на стоящем на отшибе плакате, расставил все по своим местам, открыл душу города и его обитателей. Стало совершенно понятно, почему на фестивале, несмотря на бушующий за оградой парка базар, все так естественно и непосредственно.

Вся история Ельца – это стремление к жизни. Город разрушили, и он восставал из пепла, сюда приходили завоеватели, убива-

ли всех его жителей, превращали это место в пустыню... А Елец снова воскресал.

Когда-то в нашей стране были начисто уничтожены простые бытовые традиции. Например, народные песни и народные праздники. Елец не стал мириться с этим, он взял и без пафоса и помпы спокойно и уверенно возродил одну из главных городских традиций прошлого – общегородские гулянья в замечательном старинном парке.

И фестиваль «Антоновские яблоки» нужен не администрации города, чтобы поставить галочку в графе проведенных культурно-массовых мероприятий, не торговцам шашлыками и наволочками, без которых на Руси и праздник – не праздник.

А вот и антоновские яблоки.

Их вроде много, а отвернешься – раз, и их уже нет

Вот такая она, русская осень, чуть выглядит солнышко – и она уже не мрачная старуха, а веселая разряженная девчонка

Этот фестиваль нужен самим ельчанам. Поэтому они сами шьют костюмы для дефиле, поэтому учат наизусть бунинскую прозу, поют романсы и приносят на конкурс «из бабушкиного сундука» старые прядки, самовары и утюги.

Они точно так же гуляли в этом парке сто лет назад. Им нравится жить в спокойном и размеренном мире небольшого уездного города, в котором есть все: и свой государственный университет, и свой собственный фестиваль. У каждого города есть свое сердце. Где-то это крепость, где-то – дворец или площадь, где-то – собор или мост.

Сердце Ельца находится в Городском парке.

...Ближе к вечеру мы прошлись по городу. Зашли в маленький краеведческий музей, расположенный в особняке Заусайлова, прошлись по старинным улочкам в том районе, откуда начинался город, где некогда стояла крепость, построенная царем Федором. Увидели музей и могилу еще одного знаменитого ельчанина – композитора Тихона Хренникова. Конечно, и улицы, и архитектура Ельца, равно как и его церкви и монастыри, требуют отдельного рассказа. Здесь масса всего интересного, достаточно сказать лишь то, что центр города сохранил свою старинную планировку и, приехав сюда, можно окунуться в живую атмосферу патриархальной России, которую Иван Бунин так мастерски описал в рассказе «Антоновские яблоки»... Кстати, тех, кто собирается поехать на фестиваль «Антоновские яблоки» в следующем году, стоит предупредить, что самой антоновки на празднике почти что и не было. Организаторы в одном из уголков парка периодически выкладывали на стол груду этих ароматных зеленых яблок, но толпа практически моментально сметала каждую новую порцию. Но ведь это же не проблема! Антоновку осенью можно купить в любом другом месте Центральной России. И если уж ехать в Елец, то не за покупками, а за впечатлениями. ☺

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог
Прессы России».
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«МК-ПЕРИОДИКА» на сайте
www.periodicals.ru

**Корпоративная подписка
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru